

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ЦЕНТР
ЮРИДИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ И КОНФЛИКТОЛОГИИ

ЖУРНАЛ ЮРИДИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ И КОНФЛИКТОЛОГИИ

ISSN 2949-1819 (Online)

№ 1(2) – 2023

15

Культурно-
историческая
юриспруденция:
институты
и концепты

34

Из архаики
в XXI век:
Юридическая
техника

72

Материалы
Всероссийской
научно-практической
конференции
«Научное наследие
профессора
И. А. Галагана»

Corrige praetertum

Praesens rege

Cerne futurum

12+

Praesens rege

Cerne futurum

Praesens rege

Corrige praetertum

Praesens rege

Praesens rege

Cerne futurum

Corrige praetertum

Cerne futurum

ЖУРНАЛ ЮРИДИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ И КОНФЛИКТОЛОГИИ

JOURNAL OF LEGAL ANTHROPOLOGY AND CONFLICTOLOGY

Сетевое научно-практическое издание
Основан в 2022 году
Выходит 4 раза в год

№ 1(2) – 2023

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Воронежский государственный университет»

FOUNDER AND PUBLISHER:
Federal State Budgetary Institution
of Higher Education
«Voronezh State University»

Сетевое научно-практическое издание
«Журнал юридической антропологии и конфликтологии»

Рецензируемый научный журнал
Издается с декабря 2022 года
Выпускается 4 раза в год

Публикует научные работы на русском и английском языках по актуальным проблемам юридической науки. **Приоритетными направлениями исследований** для Журнала являются вопросы юридической антропологии и конфликтологии, теории, истории и философии права, сравнительного правоведения, методологии правовых исследований. **Редакция Журнала высоко ценит и поддерживает** юридико-антропологические и конфликтологические исследования в области различных отраслевых юридических наук, а также междисциплинарные работы по изучению государственно-правовой реальности.

Журнал принимает к публикации: обзоры, оригинальные статьи, краткие сообщения от ведущих ученых России, зарубежных исследователей, преподавателей, аспирантов, соискателей, адъюнктов.

Миссия журнала – обеспечение открытого доступа к результатам оригинальных научных работ в области юриспруденции, а также междисциплинарных исследований в различных сферах взаимодействия общества, государства и права; развитие широкой научной дискуссии, направленной на формирование соответствующих современным реалиям концептов правовой теории.

Сетевое научно-практическое издание «Журнал юридической антропологии и конфликтологии» зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации серия Эл № ФС77-83459 от 15 июня 2022 г.

Адрес Редакции и Учредителя:
394018 Воронеж, Университетская пл., 1
Тел.: +7 (432) 2208276
<https://journal.ru>
E-mail: journal@mail.ru

Дата выхода в свет номера: 22.05.2023

При использовании материалов Журнала ссылка на Сетевое научно-практическое издание «Журнал юридической антропологии и конфликтологии» обязательна

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons "Attribution" («Атрибуция») 4.0 Всемирная

© Воронежский государственный университет, 2023

Networking scientific and practical edition
“Journal of Legal Anthropology and Conflictology”

Reviewed scientific journal
Published since December, 2022
4 issues released per year

Publishes scientific issues in Russian and English languages on the current problems of the juridical science.

The priority areas of research for the Journal are the issues of legal anthropology and conflictology, theory, history and philosophy of law, comparative law, juridical methodology.

The editorial board of the Journal highly appreciates and supports the legal-anthropological and conflictological research in various fields of legal sciences, as well as multidisciplinary works on the study of governmental and legal reality.

The Journal accepts for publication: reviews, original articles, brief messages from the leading Russian scientists, foreign researchers, lecturers, graduate students, applicants, adjuncts.

The mission of the Journal is to provide open access to the results of the original researches in the sphere of jurisprudence, as well as the multidisciplinary works in different areas of interaction between society, state and law; developing the broad scientific discussion aimed at the formation of the concepts of legal theory, corresponding to the modern realities.

Network scientific and practical edition
“Journal of Legal Anthropology and Conflictology” is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media
Registration certificate Эл № ФС77-83459 of 15.06.2022

Editorial committee and founder address:
394018 Russia, Voronezh, Universitetskaya square, 1
Tel.: +7 (432) 2208276
<https://journal.ru>

E-mail: journal@mail.ru
Issue publication date: 22.05.2023

When using the materials of the Journal the reference to the networking scientific and practical edition “Journal of Legal Anthropology and Conflictology” is required

The materials of the Journal are licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International

© Voronezh State University, 2023

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор – **Махина С. Н.**, доктор юридических наук, профессор, руководитель Научно-образовательного центра юридической антропологии и конфликтологии юридического факультета ВГУ, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж). Заместители главного редактора: **Малиновская Н. В.**, кандидат юридических наук, доцент, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж); **Завьялова И. С.**, кандидат юридических наук, доцент, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж). Ответственный секретарь – **Шелестов Д. С.**, кандидат юридических наук, доцент, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж). Члены редакционной коллегии: **Алексеева Т. А.**, кандидат юридических наук, профессор, Высшая школа экономики (Россия, г. Москва); **Архипов В. В.**, доктор юридических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия, г. Санкт-Петербург); **Баев М. О.**, доктор юридических наук, профессор, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж); **Баулин О. В.**, доктор юридических наук, профессор, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж); **Бирюков П. Н.**, доктор юридических наук, профессор, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж); **Васильев А. А.**, доктор юридических наук, профессор, Алтайский государственный университет (Россия, г. Барнаул); **Власенко Н. А.**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, Российский университет дружбы народов (Россия, г. Москва); **Гамбарян А. С.**, доктор юридических наук, профессор, Российско-Армянский (Славянский) университет (Армения, г. Ереван); **Демичев А. А.**, доктор юридических наук, профессор, Нижегородская академия МВД России (Россия, г. Нижний Новгород); **Дорская А. А.**, доктор юридических наук, профессор, Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия (Россия, г. Санкт-Петербург); **Зражевская Т. Д.**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж); **Ломакина И. Б.**, доктор юридических наук, профессор, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры РФ (Россия, г. Санкт-Петербург); **Малько А. В.**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Поволжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (Россия, г. Саратов); **Михайлов А. М.**, кандидат юридических наук, доцент, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ (Россия, г. Москва); **Носырева Е. И.**, доктор юридических наук, профессор, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж); **Павлов В. И.**, кандидат юридических наук, доцент, Академия МВД Республики Беларусь (Республика Беларусь, г. Минск); **Панько К. К.**, доктор юридических наук, профессор, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж); **Сазонникова Е. В.**, доктор юридических наук, доцент, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж); **Раззоков Б. Х.**, доктор юридических наук, профессор, Таджикский государственный университет коммерции (Республика Таджикистан, г. Душанбе); **Романовская В. Б.**, доктор юридических наук, профессор, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (Россия, г. Нижний Новгород); **Сорокина Ю. В.**, доктор юридических наук, профессор, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж); **Стариков Ю. Н.**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж); **Честнов И. Л.**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры РФ (Россия, г. Санкт-Петербург); **Шеменева О. Н.**, доктор юридических наук, профессор, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж).

EDITORIAL COMMITTEE OF JOURNAL

Chief editor – **Makhina S. N.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Scientific and Educational Center of Legal Anthropology and Conflictology of VSU Law Faculty, Voronezh State University (Russia, Voronezh)*. Executive editors: **Malinovskaya N. V.**, *Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh)*; **Zavyalova I. S.**, *Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh)*. Executive secretary – **Shelestov D. S.**, *Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh)*. Members of editorial committee: **Alexeeva T. A.**, *Candidate of Legal Sciences, Professor, Higher School of Economics (Russia, Moscow)*; **Arhipov V. V.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Saint-Petersburg State University (Russia, Saint-Petersburg)*; **Baev M. O.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh)*; **Baulin O. V.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh)*; **Birukov P. N.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh)*; **Vasiliev A. A.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Altai State University (Russia, Barnaul)*; **Vlasenko N. A.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of Russian Federation, Peoples' Friendship University of Russia (Russia, Moscow)*; **Gambaryan A. S.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Russian-Armenian (Slavic) University (Armenia, Yerevan)*; **Demichev A. A.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Russia, Nizhny Novgorod)*; **Dorskaya A. A.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, The Northwestern Branch of Russian State University of Justice (Russia, Saint-Petersburg)*; **Zrazhevskaya T. D.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Voronezh State University (Russia, Voronezh)*; **Lomakina I. B.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Saint-Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation (Russia, Saint-Petersburg)*; **Malko A. V.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Povolzhsky Institute (branch) of All-Russian State University of Justice (Russia, Saratov)*; **Mikhailov A. M.**, *Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Moscow State Institute of International Relations (University) Russian Foreign Ministry (Russia, Moscow)*; **Nosyreva E. I.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh)*; **Pavlov V. I.**, *Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Academy of Ministry of Internal Affairs of Republic of Belarus (Republic of Belarus, Minsk)*; **Panko K. K.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh)*; **Sazonnikova E. V.**, *Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh)*; **Razzokov B. H.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Tajik State University of Commerce (Republic of Tajikistan, Dushanbe)*; **Romanovskaya V. B.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Russia, Nizhny Novgorod)*; **Sorokina Yu. V.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh)*; **Starilov Yu. N.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Voronezh State University (Russia, Voronezh)*; **Chestnov I. L.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Saint-Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation (Russia, Saint-Petersburg)*; **Shemeneva O. N.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh)*.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Махина С. Н.</i> Талант Ученого и Человека: несколько слов об Иване Александровиче Галагане	7
--	---

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВА

<i>Веденеев Ю. А.</i> Культурно-историческая юриспруденция: институты и концепты	15
--	----

ИЗ АРХАИКИ В XXI ВЕК: ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕХНИКА

<i>Алексеева Т. А.</i> «Нация» и «народ» в конституционной терминологии XVIII–XIX веков...34	
<i>Илюхина В. А.</i> Эволюция юридической техники закрепления принципов права в российском законодательстве.....	44
<i>Сазонникова Е. В.</i> Обязательные постановления Губернатора Воронежской губернии, опубликованные в «Памятных книжках Воронежской губернии» (1913–1916).....	51
<i>Ситников К. А.</i> Циркуляры МВД Российской империи по делам полицейской стражи как интерпретационные акты	61

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ОТРАСЛЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Научное наследие профессора Ивана Александровича Галагана»

<i>Агамагомедова С. А.</i> Взгляды И. А. Галагана на административное принуждение и административную ответственность: современное понимание	72
<i>Биткова Л. А.</i> Административная ответственность несовершеннолетних: вопросы теории и практики.....	81
<i>Кардашова И. Б.</i> О дисциплинарной ответственности прокурорских работников	94
<i>Попович О. М., Ольшевская А. В.</i> Актуальные проблемы применения административного наказания в виде запрета на посещение мест проведения официальных спортивных соревнований в дни их проведения	104
<i>Завьялова И. С.</i> Цифровые технологии в системе механизма привлечения к административной ответственности: конфликтологический аспект.....	113
<i>Шелестов Д. С.</i> Терминологическая основа юридической ответственности за нарушение земельного законодательства: вопросы теории и практики	125

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

<i>Седельник В. В., Чебуранова С. Е.</i> Особенности становления и развития законодательной регламентации правотворческой техники в Республике Беларусь ...	138
---	-----

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ	146
-------------------------------------	-----

CONTENTS

<i>Makhina S. N.</i> The talent of a Scientist and a Human: a few words about Ivan Aleksandrovich Galagan	7
---	---

ANTHROPOLOGICAL PROBLEMS OF LAW

<i>Vedeneev Yu. A.</i> Cultural and historical jurisprudence: institutes and concepts	15
---	----

FROM THE ARCHAIC TO THE 21ST CENTURY: JURIDICAL TECHNIQUES

<i>Alexeeva T. A.</i> “Nation” and “people” in the constitutional terminology of the 18th–19th centuries.....	34
---	----

<i>Ilyukhina V. A.</i> Evolution of the legal techniques of fixing the principles of law in Russian legislation	44
---	----

<i>Sazonnikova E. V.</i> Mandatory resolutions of the Governor of the Voronezh Province published in the “Commemorative Books of the Voronezh Province” (1913–1916).....	51
--	----

<i>Sitnikov K. A.</i> Circulars of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire on Police guard affairs as interpretative acts.....	61
---	----

THEORETICAL AND BRANCH PROBLEMS OF LEGAL RESPONSIBILITY

The materials of the All-Russian scientific and practical conference “Scientific heritage of professor Ivan Aleksandrovich Galagan”

<i>Agamagomedova S. A.</i> The views of I. A. Galagan on administrative coercion and administrative responsibility: modern understanding.....	72
---	----

<i>Bitkova L. A.</i> The administrative responsibility of minors: the questions of theory and practice.....	81
---	----

<i>Kardashova I. B.</i> On the disciplinary responsibility of the prosecutorial employees.....	94
--	----

<i>Popovich O. M., Olshevskaya A. V.</i> Actual problems of the application of administrative punishment in the form of a ban on visiting the venues of official sports competitions on the days of their holding	104
---	-----

<i>Zavyalova I. S.</i> Digital technologies in the system of the mechanism of bringing to administrative responsibility: the conflictological aspect.....	113
---	-----

<i>Shelestov D. S.</i> Terminological basis of legal liability for violation of land legislation: issues of theory and practice.....	125
--	-----

FOREIGN EXPERIENCE OF LEGAL REGULATION

<i>Sedelnik V. V., Cheburanova S. E.</i> Peculiarities of the formation and development of legislative regulation of law-making technique in the Republic of Belarus.....	138
---	-----

INFORMATION FOR AUTHORS	146
--------------------------------------	-----

ТАЛАНТ УЧЕНОГО И ЧЕЛОВЕКА: НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОБ ИВАНЕ АЛЕКСАНДРОВИЧЕ ГАЛАГАНЕ

С. Н. Махина

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 5 сентября 2022 г.

Аннотация: статья посвящена биографии и научному творчеству известного советского и российского ученого – профессора Ивана Александровича Галагана. Раскрываются основные этапы профессионального пути и направления научной деятельности И. А. Галагана.

Ключевые слова: профессор Иван Александрович Галаган, Воронежский государственный университет, наследие юридического факультета ВГУ.

THE TALENT OF A SCIENTIST AND A HUMAN: A FEW WORDS ABOUT IVAN ALEKSANDROVICH GALAGAN

S. N. Makhina

Voronezh State University

Abstract: the issue is dedicated to the biography and scientific creativity of the famous Soviet and Russian scientist – professor Ivan Aleksandrovich Galagan. The main periods of the professional way and the areas of scientific activities of I. A. Galagan are revealed.

Key words: professor Ivan Aleksandrovich Galagan, Voronezh State University, heritage of Law Faculty of Voronezh State University.

Для кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Воронежского государственного университета да и для значительной части научного сообщества февраль – месяц приобретений и потерь, поскольку именно в этот месяц был рожден и ушел из жизни замечательный Человек и многогранный, талантливый Ученый Иван Александрович Галаган (1930–1997).

Иван Александрович оставил огромный след не только в правовой науке, но и в сердцах своих коллег, учеников, друзей, знакомых...

Начав работу на юридическом факультете в 1994 году, я, «вчерашня» студентка, общаясь с Иваном Александровичем, получала огромный за-

ряд оптимизма и стимул к научному поиску, при этом не ощущая себя ученицей, поскольку профессор Галаган обращался ко мне с удивительным для моего тогдашнего восприятия мира титулом – коллега! И хотя с момента его ухода прошло более четверти века, до сих пор помню его фразу: «Ну что, коллега, о каких научных свершениях Вы грезили сегодня ночью?»

Сегодня понимаю, что этот легкий юмор Ивана Александровича не только вселял уверенность в меня как в очень молодого, еще совсем «зеленого» преподавателя, но и был великолепным стимулом для осуществления исследовательских устремлений. Но в те времена у меня

даже по краешку сознания, даже легкой тенью не могла пролететь мысль о том, что спустя двадцать пять лет мне выпадет честь стать его приемником – возглавить кафедру теории и истории государства и права Воронежского государственного университета.

Научная жизнь Ивана Александровича была весьма многогранна, но особое место занимают его работы, посвященные исследованию административной ответственности: «Административная ответственность в СССР (государственное и материальное исследование)» (Воронеж, 1970) и «Административная ответственность в СССР. Процессуальное регулирование» (Воронеж, 1976). Примечательно, что интерес к его исследованиям этого юридического феномена не угасает до сих пор! Вот лишь несколько серьезных работ, в которых мысли профессора Галагана озвучиваются, анализируются, а, значит, до сих пор являются актуальными:

– Нобель А. Р. Критерии и способы индивидуализации наказания по делам об административных правонарушениях // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. № 1 (146). С. 78–85;

– Старостин С. А. Чрезвычайное положение: монография. Москва, 2023. 120 с.;

– Панкова О. В. Правосудие по делам об административных правонарушениях в судах общей юрисдикции: монография. Москва, 2023. 450 с.;

– Куракин А. В. Еще раз об административной ответственности // Полицейская и следственная деятельность. 2023. № 1. С. 29–41;

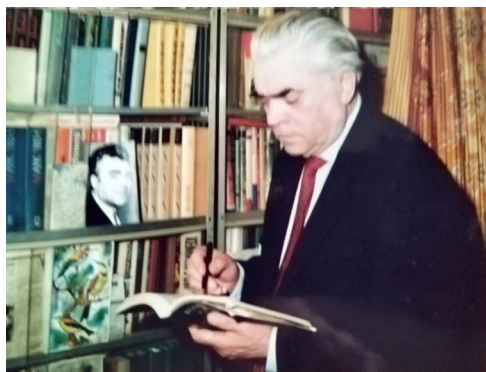
– и многие другие.

Однако, несмотря на свою любовь к административно-правовой материи, Иван Александрович был глубоким исследователем теории права. В частности, профессор поднимал вопросы и изучал проблемы

методологии исследования государственных и правовых явлений¹; методологии исследования проблем принуждения по советскому праву²; процессуальных норм и отношений в «непроцессуальных» отраслях права³; теории правоприменения по советскому законодательству⁴; мировоззренческих аспектов правовой культуры общества⁵; понимания и реализации принципа справедливости в государственно-правовой надстройке⁶; разработки концепции единства и взаимообусловленности государства и права⁷; и др.

Талант профессора Галагана реализовывался не только на научном поприще – его яркая, неординарная личность оставила у его коллег и последователей самые теплые память, эмоции и желание помнить Ивана Александровича и говорить и нем⁸.

В 2010 году в свет вышла замечательная книга «Иван Александрович Галаган и его научное наследие»⁹, составленная его коллегами, последователями, друзьями, учениками – профессором Ю. Н. Стариковым («Иван Александрович Галаган – выдающийся ученый-юрист и талантливый педагог с

¹ Галаган И. А. К методологии исследования государственных и правовых явлений // Проблемы теории социалистического государства и права. М., 1977. С. 108–109.

² Галаган И. А., Серегина В. В. К методологии исследования проблем принуждения по советскому праву // XXVI съезд КПСС и актуальные проблемы советской юридической науки и практики. Саратов, 1982.

³ Процессуальные нормы и отношения в советском праве : в «непроцессуальных» отраслях / И. А. Галаган [и др.] ; науч. ред. И. А. Галаган. Воронеж : Издательство Воронежского государственного университета, 1985. 208 с.

⁴ Галаган И. А., Василенко А. В. Проблемы теории правоприменения по советскому законодательству // Известия высших учебных заведений. Правоведение. Л., 1986. № 2. С. 57–61.

⁵ Галаган И. А. Мировоззренческие аспекты правовой культуры общества // Мировоззрение в системе общественного сознания : задачи формирования коммунистического мировоззрения трудящихся в свете решений XXVII съезда КПСС : тезисы всесоюзной конференции. Воронеж, 1988. Ч. II. С. 144–146.

⁶ Галаган И. А. Принцип справедливости в государственно-правовой надстройке // Право. Ускорение. Справедливость. Саратов, 1989. С. 32–35.

⁷ Галаган И. А. К разработке концепции единства и взаимообусловленности социалистического государства и права // Охранительный механизм в правовой системе социализма. Красноярск, 1989. С. 18–32.

⁸ См., напр.: Карпачев М. Д., Галаган И. А. Воронежская историко-культурная энциклопедия. ВИКЭ. Персоналии / гл. ред.: О. Г. Ласунский. Воронеж, 2006. С. 89–90.

⁹ Иван Александрович Галаган и его научное наследие / под ред. Ю. Н. Старикова. Воронеж, 2010. 544 с.

душой поэта»), профессором В. В. Ячевским («Строки памяти»), профессором Шергиным А. П. («Об ученом административисте Галагане Иване Александровиче»), профессором М. В. Карасевой («Вспоминая Ивана Александровича Галагана»), профессором Н. В. Бутусовой («Идеи И. А. Галагана не пропадают»), профессором М. Я. Масленниковым («И цитируют определения Галагановы»).

Беседуя с дочерью Ивана Александровича Галаган Мариной Ивановной (федеральным судьей Ленинского районного суда г. Воронежа), доценты кафедры теории и истории государства и права В. В. Серегина и Н. В. Малиновская не только записали несколько слов воспоминаний Марины Ивановны, но и получили редкие фотографии из семейного архива. Все мы знаем Ивана Александровича Галагана как выдающегося ученого и блестящего руководителя. В то же время описать его душевный, человеческий талант чрезвычайно сложно. Иван Александрович относился к тому числу людей, к которым не только неприменимы обычные мерки, но и даже какие-то особые, персонально для них предназначенные, сконструировать также чрезвычайно непросто.

Его успехи на общественном поприще и государственной службе – бессменное на протяжении более двух десятков лет руководство кафедрой теории и истории государства и права – говорят о его организаторском таланте.

Иван Александрович отличался необыкновенной эрудицией, которая позволяла ему читать лекции «на одном дыхании».

Он полностью владел аудиторией, мог «на ходу» придумать увлекательный жизненный сюжет, красочно и наглядно показать студентам разносторонние образы права. Его искрометные шутки и анекдоты облегчали восприятие студентами сложного научного материала и всегда получали отклик в виде полной, увлеченной аудитории.

Иван Александрович был исключительно доброжелательным человеком. Неизменная галагановская улыбка словно магнитом притягивала людей и обезоруживала подчас даже тех, кто приходил, быть может, с «камнем за пазухой».

Природный магнетизм и душевная глубина Ивана Александровича имели истоком искреннюю любовь к семье, к супруге – Антонине Алексеевне, к детям, внукам.

Особая, тесная связь была у Ивана Александровича с его младшим братом Александром – талантливым журналистом и ученым, профессором Высшей комсомольской школы, к сожалению, также безвременно ушедшим из жизни.

В доме Ивана Александровича всегда царили уют и радушие, часто собирались гости – ближайшие коллеги с кафедры и из родного университета и гости из внешнего научного мира, в числе которых был и Сергей Сергеевич Алексеев.

Иван Александрович был человеком душевным, легким в общении, что особенно ощущалось не только на научных и учебных мероприятиях, но и в непринужденной обстановке – на охоте и рыбалке, которые Иван Александрович любил неподдельно, искренне.

Сколько историй было связано у него с Волгой – особенной, а для его внутреннего мира и единственной – рекой, на которой он с братом родился и вырос.

Сложная и тонкая, необычайно яркая душевная организация Ивана Александровича находила отклик в его большой любви к Поэзии. В кру-

гу друзей и близких он легко мог прочесть стихи собственного сочинения. И таких стихов, в том числе стихов импровизированных, было написано Иваном Александровичем немало. Жаль только, что все они так и остались неопубликованными...

Душевность Ивана Александровича, его любовь к жизни и к людям подпитывали его творческую энергию, давали силы для научных поисков, дискуссий, написания блестящих научных работ. Ведь не может быть Талантливого Ученого без природного дара, без таланта Человека...

Библиографический список

Галаган И. А. К методологии исследования государственных и правовых явлений / И. А. Галаган // Проблемы теории социалистического государства и права. – Москва : Ин-т государства и права, 1977. – 139 с.

Галаган И. А. К методологии исследования проблем принуждения по собственному праву / И. А. Галаган, В. В. Серегина // XXVI съезд КПСС и актуальные проблемы советской юридической науки и практики. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1982.

Галаган И. А. К разработке концепции единства и взаимообусловленности социалистического государства и права / И. А. Галаган // Охранительный механизм в правовой системе социализма. – Красноярск : Изд-во Красноярск. ун-та, 1989.

Галаган И. А. Мировоззренческие аспекты правовой культуры общества / И. А. Галаган // Мировоззрение в системе общественного сознания : задачи формирования коммунистического мировоззрения трудящихся в свете решений XXVII съезда КПСС : тезисы всесоюзной конференции. – Воронеж : [Б. и.], 1988. – Ч. II.

Галаган И. А. Принцип справедливости в государственно-правовой надстройке / И. А. Галаган // Право. Ускорение. Справедливость. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1989.

Галаган И. А. Проблемы теории правоприменения по советскому законодательству / И. А. Галаган, А. В. Василенко // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – Ленинград, 1986. – № 2.

Карпачев М. Д. Воронежская историко-культурная энциклопедия. ВИКЭ. Персоналии / М. Д. Карпачев, И. А. Галаган ; гл. ред. О. Г. Ласунский. – Воронеж : Центр духовного возрождения Черноземного края, 2006.

Иван Александрович Галаган и его научное наследие / под ред. Ю. Н. Старилова. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2010. – 544 с.

Процессуальные нормы и отношения в советском праве : в «непроцессуальных» отраслях / И. А. Галаган [и др.] ; науч. ред. И. А. Галаган. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1985.

References

Galagan I. A. To the methodology of research of state and legal phenomena / I. A. Galagan // Problems of the theory of the socialist state and law. – Moscow : Institute of State and Law, 1977. – 139 p.

Galagan I. A. To the methodology of research on the problems of coercion in their own right / I. A. Galagan, V. V. Seregina // XXVI Congress of the CPSU and actual problems of Soviet legal science and practice. – Saratov : Publishing House of Sarat. University, 1982.

Galagan I. A. To the development of the concept of unity and interdependence of the socialist state and law / I. A. Galagan // Protective mechanism in the legal system of socialism. – Krasnoyarsk : Publishing House of Krasnoyarsk University, 1989.

Galagan I. A. Ideological aspects of the legal culture of society / I. A. Galagan // Worldview in the system of public consciousness : the tasks of forming the communist worldview of workers in the light of the decisions of the XXVII Congress of the CPSU : theses of the All-Union conference. – Voronezh, 1988. – Part II.

Galagan I. A. The principle of justice in the state-legal superstructure / I. A. Galagan // Law. Boost. Justice. – Saratov : Publishing House of Sarat. University, 1989.

Galagan I. A. Problems of the theory of law enforcement under Soviet legislation / I. A. Galagan, A. V. Vasilenko // News of higher educational institutions. Jurisprudence. – Leningrad, 1986. – N. 2.

Karpachev M. D. Voronezh Historical and Cultural Encyclopedia. VIKE. Personalities / M. D. Karpachev, I. A. Galagan ; chief editor O. G. Lasunsky. – Voronezh : The center of spiritual revival of the Chernozem region, 2006.

Ivan Alexandrovich Galagan and his scientific heritage / edited by Yu. N. Starilov. – Voronezh : Publishing House of Voronezh State University, 2010. – 544 p.

Procedural norms and relations in Soviet law : in “non-procedural” branches / I. A. Galagan [et al.] ; scientific ed. I. A. Galagan. – Voronezh : Publishing House of Voronezh State University, 1985.

Для цитирования:

Махина С. Н. Талант Ученого и Человека : несколько слов об Иване Александровиче Галагане // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2023. № 1 (2). С. 7–14.

Recommended citation:

Makhina S. N. The Talent of a Scientist and a Human : a few words about Ivan Aleksandrovich Galagan // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2023. N. 1 (2). Pp. С. 7–14.

Сведения об авторе

Махина Светлана Николаевна – заведующий кафедрой теории государства и права Воронежского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, руководитель Научно-образовательного центра юридической антропологии и конфликтологии юридического факультета, главный редактор сетевого научно-практического издания «Журнал юридической антропологии и конфликтологии» Воронежского государственного университета

E-mail: svetlana_mahina@mail.ru

Information about author

Makhina Svetlana Nikolayevna – Head of the Department of Theory and History of State and Law of Voronezh State University, Doctor of Law, Full Professor, Head of the Scientific and Educational Center of Legal Anthropology and Conflictology of Law Faculty, chief editor of the network scientific and practical edition “Journal of Legal Anthropology and Conflictology” of Voronezh State University

E-mail: svetlana_mahina@mail.ru

УДК 340.11

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ЮРИСПРУДЕНЦИЯ: ИНСТИТУТЫ И КОНЦЕПТЫ

Ю. А. Веденеев

*Московский государственный юридический университет
имени О. Е. Кутафина (МГЮА)*

Поступила в редакцию 2 февраля 2023 г.

Аннотация: тема статьи касается вопросов эволюции юриспруденции в определениях языка социокультуры своего исторического времени. Среди факторов изменений правовой аналитики и стиля аргументации ключевое место занимает категория-понятие «концепт». Концепты выражают базовые представления, касающиеся ментальных и когнитивных оснований развития права и науки права. В составе подходов в изучении права и науки права особое место занимает культурно-историческая юриспруденция, аналитический инструментарий которой предназначен для выявления, описания и объяснения концептуальных и институциональных сдвигов и переходов в развитии правовых систем. Каждая историческая эпоха эволюции права и науки права существует и определяет себя в рамках своей юридико-психологической картины мира, ее базовых концептов и нормативной грамматики должного или недолжного правопорядка.

Ключевые термины: культурно-историческая юриспруденция, правовые институты и концепты, юриспруденция мифа и логоса, фазовые трансформации права и науки права, язык и стиль классической и пост-классической юриспруденции, онтология и эпистемология права.

CULTURAL AND HISTORICAL JURISPRUDENCE: INSTITUTES AND CONCEPTS

Yu. A. Vedeneev

Moscow State Law University named after O. E. Kutafin (MSAL)

Abstract: the subject of the article concerns the questions of the evolution of jurisprudence in the definitions of the sociocultural language of its historical period. The category and notion “concept” occupies the main place among

© Веденеев Ю. А., 2023

the factors of change of legal analytics and style of argumentation. Concepts signify the basic ideas concerning mental and cognitive reasons of the development of law and legal science. The cultural and historical jurisprudence occupies the special place among the approaches to the research of law and legal science, its analytical tools are dedicated to the reveal, description and explanation of the conceptual and institutional shifts and conversions of the development of legal systems. Each historical epoche of the evolution of law and legal science exists and defines itself due to the frameworks of its juridical and psychological worldview, its basic concepts and normative grammar of the proper and improper nomocracy.

Key words: cultural and historical jurisprudence, legal institutes and concepts, jurisprudence of the myth and the logos, phase transformation of law and legal science, language and style of the classic and postclassic jurisprudence, ontology and epistemology of law.

1. Постановка вопроса

Современное состояние в развитии юридической науки нуждается в глубокой предметно-методологической ревизии и реконструкции. Позитивистская версия понимания права, закрытая для изменений своего категориально-понятийного языка, исчерпав свой аналитический ресурс, судорожно ищет концептуальные основания сохранения своего статуса официальной схоластики. Существующая дисциплинарная структура юриспруденции продолжает воспроизводить бесперспективную логику содержательной и структурной эволюции дисциплины как апологии формального правопорядка. В полной мере этот момент развития отечественной юридической науки как в предметном, так и методологическом аспектах, демонстрируют базовые учебные курсы по теории государства и права. Ни узкий, ни широкий взгляд на природу права, ни иные вариации на тему нового правопонимания (*концепта, эпистемы*) не меняют язык, проблематику и структуру классической юриспруденции, ее консервативную, формально-догматическую логику изучения государственно-правовых институтов. Начиная с первого систематического учебника¹ и вершины теории советской юриспруденции², завершая современными версиями дисциплины³, базовый юридический язык – правовые категории, понятия и конструкции сохраняют свои санкционированные значения. Заключение в них юридическое знание, едва различимое по тематике и аргументации, не может выйти из заданного круга элементарных определений языка своего предмета (*закономерностей*), не ме-

¹ См.: Голунский С. А., Строгович М. С. Теория государства и права. М., 1940.

² См.: Марксистско-ленинская общая теория государства и права. М., 1970. Т. 1: Основные институты и понятия.

³ См.: Проблемы теории государства и права / под ред. М. Н. Марченко. М., 2005; Проблемы общей теории права и государства / под ред. В. С. Нерсесянца. М., 2010; Общая теория права и государства / под ред. проф. В. В. Лазарева. М., 2010.

няя исходной этатистской парадигмы концептуализации феномена государства и права⁴.

Трехэлементная конструкция состава дисциплины, включающая метатеоретическое введение в предмет (*философия права*), формальные дефиниции и понятия теории (*правовая аксиоматика и догматика*) и технику прикладного анализа (*толкования права*), сохраняя свое рабочее значение, требует более продвинутой концептуальной и инструментальной перспективы своего развития и воспроизводства. Объекты юриспруденции – сложные, многосоставные и многоуровневые, динамично развивающиеся институты. Юридические знания, являясь структурной частью правовой реальности, как по своему практическому значению в процессах правообразования и регулирования социальных отношений, наряду с правовыми доктринами и ценностями, так и своему аналитическому статусу в общей системе социальных наук, должны отвечать актуальной потребности расширения своего предмета и методов анализа.

Юриспруденция, так же как общие элементы правовой онтологии и аксиологии, должна быть объектом научной рефлексии. Сами по себе именованная корпуса юридических дисциплин общеправового профиля – теория государства и права, теория права и государства, общая теория или энциклопедия государства и права, классическая и неклассическая теория и т.п. – ни о чем не говорят⁵. Скорее, свидетельствуют об исчерпанности наличной эпистемологии дисциплины, а не открытию ее новой категориальной, концептуальной и аналитической перспективы. Язык позитивной юриспруденции застыл в системе понятий и конструкций, ограничивающих возможность выхода за рамки принятых представлений, а фактически санкционированных самим юридическим научным сообществом догматических определений и правоположений. Язык права, несмотря на формальные констатации наличия в его структуре метаязыка, концептуального и практического, остается периферийной темой и проблемой современной юриспруденции⁶. Стандартные рассуждения

⁴ История юриспруденции – это не то, что сказано о праве, а то, что еще не сказано. Действительный предмет науки – неизвестное. Современная юридическая наука продолжает пребывать в том состоянии, которое Э. Гуссерль обозначил как *остаточный позитивизм*, в котором нет места метафизике, т.е. высшим и последним вопросам человеческого существования не только как эмпирического факта, но и метафизической ценности. См.: Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. СПб., 2022. С. 23.

⁵ См.: Энциклопедия правоведения или интегральная юриспруденция? Проблемы изучения и преподавания / отв. ред. В. Г. Графский. М., 2013.

⁶ См.: Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции. М., 2012. С. 17–18; Власенко Н. А. Язык права. Иркутск, 1997. Признавая безусловный вклад в изучение права с позиций стандартной грамматики языка юридических текстов, следует отметить абсолютную недостаточность подобной рефлексии на предмет права. Грамматика правопорядка это не язык формальных высказываний о праве в грамматических

о языке права и языке науки права не выходят за рамки элементарных лингвистических конструкций понимания своего предмета.

Возможности переопределения традиционной схемы построения юридической теории языка лежат в плоскости включения в ее состав в качестве предметного ядра изучение этносоциального и культурно-исторического контекста возникновения и развития государственно-правовых институтов⁷, современных языков социального общения, социокультурных и когнитивных оснований и форм воспроизводства правовой системы и ее составной части – системы юридических знаний. Решение вопроса связано с пониманием элементарного факта. Социальные, политические, культурные и правовые практики как в своей феноменологии, так и эпистемологии, определяются смыслом коллективного и индивидуального, а сегодня и информационно-сетевого человеческого существования. А это уже предмет культурно-исторической юриспруденции в ее трех дисциплинарных и аналитических измерениях – антропологии права, структурной и эволюционной социологии права и когнитивной юриспруденции. Именно на пересечении этих областей анализа и знания может быть выстроен фундамент современной юриспруденции – новой интегральной эпистемологии юридической науки.

Этот концептуальный вызов все еще ждет своего адекватного концептуального ответа, поскольку изменения в системе междисциплинарных связей лежат в основании изменений аналитического языка теоретической юриспруденции⁸. Именно язык культурно-исторически ориентированной юриспруденции позволяет под новым комплексным углом зрения увидеть скрытые, глубинные основания и условия кризисов в развитии государственно-правовых институтов, а также цивилизационных различий в нормативных, доктринальных и аналитических практиках организации и функционирования систем социального, политического и правового общения, в том числе механизмах их социокультурной легитимации. Они определяются пониманием нормативных границ сосуществования отдельных правовых систем в исторически различных культурах обменов и заимствований институтами и представлениями об институтах.

конструкциях и в логических определениях, это – культурная грамматика насыщенного воображением и переживаниями правового отношения к действительности в собственном смысле и значениях данного отношения как ценности и принципа, т.е. юридическо-го концепта действительности. Право это не то, что выражено в тексте нормативно-правовых актов, право – это то, в чем и чем живет текст в определениях культуры своего исторического времени и пространства. (Веденеев Ю. А. Грамматика правопорядка. М., 2018).

⁷ См.: Деев Н. Н. Государственность и этнополитическое развитие // Политические проблемы теории государства. М., 1993.

⁸ В поисках теории права / под ред. Е. Г. Самохиной, Е. Н. Тонкова. СПб., 2021.

2. Юриспруденция в культурно-исторической перспективе

Культурно-исторический конструкт (*эпистема*) в изучении соционормативных систем и процессов позволяет уйти от классических (объективистских) моделей описания и объяснения права и избежать крайностей радикальной версии самоопределения юридической науки – постюриспруденции или юриспруденции без государства. В основании культурно-исторического концепта юридической действительности лежат социогуманитарные (*аксиологические и антропологические*) факторы и условия развития и функционирования систем социального общения. Аналитическое значение социокультурного измерения эпистемологии права может быть выявлено формулой «*отношение к отношениям*». То есть описания и объяснения нормативных практик развития и воспроизводства права в рамках бинарной оппозиции признания или непризнания, понимания или непонимания их действительного смысла и назначения. Все составляющие процесса институционализации и концептуализации правовой реальности – социогенез, нормогенез и культурогенез определяются культурно-историческими условиями человеческого существования и общения. Правовая реальность – прежде всего и по определению социокультурная реальность. Она пронизана человеческими ожиданиями и настроениями, переживаниями смысла существования (индивидуального и коллективного), ценностными императивами и определениями сущего. В этой логике оценивания своего места и роли в практиках социально-правового общения именно категории *признание и понимание* формируют рамочные границы и соционормативное ядро реальных и потенциальных практик и траекторий возможных изменений систем правовой регуляции. Категории «признание» и «понимание» образуют интегральную часть юридического концепта действительности, соединяя в себе феноменологические, ментальные и когнитивные основания правовой реальности, социальное и нормативное в ее отражениях через восприятие, переживание и оценивание субъектами – акторами социальных предпочтений, мотиваций и действий.

Юридическое качество концепта *признание-понимание* заключено в его социальной и культурной нормативности. Признание лежит в основании определения аксиологического статуса (практической ценности) наличных, актуальных и потенциальных юридических форм, методов и способов правовой организации социальных отношений в их общей системе. В этом плане социальный кризис есть кризис нормативности и рациональности выбора и квалификации социального порядка в качестве правопорядка. Культурно-историческая генеалогия концепта *признание-понимание* заключена в самой соционормативной реальности, определяющей в конечном итоге глубинные основания права как такового. А именно в социокультурной по своей сути, наряду с языком и ре-

лигией, форме существования и самоопределения исторического человека. Действительное право живет в форме представления о праве, нагруженного предметными, ценностными и нормативными смыслами и значениями. Различные культуры характеризуются различными представлениями о праве – его источниках и языке, содержании и границах юридической ответственности.

Культурно-историческое измерение права позволяет совместить в своих определениях и значениях как постоянные, инвариантные признаки данного феномена, так и конкретные, исторически меняющиеся. То есть его правовую онтологию и аксиологию, юридическую антропологию и социологию. Эволюция правовых систем привязана к эволюции и систем социального общения, и систем представлений о должном или недолжном поведении. То есть к пониманию-признанию того, что есть правомерное или неправомерное в той или иной социокультуре нормативного общения. Поэтому определения исторической и социальной психологии имеют фундаментальное значение в исследовании реальной логики развития различных систем соционормативной регуляции в догосударственно-правовых, переходных и государственно-правовых социальных системах, их нормативного языка и символов, семантики и семиотики, структуры и функций. Именно этим и объясняется теоретическое и практическое значение языка антропологически и социологически ориентированной перспективы в развитии юриспруденции.

Правовая реальность, основанная на понимании-признании должного и недолжного порядка отношений – это одновременно и различения своего и чужого языка в практиках социального общения. Язык культурно-исторической юриспруденции позволяет не только и даже не столько проводить границы своего и чужого права, но прежде всего, понять и верифицировать границы экспансии других правовых систем в сферу собственных отношений и интересов и обеспечить их развитие и воспроизводство в рамках своей политико-правовой культуры и юридического суверенитета. Культурно-историческая юриспруденция, позволяя выйти за концептуальные и аналитические рамки позитивистской версии понимания права и разрабатывая свой язык правовых значений, способствует воспитанию толерантного отношения к различным социокультурным традициям и практикам. И, прежде всего, пониманию сложной архитектуры разнообразных юридических картин мира, выражающих юридическое лицо и ландшафт современного миропорядка.

Культурно-историческая юриспруденция как научная дисциплина имеет генетическую связь с общеотраслевыми и отраслевыми правовыми дисциплинами, сравнительным правоведением и правовой политикой. Она не претендует на статус общей теории и методологии права. Ее целевая аналитическая функция заключена в разработке представлений

об исходных правовых основаниях жизнедеятельности человека различных систем социального общения, традиционных, переходных и современных обществ. В этом смысле культурно-историческая юриспруденция является теорией понимания и репрезентации юридического как сферы существования и реализации различных форм человеческой субъектности в юридических определениях исторического времени и исторического пространства. Культурно-историческая юриспруденция и ее базовый концепт *правовой плюрализм* практик нормативного регулирования социальных отношений играют роль методологии понимания пределов возможной унификации национальных правовых систем и в условиях формирования, и в условиях кризиса глобального правопорядка.

3. Концептуальный статус теории права

Теория права – составная часть юридической науки, образует понятийное основание ее аналитического языка. Определение места дисциплины в общей структуре юридического знания продолжает быть актуальной темой и проблемой современной юриспруденции. Она всегда занимала эксклюзивное положение в марксистско-ленинской правовой доктрине и санкционированной ею одноименной научной и учебной дисциплине. В итоге была выстроена жесткая и идеологически унифицированная система и структура дисциплины, ее предмета, научного словаря, номенклатуры основных подходов и проблем скорее доктринального, чем аналитического разрешения. Представляется возможным вынести на обсуждение ряд тезисов, характеризующих отдельные этапы в эволюции подходов в определении теоретико-методологического статуса теории государства и права через реконструкцию ее эпистемических отношений с дисциплинарным кластером социально-политических наук. Не касаясь вопроса выявления содержательной глубины формальных конфигураций теоретической юриспруденции, таких как теория права и государства или теория государства и права, узкое или широкое понимание предмета дисциплины, можно отметить следующее.

Традиционная версия понимания концептуального статуса дисциплины в духе бюрократического администрирования идеологически мотивирует ее предназначение быть альфой и омегой в объяснении фундаментальных закономерностей государственно-правового развития. В рамках данного подхода получила свое доктринальное обоснование иерархическая модель построения системы юридической науки, поскольку бюрократическая картина мира во всем видит только объект собственной организации и управления. Теоретическая юриспруденция рассматривается в качестве нормативной, идеологически фундированной дисциплины, содержание которой образуют рамочные директивные определения предмета и языка остальных правовых дисциплин в на-

личном корпусе юридической науки. Теория государства и права предстает в этом определении в качестве *прескриптивного* текста, предписывающего, оформляющего и оценивающего конкретное юридическое знание на предмет его классовой достоверности, истинности и обоснованности. Остальные ответвления юридической науки в данной модели тотальной унификации и контроля юридического знания образуют нижний уровень дисциплинарной иерархии. То есть, вторичны относительно доктринального ядра общей и единственной для всех официальной теории государства и права. Ее конечный результат в полной мере выявил себя в унылом однотонном пейзаже учебной литературы, повторяющей и воспроизводящей десятилетиями как молитву классовые символы концептуальной веры⁹.

Новая редакция юридического вероучения сегодня воспроизводит себя в более гибкой и структурированной аргументации, получившей весьма многообещающее наименование *интегративная юриспруденция*. Что, однако, не изменило исходную идеологему позитивистского правопонимания, поскольку являлось по своей сути предметным и доктринальным продолжением взгляда на юридическую науку как вертикально организованную систему юридических понятий и конструкций, особенно в части определения взаимных отношений между государством и правом. Для придания концептуальной новизны новому формату главной юридической науки в иерархии юридических дисциплин была развернута абсолютно бессодержательная дискуссия по вопросу различения понятий «интегральная» или «интегративная» юриспруденция.

⁹ Завершенное в себе выражение юридической теологии, выработанное на крупнейшем Собрании представителей советской юридической мысли в 1938 году и заключившее понятие права в рамки канонической формулы: «Право – совокупность правил человеческого поведения, установленных государственной властью как властью господствующего в обществе класса, а также обычаев и правил общежития, санкционированных государственной властью и осуществляемых в принудительном порядке при помощи государственного аппарата в целях охраны, закрепления и *развития общественных отношений и порядков, выгодных и удобных господствующему классу*». (Вышинский А. Я. Вопросы теории государства и права. М., 1949. С. 40–41). Здесь представлено все: и доктринальная манифестация позитивизма в его эгзистенциальной версии абсолютной веры, надежды и любви в магическую силу любых решений государства; и воплощение шопенгауэровской формулы мира как воли и представления в редакции никем и ничем неограниченной власти в законоположениях единственно верного учения. Господствующая идеологема победившего все и вся класса продолжает до сих пор с известными вариациями на тему конституционной государственности сохранять и охранять свое концептуальное и формальное наследие. Можно бесконечно долго ходить вокруг да около, размышляя на тему государства граждан, оформивших свои отношения в определениях Конституции, своего рода политико-правовом контракте, не забывая при этом, что исходным основанием политического соглашения выступает доверие государству. Доверие не безгранично. Сегодня оно есть, а завтра его может и не быть. Это рано или поздно расходуемый культурно-психологический феномен.

Концепт *интегративная юриспруденция* безусловно имеет право на существование. Прежде всего, в плане открывающихся возможностей переструктурирования дисциплинарной структуры формально-догматической юриспруденции. Сама по себе задача обнаружения и формулирования новых смыслов и значений в понимании предмета и структуры науки права, а также ее аналитического языка и междисциплинарных связей в общей системе социальных, политических и гуманитарных наук, демонстрирует позитивные сдвиги в развитии теоретической юриспруденции. И, как следствие, предполагает формирование и проектирование новых правовых онтологий и эпистемологий. Все иное в понимании ее теоретико-методологического статуса будет ориентировано на сохранение стандартного этатистского нарратива (догматики и аксиоматики) суждений о праве и государстве в их взаимных отношениях и определениях. Ахиллесова пята интегративной юриспруденции по сравнению с догматической прозрачностью ее дисциплинарной альтернативы состоит в нечеткости определения ее действительного предмета. Проблема в том, что главный предмет изучения в манифестируемой ее собственным наименованием конструкции и важнейшее основание ее аналитического развития – разработка нового дисциплинарного комплекса и категориально-понятийного языка дисциплины. Причем не с точки зрения интеграции отдельных аспектов ее общего объекта, а перехода от изучения собственно государства и права к изучению самой дисциплины, а именно ее собственных концептуальных и аналитических оснований. Переход к поиску, изучению и созданию собственно интегративной эпистемологии науки права не состоялся, по крайней мере, вплоть до настоящего времени.

Юридическая наука в целом и ее теоретическая составляющая – одна из форм существования и развития правовой реальности. Это концептуальная и языковая реальность со своей внутренней (*структурной*) и культурно-исторической (*эволюционной*) логикой ее становления и воспроизводства. Теория права в своей собственной онтологии и эпистемологии обнаруживает и выражает себя в системе правовых категорий и представлений, понятий и определений, юридических конструкций и аргументаций. В этом плане аналитический язык юриспруденции в ее собственной догматике и аксиоматике объективно насыщен переживаниями и оценками должного и недолжного в порядке отношений, составляющих юридическую картину мира в целом и правопонимание конкретной исторической эпохи, в рамках которых конституируется заданный концептуальный формат и юридической теории, и юридической практики. Разумеется, процессы концептуализации предметов юриспруденции, их динамика и структура носят комплексный характер и протекают в системе культурно-исторических, эпистемологических и аксиологических ко-

ординат данного исторического времени и места. Пересечения и заимствования общеметодологических и операциональных подходов в понимании границ и содержания своего собственного предмета и структуры как со стороны теории права, так и со стороны дисциплин социально-политического и гуманитарного комплекса, носят циклический и взаимный характер. Обмен языков протекает зачастую спонтанно и на различных этапах аналитической рефлексии.

Логика и траектории практических вызовов и научных ответов не заданы изначально, но постоянно выявляют себя в процессах консервации старых и появления новых концептуальных решений. В связи с этим вполне объяснимо становление в общем корпусе юридической науки, наряду со стандартным комплексом юридических дисциплин – историей государства и права – институтов (*историческая юриспруденция*), философией права и историей политических и правовых учений – доктрин (*доктринальная юриспруденция*), историей и методологией юридической науки – юридических знаний (*когнитивная юриспруденция*). В этом плане безусловный общенаучный интерес представляет такой феномен и формат юридической науки и теории права, как постюриспруденция или теория науки права, активно разрабатываемая отдельными представителями петербургской и московской школы права. Ее исходная познавательная парадигма ориентирована, в отличие от неклассической, а тем более классической юриспруденции, на изучение, прежде всего, самой юридической науки, ее онтологии и эпистемологии. То есть метатеоретических и концептуальных оснований дисциплины. Предмет постюриспруденции – юридическая наука во всех предметных и эпистемических проявлениях практического и теоретического языка, языка права и науки права. В этом аспекте своего концептуального статуса постюриспруденция это не что иное, как теория о теории науки права или метатеория.

Историческая фаза саморефлексии на предмет самое себя выражает кардинально новую ступень теоретико-методологической эволюции научной дисциплины. Это по существу и был ответ на концептуальный кризис формально-догматической юриспруденции. Этот момент или парадигмальный сдвиг в понимании и расширении предмета теории права дает основание признать глубинный характер становления новой формации систем юридических знаний. Ее проблемное ядро составляет разработка теории междисциплинарных связей в системе социально-политических и гуманитарных наук, в рамках которой предметы и методы взаимопределяют и конституируют друг друга. Ни предмет, ни метод научной дисциплины не существуют сами по себе. Предмет обнаруживает себя через метод, а метод заключен в самом предмете. Собственный предмет и методы теории права выражают себя в языке юриспруденции, категории с меняющейся исторически знаниевой формой и содержани-

ем, производной функции междисциплинарных связей. Юридический язык обладает магическим свойством. Он не только и не столько отражает правовую реальность в ее определениях и понятиях. Юридический язык ее замещает и производит. Именно здесь и заключено основное содержание вопроса взаимных отношений концептуальных заимствований и обменов между собственно теорией права и ее аналитическими референциями – антропологией и социологией права, юридической лингвистикой, политической юриспруденцией и правовой психологией. Это концептуальный симбиоз. Именно в нем, движимом собственной культурно-исторической логикой воспроизводства права и науки права, позволительно увидеть те аспекты и моменты правовой реальности, которые лежат за предметными рамками догматической юриспруденции и иных аналитических версий классического и неклассического правопонимания. Именно разработка данной темы и проблемы составляет актуальное направление новой постклассической юриспруденции.

4. Юридический концепт действительности

Особое место в новой аналитике и методологии изучения развития правовых систем современной юриспруденции занимает понятие-категория «концепт». *Концепты* являются структурными элементами культурного механизма развития правовых систем. Как и любое явление социокультурного порядка, данная категория имеет свою историческую биографию: *эйдосы Платона, монады Лейбница, гештальты О. Шпенглера и Эрнста Юнгера, габитусы Пьера Бурдьё, эпистемы Мишеля Фуко, цивилизационные паттерны Йохана Арнасона* – все это проявления и исторические маркеры ментальной и когнитивной природы языка права. Сознание, отражая реальность в определениях своей культуры, рефлексивирует феномен права в рамках глубинных оснований существования и заложенной в нем языковой картины мира своего исторического времени¹⁰. Отсюда закономерно включение в механизм генезиса правовых систем такой составляющей процесса и оснований развития права, как концептогенез:

нормогенез – правогенез
этногенез – социогенез – культуругенез – *концептогенез*
политогенез – государствовгенез

Концептогенез характеризует развитие правовых систем (институтов и ценностей) в *восприятиях, переживаниях и отношениях* к праву. То есть, концепты заключают в себе *регуляторные понятия* в определениях права своей социокультуры. В этом аспекте концепты являются ментальными основаниями и источниками развития права. Концепты получа-

¹⁰ Гуссерль Э. Кризис европейской науки и трансцендентальная феноменология. СПб., 2022.

ют свое выражение и связаны также с правопониманием или базовыми представлениями о природе и источниках права. В этом аспекте концепты являются *когнитивными* основаниями и подходами в изучении права. То есть концепты заключают в себе и *аналитические понятия* или *свои* языки описания и объяснения права. Право как реальность не только *существует* в системе институтов, но также *изучается* в предметной логике правопонимания своей эпохи. В рамочных определениях культурного гештальта право переживается и оценивается в положительных или отрицательных коннотациях, познается и изучается в адекватной или неадекватной исследуемому явлению аналитике. Восприятие права и изучение права являются важнейшими моментами существования и развития языка права и языка науки права.

Право как социальная категория и институт отражает и выражает психологию своего исторического времени. В терминах дискурсивной логики Маркса право это не что иное, как *опредмеченная* коллективная психология общества. Факт исторического существования права лежит в определениях культуры или социокультурной психологии определенной эпохи. Либеральное, гражданское или социальное право в различных модусах и модальностях своего институционального и нормативного выражения, а именно *императивное или диспозитивное право, жесткое или мягкое право* – это проявления правосознания и правовой культуры конкретного общества. То есть, социальной психологии своего исторического времени и места. Институты существуют в рамках *юриморфологических картин мира* определенной исторической эпохи. Это предметы культурно-исторической юриспруденции и психоанализа в логике языков *уницииаций* Зигмунда Фрейда, *архетипов* Карла Юнга, *симулякров* Жана Бодрийяра, *политических спектаклей* Ги Дебора и *культурных пространств* Анри Лефевра.

Именно в этом смысле право это не только институциональная реальность. Поскольку институты одновременно переживаются и осмысляются, это также ментальная и когнитивная реальность. Поэтому важнейшим элементом понимания онтологии правовых институтов являются рамочные базовые представления о власти и нормативном регулировании, или *концепты*. Своего рода доктринальные ядра политического и юридического развития соционормативных, в том числе правовых систем. Концепты выполняют двойную регуляторную функцию в механизме развития права и науки права. Во-первых, в определениях границ аналитического языка юриспруденции. Во-вторых, в определениях границ предметов правового регулирования. В-третьих, в определениях состава и структуры источников действующего права. Поэтому право по факту и понятию – это *концептуальная реальность*. Категория «концепт» выражает коллективные представления и переживания феномена

права на языке, в терминах и определениях исторической и культурной эпохи его существования. В этом смысле право – это *и концептуальная, и языковая реальность*.

Категория «концепт», наряду с категорией «институт», составляет вторую базовую аналитико-тематическую единицу изучения процессов государственно-правового развития, поскольку оно определяется нормативными представлениями о должных формах организации власти и нормативного регулирования. Опираясь в исследовании явлений государства и права определенным языком, терминологией и логикой рассуждений, важно обозначить их положение как в общей системе научной дисциплины, так и в рамках конкретно-исторической юридической картины мира. Концепты лежат между категориями и понятиями, между социально-нормативными фактами и определениями социально-нормативных фактов. Концепты квалифицируют государственно-правовую реальность, *фиксируют* ее культурную и цивилизационную принадлежность. И, самое главное, концепты определяют исторические траектории ее развития: *инерционность и преемственность, позитивную или негативную динамику* движения политико-правовых традиций и новаций в практиках государственно-правового развития. Иначе говоря, феномен права существует в рамочных определениях и построениях концептогенеза своего времени и места.

В конечном итоге, именно концепты определяют исторические траектории и судьбу тех или иных правовых систем. Феномен права существует в рамочных определениях и построениях своих концептуальных оснований или базовых ценностей и представлений о должном. Или *юридических картин мира*. В этом отношении право – *цивилизационный феномен*. Восточная традиция понимания права связана, существует и воспроизводит себя в системе глубинных концептуальных координат: *традиции, иерархии, авторитета*. В свою очередь, Западная традиция понимания права также связана, существует и воспроизводит себя в своей системе глубинных концептуальных координат: *формального равенства, индивидуальной свободы, социальной справедливости*.

Категория «концепт» раскрывает внутреннюю и скрытую от глаз природу права, поскольку концепты имеют *феноменологический статус*, т.е. статус репрезентации явления в коллективном и индивидуальном сознании в форме *образов и знаков, символов и представлений*. Концепт – это ментально существующее, конкретное воображаемое, обнаруживающее свое социальное и культурное существование в политических и правовых институтах. То есть, концепты имеют институциональные, доктринальные и аналитические репрезентации. Право, прежде чем стать институтом, возникает и живет, переживается и осмысливается в сознании, индивидуальном и коллективном, в терминах и определениях концептов или куль-

турных языков своей эпохи. Таким образом, в самом общем виде, право одновременно *институциональная реальность и языковая реальность, концептуальная реальность, когнитивная и ментальная реальность* со своими предметами, аспектами и языками изучения, описания и объяснения явления права. Государственно-правовое развитие в этом плане – это институциональное развитие социальных систем, концептуальное развитие социальных систем и ментальное развитие социальных систем.

Категория *концепт* уже представлена в отечественной юриспруденции. Концепты лежат не только в основании формирования аналитического языка юриспруденции. Это одна сторона вопроса и предмет эпистемологии права. Концепты образуют нормативное основание права и правового развития. Они играют правообразующую, а точнее, правопо-рождающую функцию. Это другая сторона вопроса и предмет онтологии права. *Концепты* являются источниками права и правового развития в собственном смысле и значении данной категории, явления и понятия. Юриспруденция концептов составляет аналитическое ядро инновационной юриспруденции, определяя ее собственную дисциплинарную структуру, историческую динамику и траектории развития.

Номенклатура возможных проявлений юридического концепта действительности включает множество измерений, охватывая собой и историко-генетические, и социокультурные, и когнитивные, и концептуальные, и нормативные, и институциональные, и формально-догматические аспекты существования и выражения права. Это своего рода универсальное первоначало *юридического per se*, следы шествия которого сквозь историческое время и пространство и образуют правовую реальность. Это и юридические идеи, и категории, и ценности, и представления, и символы и архетипы. Изменения в их системе, структуре и составе под влиянием экзогенных и эндогенных, постоянных и переменных факторов и условий социального развития и определяют конкретно-исторические формы и содержания правовой действительности. Можно соглашаться или не соглашаться с подобной трактовкой категории *юридический концепт действительности*. Хотя, разумеется, каждый из перечисленных элементов как в отдельности, так и в их системе, требует развернутого предметного анализа. Юридический концепт действительности как элемент правовой реальности является исторической категорией, меняющейся вместе (синхронно или асинхронно, симметрично или асимметрично) с этой реальностью. Он не может быть ни полным, ни завершенным, поскольку он такой, какой есть, в смысле существования. Юридический концепт действительности как предмет научно-практической рефлексии, существует уже в другом концептуальном пространстве, в форме понятия о самом себе и той реальности, частью которой он является по факту, а не определению.

Категория «юридический концепт действительности» и понятие «юридический концепт действительности» живут на различных этапах правовой реальности, обладают собственной предметной и эпистемологической логикой развития и воспроизводства. Их объединяет общий научно-практический язык, язык юридических определений и язык юридических конструкций. Каждая историческая эпоха существования права – это одновременно и историческая эпоха существования корреспондирующего ей юридического концепта действительности, т.е. юридического языка права и юридического языка размышления о праве. По существу, юридический концепт действительности, его содержание и структура связаны и определяются эпистемологическими и аксиологическими поворотами юридических картин мира.

5. Юриспруденция как методология и технология правового развития

Юриспруденция, или юридическая наука, имеет свою концептуальную биографию. Становление и развитие аналитического языка юриспруденции от фактического и конкретного к абстрактному и понятийному также имеет свои фазовые переходы и циклы в движении и развитии концепций и представлений о должном или недолжном порядке социальных отношений. Содержание юридической науки всегда включало в себя историю борьбы доктрин и теорий, протекающую в исторической логике *смены концептуальных парадигм*. Исторические формы выражения юридических знаний *от мифов и вероучительных представлений к логосу* претерпевали фундаментальные трансформации как в составе используемых терминов и определений – в языке и стиле аргументации, так и в скрытых мотивах и фактах описания и объяснения правовой реальности – в социальной психологии и культурных предпочтениях, заключенных в юридических текстах.

Все это выражение манифестаций и функций определенного исторического времени, определенных эпох в развитии правовых культур и мировоззрений. Это проявляется в акцентировании внимания на отдельных событиях и моментах исторического и государственно-правового развития, отсылках к определенным авторитетам, юридическим течениям и школам, доказательствах и обоснованиях социальной позиции как выражения определенных интересов и ценностей. То есть, развитие юриспруденции, в конечном итоге, есть развитие определенного политико-правового дискурса и господствующего концепта юридической действительности или *рамочного* социокультурного и ценностного представления о должном или недолжном, надлежащем и ненадлежащем правопорядке.

Юриспруденция не только изучает, но и квалифицирует правовую реальность, оценивает ее в плане предметной состоятельности или несостоятельности, социальной приемлемости или неприемлемости. На ка-

ждой исторической фазе аналитической эволюции юриспруденции, как теоретической, так и практической, рациональной или эмпирической, всегда можно вычлени свой содержательный и формальный компонент, в определениях которых заключено понимание и потенциальное решение аналитических вопросов правового развития и располагается и фиксируется эпистемологический, политико-правовой и социокультурный статус той или иной концепции, понятия, теории. Отсюда проистекает разнообразие аксиоматических, доктринальных и метафизических суждений о государстве и праве в формате публицистики, риторики или рационально-логических конструкций и построений.

Особое место здесь занимают методологический и инструментальный компоненты, в рамках которых обосновывается объективность и достоверность получаемого или полученного юридического знания и его практическая ценность, а также мировоззренческий (*аксиологический*) компонент, раскрывающий или демонстрирующий базовые ценностные ориентации признания или непризнания эффективности тех или иных технологий политико-правового развития. Праксеологический (прагматический) компонент заключает в себе прикладной смысл и значение полученной информации, возможности ее практического использования в форме рекомендаций, проектов решений, экспертных заключений и обоснований *политики реформ* или политики консервации или имитации изменений.

Перечисленные элементы (*измерения и составляющие*) юриспруденции в зависимости от социально-политического контекста, уровня развития правосознания а также исторического этапа развития как политического и гражданского общества, так и самой юридической науки, всегда обнаруживают и проявляют себя в той или иной степени и форме на отдельных вехах, стадиях, фазах социокультурного и цивилизационного развития систем социального общения. Юриспруденция Ветхого и Нового завета, Кораническая юриспруденция, юриспруденция эпохи Реформации и Просвещения, юриспруденция общества модерна выражали и реализовывали на различных религиозных, доктринальных, метафизических основаниях собственное правопонимание и собственное право. Оставили непреходящее правовое наследие – языки и стилевое разнообразие отдельных эпох жизни юридического концепта действительности в определениях правовой классики, аналитической и исторической юриспруденции, позитивизма и правового реализма.

В актуальной повестке дня – поиски собственной юридической *методологии и технологии* будущего правового развития сетевых обществ эпохи постмодерна. И здесь проблематика онтологического статуса юридического языка в процессах институционального и концептуального развития правовых систем имеет основополагающее научно-практическое значение. Язык не только отражает право, но и формирует право, поскольку «языко-

вая форма действительно представляется не только возможным, но и вообще единственным материалом нововведений и новообразований»¹¹. Формально-догматическая традиция понимания языка права в определениях нормативно-правовых актов должна быть вписана в определения юридического языка как бытийного основания существования и воспроизводства правовых систем. Юридический язык производит правовую реальность в определениях своей социокультуры. Поэтому образные и понятийные конструкции права являются органической частью правовой реальности, ее концептуальных и институциональных оснований. Вопрос первичности и вторичности материальных или идеальных оснований права сегодня так же далек от своего окончательного разрешения, как и вчера. Это не только основной вопрос философии, но и основной вопрос развития права. По существу, вокруг него и вращается вся действительная проблематика и теоретической, и практической юриспруденции, ее предмета, структуры, ее феноменологии и эпистемологии. Юридический язык вплетен в практики социального общения и их осмысления. Юриспруденция жеста и звука, слова и цифры – это культурно-исторические формы существования, выражения и манифестации бытия права.

Культурно-историческими основаниями права выступают элементы социальной действительности, наличие которых определяет и сущность, и существование права как такового. Это то, без чего права нет, и это то, что конституирует и правовую реальность и определяет реальность права. Таких безусловных оснований или первоначал два – это *социальная свобода и социальное принуждение*. Право, в этом смысле, есть не что иное, как юридически организованная свобода или поведение в рамках юридических гарантий и ограничений. Право есть социальное бытие в одной из культурно-исторических форм правопонимания, его проявления и существования. Право имманентно сущему. Оно пребывает не над и не вне социальной реальности. Оно пребывает внутри социальной реальности. Оно и есть сама эта реальность, поскольку социальное как таковое уже фактом своего существования предполагает нормативный порядок отношений. Правовое или юридическое, или нормативно-должное, это такое фундаментальное качество социальной реальности, которое обеспечивает существование социального порядка в практиках социального общения как в наиболее адекватной и нормативно обеспеченной форме порядка *per se*. Исторические формы социального есть одновременно и исторические формы нормативного. Абсолютно прав Л. С. Мамут, говоря, что «онтическое, не опосредствуемое деонтическим, исключено»¹². Столь же очевидно, что деонтическое, не опосредованное концептуально, так-

¹¹ См.: Кузницын Д. В. Послесловие переводчика // Гуссерль Э. Указ. соч. С. 387.

¹² Мамут Л. С. Полиmodalность права // Труды Института государства и права РАН. 2013. № 4. С. 19.

же исключено. Прежде чем быть институтом, право живет в концептах. Социальная реальность задана в мифологии и религии, образах и символах, представлениях и понятиях – доминантных для каждой эпохи юридических картин исторических типов правового мышления¹³ и знания.

Библиографический список

В поисках теории права / под ред. Е. Г. Самохиной, Е. Н. Тонкова. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2021. – 287 с.

Веденеев Ю. А. Грамматика правопорядка / Ю. А. Веденеев. – Москва : РГ-Пресс, 2018. – 232 с.

Власенко Н. А. Язык права / Н. А. Власенко. – Иркутск : Вост. и Сиб. кн. изд-во, 1997. – 174 с.

Вышинский А. Я. Вопросы теории государства и права / А. Я. Вышинский. – Москва : Государственное издательство юридической литературы, 1949. – 424 с.

Голунский С. А. Теория государства и права / С. А. Голунский, М. С. Строгович. – Москва : Юридическое издательство НКЮ СССР, 1940. – 304 с.

Гуссерль Э. Кризис европейски наук и трансцендентальная феноменология / Э. Гуссерль. – Санкт-Петербург : Владимир Даль, 2022. – 399 с.

Деев Н. Н. Государственность и этнополитическое развитие / Н. Н. Деев // Политические проблемы теории государства. – Москва : Изд-во ИГиП РАН, 1993. – 96 с.

Мамут Л. С. Полиmodalность права / Л. С. Мамут // Труды Института государства и права РАН. – 2013. – № 4. – С. 5–24.

Марксистско-ленинская общая теория государства и права. – Москва : Юрид. лит., 1970. – Ч. 1: Основные институты и понятия. – 621 с.

Общая теория права и государства / под ред. проф. В. В. Лазарева. – Москва : Юрист, 2001. – 520 с.

Проблемы теории государства и права / под ред. М. Н. Марченко. – Москва : Норма, 2005. – 655 с.

Проблемы общей теории права и государства / под ред. В. С. Нерсесянца. – Москва : Норма, 2010. – 813 с.

Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции / А. Ф. Черданцев. – Москва : Норма : Инфра-М, 2012. – 320 с.

Энциклопедия правоведения или интегральная юриспруденция? Проблемы изучения и преподавания / отв. ред. В. Г. Графский. – Москва : Норма, 2013. – 224 с.

Юридическое мышление : классическая и постклассическая парадигмы : коллективная монография / под ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2020. – 464 с.

References

Cherdantsev A. F. Logical and linguistic phenomena in jurisprudence / A. F. Cherdantsev. – Moscow : Norma : Infra-M, 2012. – 320 p.

Deyev N. N. The statehood and ethno-political development / N. N. Deyev // Political problems of theory of state. – Moscow : IGI P RAN, 1993. – 96 p.

Encyclopedia of law studies or integral jurisprudence? Problems of learning and teaching / chief ed. V. G. Grafskiy. – Moscow : Norma, 2013. – 224 p.

¹³ Юридическое мышление : классическая и постклассическая парадигмы : коллективная монография / под ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. СПб., 2020.

General theory of law and state / ed. by prof. V. V. Lasarev. – Moscow : Yurist, 2001. – 520 p.

Golunskiy S. A. Theory of state and law / S. A. Golunskiy, M. S. Strogovich. – Moscow : Yuridicheskoye izdatelstvo NKY USSR, 1940. – 304 p.

Husserl E. Crisis of European sciences and transcendental phenomenology / E. Husserl. – Saint-Petersburg : Vladimir Dal, 2022. – 399 p.

In search of the theory of law / ed. by E. G. Samokhina, E. N. Tonkov. – Saint-Petersburg : Aleteya, 2021. – 287 p.

Legal thinking : classic and postclassic paradigms / ed. by Y. N. Tonkov, I. L. Chestnov. – Saint-Petersburg : Aleteya, 2020. – 464 p.

Mamut L. S. Polymodality of law / L. S. Mamut // Proceedings of the Institute of State and Law of RAS. – 2013. – N. 4. – Pp. 5–24.

Marxist-Leninist common theory of state and law. – Moscow : Yurid. lit., 1970. – Part 1: The main institutes and terms. – 621 p.

Problems of general theory of law and state / ed. by V. S. Nersesyantz. – Moscow : Norma, 2010. – 813 p.

Problems of theory of state and law / ed. by M. N. Marchenko. – Moscow : Norma, 2005. – 655 p.

Vedeneev Y. A. Grammar of law and order / Y. A. Vedenev. – Moscow : RG-Press, 2018. – 232 p.

Vlasenko N. A. The language of law / N. A. Vlasenko. – Irkutsk : Vost. y Syb. kn. izd-vo. – 174 p.

Vyshinskiy A. Y. The questions of theory of state and law / A. Y. Vyshinskiy. – Moscow : Gosudarstvennoye izdatelstvo yuridicheskoi literatui, 1949. – 424 p.

Для цитирования:

Веденеев Ю. А. Культурно-историческая юриспруденция : институты и концепты // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2023. № 1. С. 15–33.

Recommended citation:

Vedeneev Yu. A. Cultural and historical jurisprudence: institutes and concepts // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2023. 1 (2). Pp. 15–33.

Сведения об авторе

Веденеев Юрий Алексеевич – профессор кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор
E-mail: vedpol45@gmail.com

Information about author

Yuriy Alekseevich – Professor of the Theory of State and Law Department of Moscow State Law University named after O. E. Kutafin (MSAL), Doctor of Law, Full Professor
E-mail: vedpol45@gmail.com

ИЗ АРХАИКИ В XXI ВЕК: ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕХНИКА

УДК 34-342

«НАЦИЯ» И «НАРОД» В КОНСТИТУЦИОННОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ XVIII–XIX ВЕКОВ

Т. А. Алексеева

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Поступила в редакцию 15 сентября 2022 г.

Аннотация: в статье рассматриваются конституционные термины «нация» и «народ», их содержание, соотношение, значение для закрепления конституционных принципов в XVIII–XIX веках.

Ключевые слова: законодательная техника, конституционная терминология, народ, народный суверенитет, нация, национальный суверенитет.

“NATION” AND “PEOPLE” IN THE CONSTITUTIONAL TERMINOLOGY OF THE 18TH–19TH CENTURIES

T. A. Alexeeva

National Research University “Higher School of Economics”

Abstract: the paper is devoted to the concepts of “nation” and “people”, their contents, correlation and significance for the declaration of the constitutional principles in the 18th–19th centuries.

Key words: legal technics, constitutional terminology, people, people’s sovereignty, nation, sovereignty of nation.

«Нация» и «народ» – ключевые понятия конституционного лексикона XVIII–XIX веков, отраженного в идейных источниках конституций, в самих конституционных текстах, а также в конституционной доктрине этих столетий. Пристального внимания достойны не только сами указанные понятия, но и их однокоренные прилагательные «национальный» и «народный», которые имели особое значение при определении вида суверенитета.

Важность рассматриваемых понятий для конституционного права впервые была осмыслена и продемонстрирована в законодательных ак-

© Алексеева Т. А., 2023

тах Франции. Понятие «нация», появившееся во французских источниках в XII веке, произошло от латинского *natio* (рождение, племя, народ)¹. Оно указывало на людей, объединенных общим происхождением. Помимо этого, как отмечают исследователи, нациями в Средние века назывались также университетские, духовные, купеческие объединения и землячества². Э. Ж. Сийес в работе «Что такое третье сословие», опубликованной зимой 1789 года, отождествил третье сословие со «всею нацией», подчеркнув, что ей как общности свойственны объединяющие начала: общие воля, закон, право, порядок, польза для людей³.

Исследователь Л. А. Пименова выделила три значения термина «нация» во Франции накануне Великой Французской революции. Он обозначал: во-первых, культурно-историческую общность, признаками которой выступали язык, обычаи и национальный характер; во-вторых, государство; в-третьих, народ как сообщество граждан, свободных и равных в правах⁴. В последнем значении понятие «нация» как «народ» активно использовалось во французской публицистике предреволюционных лет и представлялось идеалом, к которому следует стремиться. В этом значении «нация», отождествляемая с обществом, противопоставлялась государству и королю, который не воспринимался как ее член⁵. Следует отметить, что все три значения «нации» впоследствии были доктринально проработаны и нашли свое применение в конституционном законодательстве революционной Франции.

«Нация» в революционном конституционном законодательстве Франции. Термин «нация» использовался в наказах депутатам Генеральных штатов от третьего сословия, избранных весной 1789 года. В Декларации прав человека и гражданина, принятой Учредительным собранием 26 августа 1789 года, нация была объявлена источником суверенитета (п. 3)⁶. Содержание понятия нации в данном тексте не раскрывалось, и ее состав не уточнялся, поэтому неудивительно, что в начале XX века Ф. Ф. Кошкин перевел на русский язык *la nation* термином «народ»⁷. Правиль-

¹ Пименова Л. А. Идея нации во Франции Старого порядка // Национальная идея в Западной Европе в Новое время. Очерки истории / отв. ред. В. С. Бондарчук. М., 2005. С. 125.

² Там же. С. 125–126.

³ Сийес Э. Ж. Что такое третье сословие // Аббат Сийес : от Бурбонов к Бонапарту / сост. М. Б. Певзнер. СПб., 2003. С. 157, 160, 162, 174, 193, 198, 201.

⁴ Пименова Л. А. Указ. соч. С. 157–158.

⁵ Там же. С. 157.

⁶ Декларация прав человека и гражданина 1789 г. и Конституция 3 сентября 1791 г. // Документы Великой французской революции : в 2 т. / сост.: А. В. Адо, Н. Н. Наумова, Е. И. Федосова, Г. С. Черткова ; отв. ред. А. В. Адо. М., 1990. Т. 1. С. 112–141.

⁷ Объявление прав человека и гражданина // Тексты важнейших основных законов иностранных государств : в 2 ч. / пер. приват-доц. Ф. Ф. Кошкина. М., 1905. Ч. 1. С. 27–28. Термин «народ» сохраняется в переводе ст. 3 Декларации во многих переводах и по сей день.

ность перевода была им подтверждена в опубликованных лекциях по общему государственному праву⁸. Данная формально-юридическая и лингвистическая ошибка имела в своей основе отмеченное выше отождествление понятий «нация» и «народ» в соответствующий исторический момент. Оно было отражено и в записке Э. Ж. Сийеса, составленной за месяц до принятия Декларации прав человека и гражданина и зачитанной на заседании Конституционного комитета. В ней указывалось: «Все государственные власти без различий проистекают из всеобщей воли, все исходит от народа, то есть от нации. Эти два термина должны быть синонимами»⁹.

Положение Декларации прав человека и гражданина 1789 года нашло развитие в тексте Конституции 1791 года при полном и завершённом провозглашении принципа национального суверенитета: «Суверенитет принадлежит нации: он един, неделим, неотчуждаем и неотъемлем». При этом указана его главная гарантия: недопустимость присвоения его осуществления «ни одной частью народа, никаким лицом» (ст. 1 разд. 3). Нация как субъект суверенитета объявлена «единственным источником всех властей». Она «может осуществлять их лишь путем уполномочия». Ее представителями признаны два органа: Законодательный корпус и король, а характер самой Конституции определен как «представительный» (ст. 2 разд. 3). Таким образом учредители четко определили отношение к монарху как члену и представителю нации, поэтому его титул «король Франции и Наварры» был заменен на «короля французов». Вступая на трон, он приносил клятву «верности нации и закону». Данные положения соответствовали убежденности учредителей в том, что сотрудничество короля и нации идеально для общего блага¹⁰.

При создании Конституции Учредительное собрание, однако, удалилось от первоначального понятия нации при закреплении принципа суверенитета. Депутаты, выступая на заседаниях, отмечали, что нация – это юридическое лицо, не совпадающее с совокупностью индивидов, ее составляющих¹¹. Так, государствоведы отметили, что она «указывает на историческую непрерывность, солидарность следующих друг за другом поколений»¹². Данное представление о нации и ее суверенитете поддерживалось теориями избирательной функции и представительного мандата. Согласно первой из них нация выражает волю через своих представи-

⁸ Косошкин Ф. Ф. Лекции по общему государственному праву / под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. М., 2004. С. 168.

⁹ Сийес Э. Ж. Рассмотрение и обоснованное изложение прав человека и гражданина, зачитанное 20 и 21 июля 1789 г. // Документы истории Великой французской революции : в 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 43.

¹⁰ Пименова Л. А. Указ. соч. С. 162.

¹¹ Грацианский П. С. История буржуазного конституционализма во Франции // История буржуазного конституционализма / отв. ред. В. С. Нерсисянц. М., 1983. С. 207.

¹² Там же.

телей, они представляют ее в целом, а не конкретных избравших ее граждан¹⁵. Ее представители получают не императивный, но представительный мандат, т.е. мандат на участие в процедуре, с помощью которой воля нации находит свое выражение. Избиратели не могут и не имеют права ее предвидеть¹⁴. При этом своих представителей избирали только активные граждане, отвечавшие требованиям, установленным Конституцией.

«Народ» в Конституции якобинцев. При якобинцах понятие «нация» было заменено «народом». Декларация прав человека и гражданина, являвшаяся частью Конституции 1793 года, провозгласила принцип народного суверенитета и зафиксировала его признаки: «Суверенитет зиждется в народе; он един, неделим, не погашается давностью и неотчуждаем (ст. 25). В Конституционном акте (втором структурном элементе Конституции) было дано определение «суверенного народа» как совокупности всех французских граждан (ст. 7), закреплено всеобщее мужское избирательное право и гарантия осуществления указанного суверенитета – распределение французского народа «на первичные собрания по кантонам» (ст. 2)¹⁵.

Направления заимствования понятий. Понятия «нация» и «народ» были заимствованы законодателями других стран вместе со всем французским революционным учредительным опытом и прочно вошли в их конституционный лексикон.

Термин «нация» получил распространение в первых конституциях двух видов государств: со сложной историей отстаивания своей независимости и в новых, впервые юридически оформлявших свою государственность.

Термин «нация» как обозначение провозглашенной независимости. В ходе наполеоновских войн и после их окончания получила распространение тенденция к закреплению понимания нации как политической и этнокультурной общности, проживающей на определенной территории и претендующей на конституционализацию своего государства. Пример был дан Наполеоном, дарившим основные законы государствам, создаваемым на землях, оккупированных французскими войсками. Так, в Конституции 1808 года, объявленной для Испании, термин «нация» был использован дважды (ст. 1, 6): при закреплении, во-первых, католической религии как государственной, что являлось неотъемлемым свойством испанской самобытности, и, во-вторых, обязательств короля в отношении общества, членом которого он, очевидно, не являлся¹⁶.

¹⁵ Об отличительных чертах императивного мандата см.: Авакьян С. А. Актуальные проблемы теории представительства в конституционном праве // Теория народного представительства : научное наследие профессора В. С. Основина. Материалы Всероссийской научно-практической конференции / отв. ред. Т. М. Бялкина. Воронеж, 2018. Вып. 11. С. 15.

¹⁴ Грацианский П. С. Указ. соч. С. 208.

¹⁵ Конституция 24 июня 1793 г. // Документы Великой французской революции : в 2 т. Т. 1. С. 216–227.

¹⁶ Конституция [Испании] от 6 июля 1808 года / пер. с исп. Т. А. Алексеевой // Алексеева Т. А. История испанских конституций. М., 2021. С. 87–105.

Отношение к «нации» по Конституции Бельгии 1831 года оказалось весьма близким тому, что было закреплено в Основном законе 1791 года: все власти исходят от нации (ст. 33), а члены обеих палат представляют нацию, а не только тех, кто их избрал (ст. 42)¹⁷. В середине XIX века в Италии «достигнет апогея своего влияния» представление о нации как культурно-исторической общности, требующей создания итальянской государственности¹⁸. Поэтому в Статуте королевства, объявленном королем Карлом Альбертом 4 марта 1848 года, было указано, как и во Франции в 1791 году, что депутаты являются «представителями всей нации вообще, а не той только области, которою они избраны»; а избиратели «не могут давать им никаких повелительных инструкций» (ст. 41)¹⁹.

Особую значимость и новую интерпретацию понятие нации получило в лексиконе «средиземноморского конституционализма» (термин А. Романо)²⁰, имевшего мощные исторические основы, отраженные, прежде всего, в Политической конституции Испанской монархии 1812 года, принятой во время национально-освободительной войны с наполеоновской Францией²¹.

Испанский исследователь Сантос М. Коронас выделил два юридических вида понимания термина «нация» в Испании той поры: историческое и конституционное. Первое сложилось в эпоху правления Бурбонов и использовалось в публичном праве для обозначения Испании, объединившей исторически сложившиеся территории с их своеобразными правовыми системами. Второе понятие было закреплено в тексте Конституции, вводившей в стране единое правовое регулирование» и отказ от приверженности местным и региональным юридическим традициям²².

Несмотря на то, что Конституция Франции 1791 года стала главным юридическим источником испанского Основного закона, в том числе в части декларации о национальном суверенитете (ст. 3), в его тексте нашло отражение иное, многоаспектное представление о нации. При раз-

¹⁷ Конституция Бельгии 7 февраля 1831 года // Тексты важнейших основных законов иностранных государств. Ч. 1. С. 85–103.

¹⁸ Бондарчук В. С. Национальная мысль и национальное сознание в Италии // Национальная идея в Западной Европе в Новое время. С. 349.

¹⁹ Статут Королевства (Италия) (4 марта 1848 г.) // Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII–XIX вв. / под ред. П. Н. Галанзы. М., 1957. С. 467–475.

²⁰ Romano A. Cadice come modello costituzionale // Costituzione politica della Monarchia Spagnuola / a cura di A. Romano. Messina, 2000. P. XVIII–XIX.

²¹ Политическая конституция испанской монархии, промульгированная в Кадисе 19 марта 1812 г. / пер. с исп. Т. А. Алексеевой // Алексеева Т. А. История испанских конституций. С. 108–149.

²² Coronas S. M. Nación histórica y nación constitucional en la España de Cádiz // 1812 : fra Cadice e Palermo – entre Cádiz y Palermo : nazione, rivoluzione, costituzione – rappresentanza politica, libertà garantite, autonomie : 2 v. / a cura di A. Romano e F. V. Caffarelli. Palermo, 2012. Vol. 1. P. 299 (299–312).

работке Конституции депутаты Учредительных кортесов вкладывали в понятие «нация» различное содержание. Так, защитники королевских прерогатив исходили из того, что нация – это «нерушимый союз короля и народа». Депутаты из колоний в Америке представляли ее объединением индивидов, проживающих на полуострове и в провинциях. Для испанских либералов, по мнению Х. Варелы Суансес-Карпенья, нация не была совокупностью людей, ее составляющих, но «существом чисто идеальным, фиктивным, простым субъектом ответственности за власть»²³. Впечатление о некоторой близости интерпретации «нации» Учредительным собранием, принявшим первую Конституцию Франции, может возникнуть при ознакомлении с преамбулой Конституции 1812 года: в связи с указанием на природу Кортесов («Генеральных и чрезвычайных кортесов испанской нации») и на цель основных законов («высокая миссия по обеспечению возвеличивания, процветания и благосостояния всей нации»). Однако в последующем тексте нашло закрепление представление о нации, не соответствующее приведенному выводу авторитетного испанского специалиста по истории конституционного права.

Прежде всего, Генеральные и чрезвычайные кортесы определили нацию как «объединение испанцев обоих полушарий» (ст. 1), состоявшее из индивидов (ст. 12). Примечательно, что ее счастье было признано целью правительства, и оно понималось как благополучие индивидов, которое должно обеспечить всякое политическое общество (ст. 13). Для состояния в нации было необходимо удовлетворять требованиям, указанным в Конституции (ст. 5). Законодатель выделил «граждан» – испанцев, обладающих правом избирать депутатов Кортесов (ст. 27), а также занимать муниципальные должности и избирать на них в установленном порядке (ст. 23). При этом Кортесы были определены как собрание депутатов, представляющих нацию (ст. 27). Но ни Кортесы в целом, ни король не объявлялись «представителями» нации, как это было сделано в Конституции Франции 1791 года.

В труде, опубликованном на следующий год после принятия Конституции, Ф. Мартинес Марина определил нацию как «объединение или коллективное образование всех членов государства»²⁴. При этом любой гражданин и каждая провинция или неотъемлемая часть политического образования должны, по его мнению, иметь доступ к осуществлению суверенитета, к участию в создании законов, а также в обсуждении и уста-

²³ Varela Suances-Carpegna J. Nación, representación y articulación territorial en las Cortes de Cádiz // Revista de historia Jerónimo Zurita. 2012. N. 87. P. 13–15.

²⁴ Martínez Mariana F. Teoría de las cortes o grandes juntas nacionales de los reinos de León y Castilla : monumentos de su constitución política y de la soberanía del pueblo con algunas observaciones sobre la ley fundamental de la monarquía española sancionada por las Cortes Generales y extraordinarias, y promulgada en Cádiz a 19 de marzo de 1812. En 3 t. Madrid, 1813. T. 1. P. 241.

новлении всего того, что является необходимым для сохранения и процветания государства²⁵.

Так, в Испании «нация» оказалась весьма близкой понятию «народ», закрепленному во Французской конституции 1793 года. Вместе с тем Кортесы связывали понятие нации не только с населением страны, но и с определенной территорией (ст. 10), а также историей, социально-культурной и политической самобытностью страны: исповедуемой католической религией (ст. 12) и монархической формой правления (ст. 14). Испанские исследователи отмечают «преданность либералов» историческому прошлому, которая «интеллектуально подводила к средневековью» и одновременно к представлению о «современном государстве»²⁶. Члены комиссии, подготовившие проект Конституции, утверждали, что корни суверенитета нации обнаружены в ее истории²⁷. «Нация» представлялась Учредительными кортесами юридически оформленным объединением средневековых пиренейских королевств, что отразилось в определении территории Испании через их перечень (ст. 10)²⁸.

«Нация» в конституциях новых государств. Вышеупомянутые положения Конституции Испании 1812 года стали базовыми для новых государств, воспринявших представление о нации, с одной стороны, как о народе – общности граждан и, с другой стороны, как о государстве – территориальном политическом образовании. Так, в Политической конституции Бразильской империи, промульгированной 25 марта 1824 года, объявлялось, что все бразильские граждане «образуют свободную и независимую нацию»; их «политическое объединение» названо Бразильской империей (ст. 1). От нации производны все власти (ст. 12), а ее представителями являются император и Генеральная ассамблея (ст. 11)²⁹. В Конституции Боливии 1826 года было провозглашено: нация есть объединение всех боливийцев (ст. 1), «правосудие осуществляется от имени нации (ст. 106)³⁰. Перечень примеров может быть продолжен.

²⁵ *Martínez Mariana F.* Op. cit. Т. 1. P. 241–242.

²⁶ *García de Cortazar F.* Presentación // Nación española : historia y presente // Papeles de la Fundación para el Análisis y los Estudios Sociales. 2001. N. 63. P. 9.

²⁷ Discurso preliminar y leído en las Cortes al presentar la Comisión de Constitución el proyecto de ella. Cádiz, 1812. P. 7.

²⁸ К многоаспектному подходу к «нации» применимо выразительное замечание общего характера о содержании основных законов, которые непременно обуславливаются «политическими соображениями и национальной традицией, включая публично-правовую доктрину» (*Ильин А. В.* Основной закон России и социальная справедливость // Правовой акт : из архаики в XXI век : материалы Первой ежегодной международной научно-практической конференции. 30 июня 2021 / под ред. Ю. Н. Старилова, С. Н. Махиной. Воронеж, 2021. С. 108).

²⁹ *Constituição política do Imperio do Brasil (1824).* Rio de Janeiro, 1824. 47 p.

³⁰ *Constitución política de Bolivia (1826) // Modelo Romano e formazione del pensiero politico di Simon Bolivar. Testi costituzionali / a cura di M. Sassi.* Napoli, 1994. P. 185–200.

«Народ» в законодательстве XIX века. Понятие «народ», сформулированное якобинцами, сохраняло популярность во Франции в течение нескольких последующих лет. Поэтому и в Конституции 1795 года «народ в целом» как общность всех граждан был объявлен носителем суверенитета (ст. 2, 17 Декларации прав и обязанностей человека и гражданина)³¹. Данный подход соответствовал линии на демократизацию конституционного права и в целом политико-правовой реальности. Поэтому он получил широкое распространение в ходе революционных событий, начавшихся в 1848 году во Франции. Принцип суверенитета народа как совокупности французских граждан был закреплен в Конституции Второй республики во Франции в 1848 году (ст. 1) и стал предметом заимствования учредителями в других странах³². А его использование в XIX веке оказалось связанным с идеей расширения избирательных прав нередко до введения всеобщего мужского избирательного права.

Понятие народа после 1848 года содержалось в ряде конституций. Например, субъектами объединения при создании Швейцарской конфедерации объявлялись народы кантонов (ст. 1 Конституции от 12 сентября 1848 года). Депутаты швейцарского народа образовывали Национальный совет и избирались швейцарцами, достигшими 20-летнего возраста (ст. 63)³³. Палата народа по Конституции Германской империи, принятой в 1849 году Национальным собранием, должна была состоять из депутатов германского народа (§ 93)³⁴.

Заключительное замечание. Представления о нации как культурно-исторической общности, государстве и сообществе граждан, известные дореволюционной Франции, стали тремя сочетающимися аспектами понятия, закрепленного в конституционном законодательстве различных стран в XIX веке. Термин «народ» приобрел самостоятельное значение и соответствовал новым политическим реалиям с демократическими тенденциями.

Библиографический список

Алексеева Т. А. История испанских конституций / Т. А. Алексеева. – Москва : Проспект, 2021. – 296 с.

Ильин А. В. Основной закон России и социальная справедливость // Правовой акт : из архаики в XXI век : материалы Первой ежегодной международной научно-практической конференции (Воронеж, 30 июня 2021 г.) / А. В. Ильин // под

³¹ Конституция Франции 5 фрюктидора III г. (22 августа 1795 г.) // Документы Великой французской революции. Т. 1. С. 314–349.

³² Конституция Французской республики 4 ноября 1848 г. // Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII–XIX вв. С. 446–460.

³³ Федеральная конституция Швейцарии 1848 г. / пер. С. А. Соломоновой // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2005. № 3. С. 167–183.

³⁴ Конституция Германской империи 28 марта 1849 г. // Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII–XIX вв. С. 529–545.

ред. Ю. Н. Старилова, С. Н. Махиной. – Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2021. – С. 105–112.

История буржуазного конституционализма / отв. ред. В. С. Нерсисянц. – Москва : Наука, 1983. – 279 с.

Кокошкин Ф. Ф. Лекции по общему государственному праву / Ф. Ф. Кокошкин ; под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. – Москва : Зерцало, 2004. – 312 с.

Национальная идея в Западной Европе в Новое время / отв. ред. В. С. Бондарчук. – Москва : Зерцало-М, 2005.

Сийес Э. Ж. Рассмотрение и обоснованное изложение прав человека и гражданина, зачитанное 20 и 21 июля 1789 г. / Э. Ж. Сийес // Документы истории Великой французской революции : в 2 т. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1990. – Т. 1. – 528 с.

Сийес Э. Ж. Что такое третье сословие / Э. Ж. Сийес // Аббат Сийес : от Бурбонов к Бонапарту / сост. М. Б. Певзнер. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2003. – 224 с.

Coronas S. M. Nación histórica y nación constitucional en la España de Cádiz / S. M. Coronas // 1812 : fra Cadice e Palermo – entre Cádiz y Palermo : nazione, rivoluzione, costituzione – rappresentanza politica, libertà garantite, autonomie : 2 v. / a cura di A. Romano e F. V. Caffarelli. – Palermo, 2012. – Vol. 1.

García de Cortazar F. Presentación / de Cortazar F. García // Nación española : historia y presente // Papeles de la Fundación para el Análisis y los Estudios Sociales. – 2001. – N. 63.

Romano A. Cadice come modello costituzionale / A. Romano // Costituzione politica della Monarchia Spagnuola / a cura di A. Romano. – Messina, 2000.

Teoría de las cortes o grandes juntas nacionales de los reinos de León y Castilla : monumentos de su constitución política y de la soberanía del pueblo con algunas observaciones sobre la ley fundamental de la monarquía española sancionada por las Cortes Generales y extraordinarias, y promulgada en Cádiz a 19 de marzo de 1812. En 3 t. / Mariana F. Martínez. – Madrid, 1813. – Т. 1.

Varela Suanzes-Carpegna J. Nación, representación y articulación territorial en las Cortes de Cádiz / Suanzes-Carpegna J. Varela // Revista de historia Jerónimo Zurita. – 2012. – N. 87.

References

Alexeeva T. A. History of Spanish constitutions / T. A. Alexeeva. – Moscow : Prospekt, 2021. – 296 p.

Ilyin A. V. Organic law of Russia and social justice / A. V. Ilyin // Legal act : from the archaic to the 21st century: the materials of the First annual international scientific and practical conference. 30th of June 2021 / ed. by Y. N. Starilov, S. N. Makhina. – Voronezh : Publishing House of VSU, 2021. – Pp. 105–112.

History of bourgeois constitutionalism / chief ed. V. S. Nersesyantz. – Moscow : Nauka, 1983. – 279 p.

Kokoshkin F. F. Lectures on common state law / F. F. Kokoshkin ; ed. by V. A. Tomsinov. – Moscow : Zertzalo, 1983. – 312 p.

National idea in Western Europe in Modern period / chief ed. V. S. Bondarchuk. – Moscow : Zertzalo-M, 2005.

Sieyes E. J. Consideration and reasonable presentation of human and civil rights, read on the 20th and 21st of 1789 / E. J. Sieyes // The documents of history of the French

Revolution : in 2 vol. – Moscow : Publishing House of Moscow University, 1990. – V. 1. – 528 p.

Sieyes E. J. What the commons are / E. J. Sieyes // *Abbot Sieyes : from the Bourbons to Bonaparte / comp. by M. B. Pevzner.* – Saint-Petersburg : Aleteya, 2003. – 224 p.

Coronas S. M. Nación histórica y nación constitucional en la España de Cádiz / S. M. Coronas // 1812 : fra Cadice e Palermo – entre Cádiz y Palermo : nazione, rivoluzione, costituzione – rappresentanza politica, libertà garantite, autonomie : 2 v. / a cura di A. Romano e F. V. Caffarelli. – Palermo, 2012. – Vol. 1.

García de Cortazar F. Presentación / de Cortazar F. García // *Nación española : historia y presente // Papeles de la Fundación para el Análisis y los Estudios Sociales.* – 2001. – N. 63.

Romano A. Cadice come modello costituzionale / A. Romano // *Costituzione politica della Monarchia Spagnuola / a cura di A. Romano.* – Messina, 2000.

Teoría de las cortes o grandes juntas nacionales de los reinos de León y Castilla : monumentos de su constitución política y de la soberanía del pueblo con algunas observaciones sobre la ley fundamental de la monarquía española sancionada por las Cortes Generales y extraordinarias, y promulgada en Cádiz a 19 de marzo de 1812. En 3 t. / Mariana F. Martínez. – Madrid, 1813. – T. 1.

Varela Suanzes-Carpegna J. Nación, representación y articulación territorial en las Cortes de Cádiz / Suanzes-Carpegna J. Varela // *Revista de historia Jerónimo Zurita.* – 2012. – N. 87.

Для цитирования:

Алексеева Т. А. «Нация» и «народ» в конституционной терминологии XVIII–XIX вв. // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2023. № 1. С. 34–43.

Recommended citation:

Alexeeva T. A. “Nation” and “people” in the constitutional terminology of the 18th–19th centuries // *Journal of Legal Anthropology and Conflictology.* 2023. N. 1 (2). Pp. 34–43.

Сведения об авторе

Алексеева Татьяна Анатольевна – профессор факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», кандидат юридических наук, доцент

E-mail: ta_al@mail.ru

Information about author

Alexeeva Tatyana Anatolyevna – Professor of Law School of the National Research University “Higher School of Economics”, Candidate of Legal Sciences, Docent

E-mail: ta_al@mail.ru

ЭВОЛЮЦИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ ЗАКРЕПЛЕНИЯ ПРИНЦИПОВ ПРАВА В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

В. А. Илюхина

*Академия ФСИН России, Нижегородский институт управления –
филиал РАНХиГС*

Поступила в редакцию 10 сентября 2022 г.

Аннотация: в статье рассматривается развитие юридической техники закрепления принципов права в законодательстве Российской империи, РСФСР и Российской Федерации. Делается вывод, что разнообразие подходов современного законодателя к нормативному закреплению принципов права свидетельствует об очередном витке эволюции юридической техники закрепления принципов права в российском законодательстве, о поиске соответствующей оптимальной модели.

Ключевые слова: юридическая техника, принципы права, российское законодательство, позитивизм.

EVOLUTION OF THE LEGAL TECHNIQUES OF FIXING THE PRINCIPLES OF LAW IN RUSSIAN LEGISLATION

V. A. Ilyukhina

*Academy of the Federal Service Execution of Punishment of Russia,
Nizhny Novgorod Institute of Management – branch of RANEPА*

Abstract: the article discusses the development of legal techniques for fixing the principles of law in the legislation of the Russian Empire, the RSFSR and the Russian Federation. It is concluded that the variety of approaches of the modern legislator to the normative consolidation of the principles of law indicates the next round of evolution of the legal technique of fixing the principles of law in Russian legislation, the search for the appropriate optimal model.

Key words: legal technique, principles of law, Russian legislation, positivism.

В настоящее время и для законодателя, и для правоприменителя очевидным является, что от юридической техники, использованной при подготовке нормативного правового акта, во многом зависит эффективность его реализации. Естественно, развитие юридической техники – это процесс, растянутый во времени. Способы, методы, приемы и средства под-

готовки нормативных правовых актов когда-то возникли, эволюционировали и в настоящее время постоянно совершенствуются.

В данной работе предпринята попытка проследить эволюцию закрепления в российском законодательстве принципов права. Выбор такого объекта исследования обусловливается тем, что принципы права – это весьма важный элемент законодательства и правовой реальности. Мы рассматриваем принципы права в контексте позитивистской концепции правопонимания¹ в качестве неких базовых идей, лежащих в основе правового регулирования в целом, совокупности отраслей или одной отрасли права. При этом принципами права являются не любые идеи, а только те, которые прямо закреплены в текстах нормативных правовых актов и воспринимаются законодателем именно в качестве основополагающих идей. При этом от собственно принципов права следует отличать доктринальные принципы – идеи, высказанные учеными, государственными и общественными деятелями, не нашедшие закрепления в текстах нормативных правовых актов. Такого рода идеи не обладают обязательностью для субъектов правоотношений и, как справедливо отмечается в научной литературе, находятся не в сфере права, а принадлежат сфере правосознания².

Сказанное выше означает, что во многом от качества формулирования и механизма закрепления принципов права зависит, насколько правильно они будут поняты правоприменителем и реализованы на практике.

Говорить о юридической технике в доктринальном плане в Российской империи, конечно, не приходится, поскольку учеными не было разработано соответствующей целостной концепции подготовки нормативных правовых актов, не было пособий по использованию различных технико-юридических приемов в законотворчестве. Однако юридическая техника как совокупность определенных методов, средств и приемов, использованных при подготовке нормативных правовых актов, несомненно, имела и имеет место во всех случаях, когда разрабатывается нормативный правовой акт. Другой вопрос – насколько осознан-

¹ См., напр.: *Raz J. Legal Principles and the Limits of Law // The Yale Law Journal. 1972. № 81. P. 823–854; Демичев А. А. Позитивистская классификация принципов современного российского права // Государство и право. 2014. № 5. С. 5–13; Давыдова М. Л. Принципы позитивного права в теоретико-правовом дискурсе // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 7: Философия, социология и социальные технологии. 2016. № 3 (33). С. 36–45; Баранов А. В. Нормы-принципы в механизме правового регулирования // Вестник Томского государственного университета. Сер.: Право. 2016. № 4 (22). С. 5–14.*

² См.: Лукашева Е. А. Принципы социалистического права // Советское государство и право. 1970. № 6. С. 21; Фурсов Д. А. Предмет, система и основные принципы арбитражного процессуального права (проблемы теории и практики). М., 1999. С. 360–361; Демичев А. А. Указ. соч. С. 7.

но используются эти методы, средства и приемы, а также насколько они эффективны.

В дореволюционной доктрине серьезного внимания принципам права не уделялось. Для исследователей в Российской империи было характерно в качестве синонимов «принципов права» использовать «основные начала» и «руководящие начала». Р. Р. Сахапов верно отметил, что «каких-либо специальных исследований, посвященных анализу понятия принципов права, в дореволюционный период практически не существовало»⁵. Соответственно и в нормативных правовых актах слово «принцип» не использовалось ни в названиях глав и статей, ни в самом тексте. На уровне доктрины не было сформулировано общих правил закрепления принципов права, а в нормативных правовых актах отсутствовали какие-либо маркеры, указывающие на то, что то или иное положение законодатель рассматривает именно в значении принципа права.

Несомненно, в основе любого нормативного правового акта лежит совокупность определенных идей, которые и хотел заложить в нем законодатель. Однако при анализе текстов нормативных правовых актов периода Российской империи исследователь сталкивается с тем, что основополагающие идеи можно выявить только путем интерпретации содержания нормативного акта, что ведет всегда к научной дискуссионности. Следствием неразработанности соответствующей категории в науке стало отсутствие четкого закрепления принципов права в текстах имперских нормативных актов.

Ситуация с закреплением принципов права стала меняться в первые десятилетия советской власти. Так, уже в Гражданском процессуальном кодексе РСФСР от 10 июля 1923 года законодатель назвал главу 1 «Основные положения». В одиннадцати ее статьях были закреплены наиболее важные идеи, положенные в основу гражданского процессуального законодательства. Сами принципы при этом никак не назывались, поскольку статьи ГПК РСФСР 1923 года не имели названий. Надо понимать, что «основные начала» и «основные положения» – это не одно и то же. Если «основные начала» можно рассматривать как синоним «принципов права», то «основные положения» – понятие более широкое. Это вполне четко продемонстрировал законодатель, включив в главу 1 ГПК РСФСР 1923 года наряду с принципами права и ряд других норм, относящихся к основным положениям гражданского процессуального законодательства, но не являвшихся принципами права. Так, вряд ли можно найти принципы гражданского процессуального права в ст. 11, закреплявшей процессуальные права сторон, прокурора и тре-

⁵ Сахапов Р. Р. Определение принципов права в дореволюционной литературе // Ученые записки Казанского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2007. Т. 149, № 6. С. 13.

тых лиц на знакомство с материалами дела, делать выписки из них, получать копии документов.

Собственно, принципы гражданского процессуального права были закреплены, по нашему мнению, в ст. 1 (принцип единства гражданского процесса), 3 и 4 (принцип разрешения дел судом на основании действующих нормативных актов, постановлений местных органов власти, а при их недостаточности – руководствуясь общими началами советского законодательства и общей политикой Рабоче-Крестьянского Правительства), 5 (принцип процессуальной активности суда), 6 (принцип добросовестности сторон) и 9 (принцип языка судопроизводства).

Обратим внимание, что некоторые из этих принципов (в первую очередь, мы имеем в виду положение, закрепленное в ст. 3 и 4 ГПК РСФСР 1923 года) носили исключительно конъюнктурный характер, вызванный конкретно-историческими условиями. Другие принципы, например языка судопроизводства, сохраняют значение и в наше время.

В следующем нормативном кодифицированном акте в сфере гражданского процессуального права – Гражданском процессуальном кодексе РСФСР от 11 июня 1964 года – сохранился тот же подход законодателя к закреплению принципов права. Они были изложены в главе 1 «Основные положения» без использования слова «принцип». При этом у статей появились названия, что, несомненно, облегчает понимание замысла законодателя. Также самих основополагающих идей гражданского процессуального права стало больше – мы их насчитали десять (ст. 5–10, 13, 14). Обратим внимание, что законодатель не придерживался жестко правила: один принцип – одна статья. Например, в ст. 5 ГПК РСФСР 1964 года, по нашему мнению, было закреплено два разных принципа: принцип осуществления правосудия только судом и принцип равенства граждан перед законом и судом (кстати, последний принцип можно рассматривать не как один, а как два разных). В ст. 6 тоже было изложено два принципа: принцип участия населения в отправлении правосудия и принцип коллегиального рассмотрения гражданских дел.

Следует отметить, что изменение исторической ситуации влияло на то, какие идеи становятся актуальными и должны получить нормативное закрепление, а какие утратили свое практическое значение. Так, из числа принципов исчез принцип разрешения дел судом на основании действующих нормативных актов, постановлений местных органов власти, а при их недостаточности – на основании общих начал советского законодательства и общей политики Рабоче-Крестьянского Правительства.

Следующим этапом в развитии принципов гражданского процессуального права стало принятие Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации от 14 ноября 2002 года. В нем сохранилась традиция

закрепления принципов данной отрасли права в главе 1 «Основные положения» с неиспользованием слова «принцип». Статьи в ГПК РФ, как и в ГПК РСФСР, имеют названия. По нашему мнению, в ГПК РФ можно выделить десять принципов гражданского процессуального права (ранее было тоже десять, но набор их стал иным).

Теперь перейдем к рассмотрению эволюции юридической техники закрепления принципов права в уголовно-процессуальном законодательстве России. Техника закрепления принципов в уголовно-процессуальном законодательстве в 1920-е годы не отличалась от того, что имело место в гражданском процессуальном законодательстве. В Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР от 25 мая 1922 года и практически идентичном ему в вопросах принципов права Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР от 15 февраля 1923 года принципы закреплялись в главе 1 «Основные положения». Статьи не имели здесь названий и слово «принцип» в них не употреблялось.

Всего можно выделить три принципа уголовно-процессуального права: принцип законности, принцип публичности и принцип языка судопроизводства. При этом последние два принципа излагались каждый в отдельной статье закона, а вот принцип законности «растекся» по трем статьям (в УПК РСФСР 1922 года это ст. 5–7, а в УПК РСФСР 1923 года – ст. 9–11).

В Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР от 27 октября 1960 года принципы права, как и в более ранних нормативных правовых актах, закреплялись в главе 1 «Основные положения» без использования слова «принцип», но каждая статья имела теперь собственное название. Всего мы насчитали тринадцать принципов уголовно-процессуального права.

Если в сфере гражданского процессуального права в отношении принципов в современном законодательстве «прорыва» не произошло, то в уголовно-процессуальном праве ситуация иная. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации 18 декабря 2001 года в плане закрепления принципов права представляет собой существенный шаг вперед по сравнению с предшествующим законодательством. В нем содержится не глава (как ранее), а раздел с названием «Основные положения» (раздел 1), в который входит четыре главы. Вторая глава УПК РФ не просто посвящена принципам права (в ней, по нашему мнению, в ст. 6.1, 7, 8, 8.1, 9–15 содержится четырнадцать принципов уголовного судопроизводства), но и имеет соответствующее название «Принципы уголовного судопроизводства». Так впервые в российском уголовно-процессуальном законодательстве появилось слово «принцип». Законодатель четко придерживается правила: одна статья – один принцип. Однако, к сожалению, ни в названии статей, ни в их тексте по-прежнему не используется слово «принцип».

В других отраслях права в советский период ситуация была примерно такой же, как в гражданском процессуальном и уголовно-процессуальном праве. В Российской Федерации в отличие от предшествующего периода существует разнообразие в вопросе закрепления принципов права.

Кроме УПК РФ, слово «принцип» используется в названии глав кодифицированных актов: гл. 1 УК РФ, гл. 1 КоАП РФ.

В некоторых кодексах принципам права посвящается не отдельная глава, а отдельная статья. Так, слово «принцип» имеется в названии ст. 8 УИК РФ, ст. 6 КАС РФ, ст. 2 Градостроительного кодекса РФ, ст. 1 Лесного кодекса РФ, ст. 3 Водного кодекса РФ, ст. 1 Земельного кодекса РФ, ст. 2 ТК РФ, ст. 1 ЖК РФ. Однако до сих пор ни в одном нормативном правовом акте нет названий статей такого рода: «Принцип законности», «Принцип состязательности сторон», «Принцип разумного срока судопроизводства» и т.п.

Непосредственно в самом тексте статей нормативных актов слово «принцип» используется законодателем в ч. 3 ст. 1 СК РФ, в ст. 6 КАС РФ, ст. 2 ТК РФ и некоторых других.

Такое разнообразие подходов законодателя к нормативному закреплению принципов права свидетельствует об очередном витке эволюции юридической техники закрепления принципов права в российском законодательстве, о поиске соответствующей оптимальной модели. Полагаем, что на повестку дня в ближайшее время должен встать вопрос об унификации законодательства в части, касающейся принципов права.

Библиографический список

Баранов А. В. Нормы-принципы в механизме правового регулирования / А. В. Баранов // Вестник Томского государственного университета. Серия: Право – 2016. – № 4 (22). – С. 5–14.

Давыдова М. Л. Принципы позитивного права в теоретико-правовом дискурсе / М. Л. Давыдова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7, Философия, социология и социальные технологии. – 2016. – № 3 (33). – С. 36–45.

Демичев А. А. Позитивистская классификация принципов современного российского права / А. А. Демичев // Государство и право. – 2014. – № 5. – С. 5–13.

Лукашева Е. А. Принципы социалистического права / Е. А. Лукашева // Советское государство и право. – 1970. – № 6. – С. 21–29.

Сахапов Р. Р. Определение принципов права в дореволюционной литературе / Р. Р. Сахапов // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2007. – Т. 149, № 6. – С. 13–15.

Фурсов Д. А. Предмет, система и основные принципы арбитражного процессуального права (проблемы теории и практики) / Д. А. Фурсов. – Москва : ИНФРА-М, 1999. – 449 с.

Raz J. Legal Principles and the Limits of Law / J. Raz // The Yale Law Journal. – 1972. – № 81. – Pp. 823–854.

References

Baranov A. V. Norms-principles in the mechanism of legal regulation / A. V. Baranov // Proceedings of Tomsk State University. Series: Law. – 2016. – N. 4 (22). – Pp. 5–14.

Davydova M. L. Principles of the positive law in theoretical legal discourse / M. L. Davydova // Proceedings of Volgograd State University. Series 7, Philosophy, sociology and social technologies. – 2016. – N. 3 (33). – Pp. 36–45.

Demichev A. A. Positive classification of the principles of modern Russian law / A. A. Demichev // State and law. – 2014. – N. 5. – Pp. 5–13.

Lukasheva E. A. Principles of the socialistic law / E. A. Lukasheva // Soviet state and law. – 1970. – N. 6. – Pp. 21–29.

Sahapov R. R. The definition of the legal principles in the pre-revolutionary law / R. R. Sahapov // Proceedings of Kazan State University. Series: Humanitarian Sciences. – 2007. – Vol. 149, N. 6. – Pp. 13–15.

Fursov D. A. The subject, system and main principles of the arbitration law (the problems of theory and practice) / D. A. Fursov. – Moscow : Infra-M, 1999. – 449 p.

Raz J. Legal Principles and the Limits of Law / J. Raz // The Yale Law Journal. – 1972. – N. 81. – Pp. 823–854.

Для цитирования:

Илюхина В. А. Эволюция юридической техники закрепления принципов права в российском законодательстве // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2023. № 1. С. 44–50.

Recommended citation:

Ilyukhina V. A. Evolution of the legal techniques of fixing the principles of law in Russian legislation // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2023. N. 1 (2). Pp. 44–50.

Сведения об авторе

Илюхина Вера Александровна – доцент кафедры теории государства и права, международного и европейского права, доцент Академии ФСИН России, старший научный сотрудник Научного центра Нижегородского института управления – филиала РАНХиГС, кандидат юридических наук

E-mail: eva3011@bk.ru

Information about author

Ilyukhina Vera Alexandrovna – Associate Professor of Chair of Theory of State and Law, International and European Law, Associate Professor of Academy of the Federal Service Execution of Punishment of Russia; Senior Researcher of the Scientific Center, Nizhny Novgorod Institute of Management – branch of RANEPА, Candidate of Legal Sciences

E-mail: eva3011@bk.ru

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ГУБЕРНАТОРА ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИИ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В «ПАМЯТНЫХ КНИЖКАХ ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИИ» (1913–1916)

Е. В. Сазонникова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 2 сентября 2022 г.

Аннотация: публикация посвящена обязательным постановлениям Губернатора Воронежской губернии – правовым актам начальника губернии. В ней раскрывается понятие и значение обязательных постановлений для правовой системы и реализации государственной политики.

Ключевые слова: губернатор, губерния, обязательные постановления, памятная книжка.

MANDATORY RESOLUTIONS OF THE GOVERNOR OF THE VORONEZH PROVINCE PUBLISHED IN THE “COMMEMORATIVE BOOKS OF THE VORONEZH PROVINCE” (1913–1916)

E. V. Sazonnikova

Voronezh State University

Abstract: the publication is devoted to the mandatory resolutions of the Governor of the Voronezh province – the legal acts of the head of the province. It reveals the concept and significance of binding regulations for the legal system and the implementation of public policy.

Key words: governor, province, binding resolutions, memorial book.

«Памятная книжка Воронежской губернии» (далее – «Памятная книжка») – научно-справочное издание, выпускаемое Воронежским губернским статистическим комитетом с 1856 по 1916 год¹. Памятные книжки были адресованы, в первую очередь, жителям Воронежской губернии. Как было отмечено в предисловии к самой первой «Памятной книжке» (изд. 1856 года), её целью было обнародование собираемых и обработы-

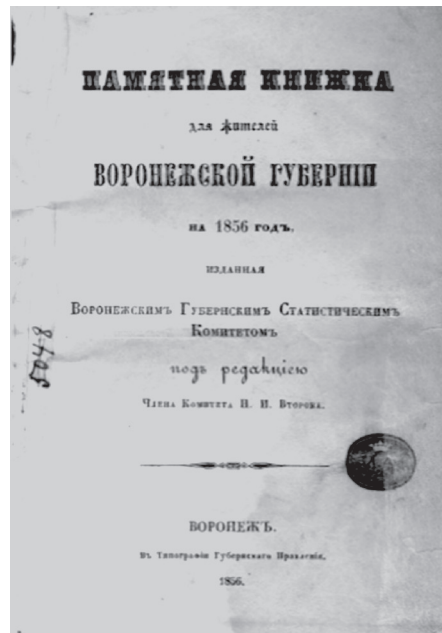
¹ См.: Памятные книжки Воронежской губернии в электронной библиотеке ГБУК ВО «ВОУНБ им. И. С. Никитина». URL: <https://el.vrnlib.ru/category/kollekcii> (дата обращения: 25.05.2022 г.).

© Сазонникова Е. В., 2023

ваемых исторических, географических и статистических сведений о губернии, которые, пополняясь ежегодно, могут со временем служить материалами для подробного описания края².

Со временем объем воронежских «Памятных книжек» увеличивался. В конце XIX века в справочный раздел издания стали включаться правовые акты, но такого рода публикация не носила официальный характер³. В разные годы эта часть справочного раздела имела разные названия: «узаконения и распоряжения Правительства» (1907), «узаконения Правительства и местные постановления» (1912). Начиная с «Памятной книжки» 1913 года и до последней, изданной в 1916 году, в этой части содержания был выделен подраздел «Обязательные постановления Воронежского Губернатора».

Правила об издании губернаторами обязательных постановлений, изложенные во втором томе Свода законов Российской империи, изданном в 1892 году (далее по тексту – СЗ РИ), определяли значение данного документа в правовой системе государства следующим образом: «Губернаторы, независимо от принадлежащего по закону как им, так и полицейским учреждениям, права принимать меры, относящиеся к отдельным случаям, могут издавать в пределах их ведомства постановления, в видах правильного и успешного исполнения, сообразно с местными условиями, узаконений об общественных благочинии, порядке и безопасности. Постановления эти могут относиться к целому ряду определенных и однородных случаев или быть предназначаемы для предупреждения или пресечения того или другого вида нарушения законов, обеспечивающих общественный порядок, но ни в каком случае не должны противо-

Титульный лист самой первой «Памятной книжки Воронежской губернии» (Воронеж: Воронежский губернский статистический комитет / под ред. Н. И. Второва. 1856. 289 с.)

² См.: Памятная книжка Воронежской губернии / Воронеж. губ. стат. комитет. Воронеж : Издание Воронеж. Губернск. Стат. Комитета, 1856–1916. ...на 1856 год / под ред. Н. И. Второва. 1856 (тип. Губ. Правления). VIII, 38, [2], 80, [2], 94, [2], 69, [1] с., [1] л. плана, [1] л. карт.

³ Официально сообщения с текстами правовых актов Губернатора Воронежской губернии (циркуляров, распоряжений, резолюций, приказов, обязательных постановлений и др.) публиковались в газете «Воронежские губернские ведомости» (в официальной части местного отдела газеты. – прим. Е. С.).

речить действующим законам и карательным постановлениям Уложения о Наказаніях и Устава о наказаніях, налагаемых Мировыми Судьями, а также постановлениям высших правительственных лиц и учреждений» (ст. 421 СЗ РИ); «...постановления Губернаторов троекратно публикуются по принадлежности в местных ведомостях, губернских или полицейских или в ведомостях градоначальства, и сверх того постановления эти выставляются в течение месяца на определенных и видных местах площадей и главных улиц, а также в Полицейских Управлениях и в Волостных Правлениях тех местностей, до которых постановления касаются» (ст. 424 СЗ РИ).

Отдѣленіе третье.

Правила объ изданіи Губернаторами обязательныхъ постановленій.

421 *). Губернаторы, независимо отъ принадлежащаго по закону какъ имъ, такъ и полицейскимъ учрежденіямъ, права принимать мѣры, относящіяся къ отдѣльнымъ случаямъ, могутъ издавать въ предѣлахъ ихъ вѣдомства постановленія, въ видахъ правильнаго и успѣшнаго исполненія, сообразно съ мѣстными условіями, узаконеній объ общественныхъ благочиніи, порядкѣ и безопасности. Постановленія эти могутъ относиться къ цѣлому ряду опредѣленныхъ и однородныхъ случаевъ или быть предназначаемы для предупрежденія или пресѣченія того или другаго вида нарушенія законовъ, обезпечивающихъ общественный порядокъ, но ни въ какомъ случаѣ не должны противорѣчить дѣйствующимъ законамъ и карательнымъ постановленіямъ Уложения о Наказаніяхъ и Устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ Мировыми Судьями, а также постановленіямъ высшихъ правительственныхъ лицъ и учреждений. 1876 Іюл. 13 (56203) пол. Ком. Мин., ст. 1.

Статья 421 Свода законов Российской империи (изд. 1892 года)

Губернатор в Российской империи являлся представителем высшей правительственной власти в губерниях. Законодательство не устанавливало какого-либо образовательного или служебного ценза для занятия должности губернатора⁴. «Губернаторы как непосредственные начальники вверенных им Высочайшею Государя Императора волею губерний суть первые в оных блюстители неприкосновенности верховных прав Самодержавия, пользы государства и повсеместного, точного исполнения

⁴ См.: Градовский А. Д. Начала русского государственного права. СПб., 1883. Т. III. С. 219–220.

законов, уставов, Высочайших повелений, указов Правительствующего Сената и предписаний начальства. Имея постоянное и тщательное попечение о благе жителей всех состояний управляемого ими края и вникая в истинное его положение и нужды, они обязаны действием данной им власти охранять повсюду общественное спокойствие, безопасность всех и каждого и соблюдение установленных правил, порядка и благочиния. Им поручены и приняты меры для сохранения народного здоровья, обеспечения продовольствия в губернии, доставление страждущим и беспомощным надлежащего призрения и высший надзор за скорым исполнением всех законных постановлений и требований» (ст. 270 СЗ РИ)⁵.

В период с 1913 по 1916 год губернаторами Воронежской губернии были: Сергей Иванович Голиков (служил с 1909 по 1914 год), Георгий Болеславович Петкевич (и. о. губернатора с февраля 1914 по октябрь 1915 года), Михаил Дмитриевич Ершов (служил с декабря 1915 по март 1917 года)⁶.

В период службы губернатора С. И. Голикова в Воронеже в рамках общегосударственных торжеств состоялось празднование 300-летия дома Романовых (21 февраля (6 марта) 1913 года). Подготовка к торжествам была основательной, программа празднования – насыщенной, а отношение к празднованию – особенно трогательным, ведь история губернии была тесно связана с деятельностью ряда представителей царской династии, начиная с Петра I⁷. В те же годы в Воронеже проходили празднования 50-летия отмены крепостного права, 200-летия Полтавской битвы, 100-летия Отечественной войны 1812 года, 100-летия со дня рождения поэта А. В. Кольцова и др.

На время службы губернатора Г. Б. Петкевича пришлось начало Первой мировой войны. Поставив на первый план важнейшую задачу – обеспечение мобилизации, губерния перешла на положение усиленной охраны (в тот период были приняты обязательные постановления от 14.07.1914). В феврале 1915 года губерния перешла на чрезвычайное положение, и летом 1915 года были изданы обязательные постановления губернатора, обеспечивающие соответствующий правовой режим⁸. Знаковым событием того периода стал приезд 6 (19) декабря 1914 года в Воронеж императора Николая II, который посетил военный

⁵ См.: Собрание законодательства Российской империи (текст на Официальном интернет-портале правовой информации). URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?searchres=&collection=0&empire=1&sort=-1&volume=100003> (дата обращения: 27.05.2022 г.).

⁶ См.: Воронежские губернаторы и вице-губернаторы. 1710–1917 : историко-биографические очерки / ред.-сост. А. Н. Акиншин. Воронеж : Центр духовного возрождения Черноземного края, 2015.

⁷ См.: Алленова В. А. Романовские торжества 1913 г. в Воронежской губернии // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: История. Политология. Социология. 2014. № 3.

⁸ См.: Заяц Н. А. Деятельность воронежских губернаторов в годы первой мировой войны // Вестник КГУ им Н. А. Некрасова. 2016. № 5.

госпиталь, где пообщался с находящимися на лечении ранеными солдатами, участвовавшими в Первой мировой войне⁹. Император побывал в Воронеже с супругой Александрой Фёдоровной и дочерьми, Ольгой и Татьяной¹⁰.

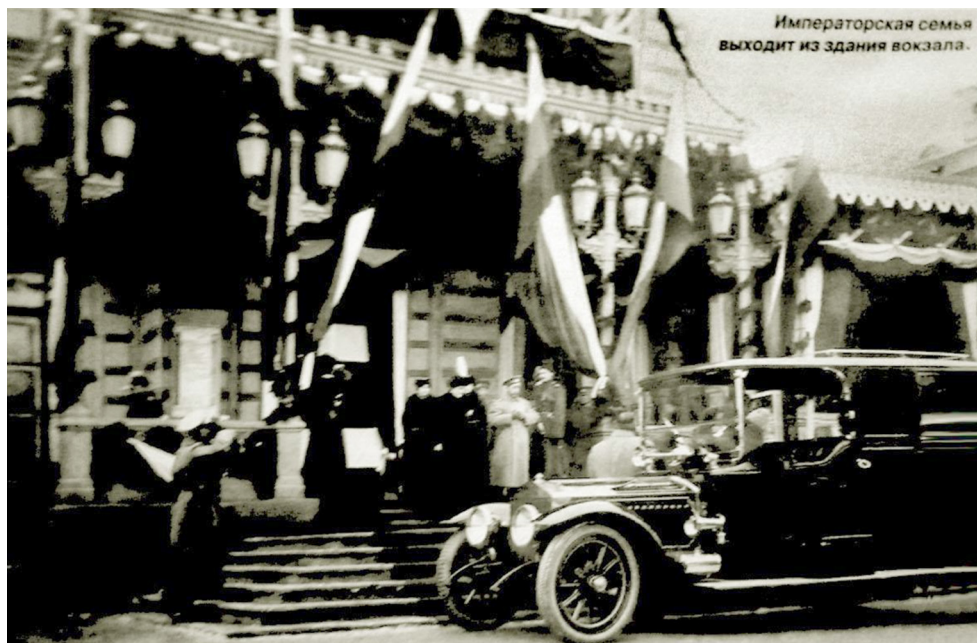

Фото: «Императорская семья выходит из здания вокзала» (1914)¹¹

Период службы М. Д. Ершова – последнего воронежского губернатора – пришёлся на время Первой мировой войны и надвигающихся революционных событий. 2 марта 1917 года в его обращении к жителям губернии говорилось: «Доходят разные сведения о необычных происшествиях в столицах. Каковы бы ни были события и сколько бы ни были различны мнения о них, пред всеми нами стоит одна великая задача, нас всех одушевляет одно желание, чтобы Россия благополучно пережила ниспосланные ей Богом испытания. Обращаюсь ко всему населению Воронежской губернии с настойчивым призывом: пусть все, не смуща-

⁹ См.: *Стародубцев Г. В.* В Воронеже открыли мемориальную доску в честь визита Николая II (Памятная табличка появилась на здании бывшей Мариинской гимназии). URL: <https://vestivrn.ru/news/2019/12/19/v-voronezhe-otkryli-memorialnuyu-dosku-v-chest-vizita-nikolaya-ii> (дата обращения: 26.05.2022 г.).

¹⁰ См. об этом: *Комолов Н.* Штрихи ушедшей эпохи // Воронежский телеграф. № 154. С. 20. URL: <https://bvf.ru/forum/showthread.php?t=699710&page=3> (дата обращения: 03.07.2022 г.).

¹¹ См.: Фото размещены на сайте: Большой Воронежский форум. URL: <https://bvf.ru/forum/showthread.php?t=699710&page=3> (дата обращения: 03.07.2022 г.).

ясь никакими известиями, продолжают делать вверенное каждому дело, соблюдая строго спокойствие и порядок»¹².

Ниже представлен краткий обзор содержания обязательных постановлений, принятых губернаторами С. И. Голиковым, Г. Б. Петкевичем и М. Д. Ершовым и опубликованных позднее в «Памятных книжках» с 1913 по 1916 год. Некоторые предписания обязательных постановлений будут приведены в качестве конкретных примеров.

В «Памятной книжке» на 1913 год были опубликованы обязательные постановления губернатора от 10 апреля 1912 года: об обеспечении нормального отдыха служащих в торговых заведениях, складах и конторах г. Воронежа; о мерах предупреждения и прекращения сибирской язвы на домашних животных в Воронежской губернии; о порядке содержания лодок, сдаваемых для катания по реке Воронежу и для перевоза с одного берега на другой.

**О порядкѣ содержанія лодонъ, сдаваемыхъ для катанія по рѣкѣ
Воронежу и для перевоза съ одного берега на другой.**

§ 1. Лицо, занимающееся на берегу рѣки Воронежа въ предѣлахъ городской черты, какъ промысловъ, отдачею принадлежащихъ ему лодокъ желающимъ для катанія на рѣкѣ Воронежѣ и перевозомъ публики съ одного берега на другой, обязано ежегодно не позже 1 апрѣля письменно заявить о томъ городской управѣ съ указаніемъ числа принадлежащихъ ему лодокъ, предназначенныхъ для указанной цѣли, и о мѣстѣ нахождения этихъ лодокъ на берегу рѣки.

В частности, для предупреждения сибирской язвы на домашних животных кроме прививки были введены «в неблагополучном пункте, под наблюдением врача и его указаниями, следующие меры: а) пастбища и водопой при наличии возможности к тому перемещаются; б) благополучные стада и отары отделяются от неблагополучных»; болезнь считалась, по заключению ветеринарного врача, прекратившеюся и ограничительные меры отменялись, «если со дня последнего случая падежа или выздоровления, заболеваний не было в течение 14 дней».

В «Памятной книжке» на 1914 год были опубликованы обязательные постановления: о мерах ограждения от собак и борьбы с бешенством как этих, так и других животных в городе Воронеже; для жителей города Воронежа и всех городов и селений Воронежской губернии, изданное на основании 15 статьи Положения об усиленной охране в дополнение к обязательным постановлениям, изданным 13 сентября 1911 года и 7 марта

¹² См. подробнее: *Ефимов И. А.* Михаил Дмитриевич Ершов – последний дореволюционный воронежский губернатор (1862–1919) // Евразийский форум. 2016. № 1 (8). С. 25.

1912 года; о кожевенных и овчинных производствах в Воронежской губернии; о крахмальном и паточном производствах; об устройстве селений и мерах против пожаров в них, взамен существовавших до сего постановления.

В частности, правила об устройстве селений обязывали иметь в селениях «заранее назначенные усадебные места на случай выселения после пожаров, семейных разделов и т.п., за исключением селений, все домохозяева которых укрепили свои земли в личную собственность или перешли к подворному владению».

а) О мерах предосторожности от пожаровъ.

§ 2. На площадяхъ, улицахъ, переулкахъ и въ промежуткахъ, не подлежащихъ застройкѣ, воспрещается складываніе и храненіе сѣна, соломы, хвороста и другихъ горючихъ матеріаловъ.

§ 3. Разрѣшается обкладка на зимнее время жилыхъ и нежилыхъ построекъ соломою, навозомъ и т. п., но съ тѣмъ условіемъ, чтобы она производилась не ранѣе 15 октября и чтобы она удалялась къ 1 апрѣля.

§ 4. Склады дровъ и лѣсныхъ матеріаловъ для продажи, а также склады дегтя, смолы и другихъ легко воспламеняющихся матеріаловъ, должны быть удалены отъ соседнихъ построекъ не менѣе, какъ на 10 саж.; если же въ соседнія постройки, какъ свои, такъ и чужія, крыты прочно, то на 6 сажень.

В качестве противопожарной меры была закреплена обязательность во всех селениях с 1 апреля по 1 ноября осуществлять караул в ночное время, в необходимых случаях по распоряжению губернской управы должны быть учреждены и дневные караулы.

В «Памятной книжке» на 1915 год были опубликованы обязательные постановления, содержащие обязанности и запреты для граждан в сфере: учета населения; безопасности движения по улицам города Воронежа; внутреннего наблюдения в границах владений города Воронежа; наблюдения за типографиями, литографиями и т.п. заведениями в городе Воронеже; охраны имущества и личностей обывателей во всех местностях губернии; исполнения требований полиции, направленных к ограждению внешнего порядка; печати и распространения вредных слухов; сборов пожертвований; хранения оружия и торговли и др., а также устанавливающие ответственность за нарушения в этих вопросах.

VI. О сборищахъ и собраніяхъ.

Ст. 1. Воспрещается всякаго рода сходбища и собранія для совѣщаній и дѣйствій, противныхъ государственному порядку и общественному спокойствію, а также всякаго рода уличныя демонстраціи и манифестаціи.

В частности, был установлен запрет «всякого рода сходбищ и собраний для совещаний и действий, противных государственному порядку и общественному спокойствию, а также всякого рода уличных демонстраций и манифестаций»; было запрещено «подстрекательство и принуждение к стачкам и забастовкам рабочих и служащих», а также «пение революционных песен и подстрекательство ко всякого рода беспорядкам, клонящимся к нарушению государственного порядка и общественного спокойствия».

В «Памятной книжке» на 1916 год были опубликованы обязательные постановления, содержащие обязанности и запреты для граждан, в условиях военного времени; о борьбе со злоупотреблениями против трезвости; о содержании сточных труб, канав и естественных протоков, пролегающих через владения, принадлежащие частным лицам, учреждениям и ведомствам в городе Воронеже; о мерах предупреждения и прекращения ящура в Воронежской губернии; о мерах для предупреждения и борьбы с холерой.

В частности, в условиях войны был установлен запрет на «разговоры на немецком языке на улицах, во всех публичных местах, правительственных и общественных учреждениях, торговых и промышленных заведениях и предприятиях, а также по телефону».

1) Воспрещаются разговоры на нѣмецкомъ языкѣ на улицахъ, во всехъ публичныхъ мѣстахъ, правительственныхъ и общественныхъ учрежденияхъ, торговыхъ и промышленныхъ заведеніяхъ и предприятияхъ, а также по телефону.

2) Воспрещается подписывать на нѣмецкомъ языкѣ бумаги, подаваемые въ правительственныя и общественныя учреждения и должностнымъ лицамъ, а равно приговоры и постановления, составляемые въ волостныхъ и сельскихъ правленіяхъ нѣмцами-колонистами по общественнымъ дѣламъ.

В связи с нехваткой металлов и возникшего из-за этого дефицита разменных монет было запрещено «скупать разменную монету и накапливать её в количествах, превышающем действительную потребность», а также «вывозить из пределов Воронежской губернии».

Как видно из названий разделов обязательных постановлений, изданных Губернаторами Воронежской губернии, опубликованных в «Памятных книжках» в 1913–1916 годы, эти правовые акты регулировали продовольственные и топливные, социальные и трудовые вопросы, содержали меры по реализации так называемого «сухого закона», обеспечению общественного порядка, а также противоэпидемические меры, направленные на предотвращение и прекращение заболевания холерой, ящуром, сибирской язвой в Воронежской губернии. Соблюдение особых постановлений губернатора было обязательно для всех находящихся в той местности, для которой эти постановления были приняты.

Библиографический список

Алленова В. А. Романовские торжества 1913 г. в Воронежской губернии / В. А. Алленова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. – 2014. – № 3. – С. 5–13.

Воронежские губернаторы и вице-губернаторы. 1710–1917 : историко-биографические очерки / ред.-сост. А. Н. Акиншин. – Воронеж : Центр духовного возрождения Черноземного края, 2015. – 424 с.

Градовский А. Д. Начала русского государственного права / А. Д. Градовский. – Санкт-Петербург, 1883. – Т. III. – 384 с.

Ефимов И. А. Михаил Дмитриевич Ершов – последний дореволюционный воронежский губернатор (1862–1919) / И. А. Ефимов // Евразийский форум. – 2016. – № 1 (8). – С. 23–25.

Заяц Н. А. Деятельность воронежских губернаторов в годы первой мировой войны / Н. А. Заяц // Вестник КГУ им Н. А. Некрасова. – 2016. – № 5. – С. 32–36.

Комолов Н. Штрихи ушедшей эпохи / Н. Комолов // Воронежский телеграф. – № 154. – С. 20. – URL: <https://bvf.ru/forum/showthread.php?t=699710&page=3> (дата обращения: 03.07.2022 г.).

Стародубцев Г. В. В Воронеже открыли мемориальную доску в честь визита Николая II (Памятная табличка появилась на здании бывшей Мариинской гимназии) / Г. В. Стародубцев. – URL: <https://vestivrn.ru/news/2019/12/19/v-voronezhe-otkryli-memorialnuyu-dosku-v-chest-vizita-nikolaya-ii> (дата обращения: 26.05.2022 г.).

References

Allenova V. A. The celebration of Romanov dynasty in 1913 in Voronezh province / V. A. Allenova // Proceedings of Voronezh State University. Series: History. Political science. Sociology. – 2014. – N. 3. – Pp. 5–13.

Efimov I. A. Mikhail Dmitrievich Ershov – the last pre-revolutionary Voronezh governor (1862–1919) / I. A. Efimov // Eurasian forum. – 2016. – N. 1 (8). – Pp. 23–25.

Gradovsky A. D. The beginning of Russian state law / A. D. Gradovsky. – Saint-Petersburg, 1883. – Vol. 3. – 384 p.

Komolov N. The strokes of the bygone era / N. Komolov // Voronezh Telegraph. – N. 154. – P. 20. – URL: <https://bvf.ru/forum/showthread.php?t=699710&page=3> (date of access: 03.07.2022).

Starodubtsev G. The memorial plaque was unveiled in honour of the visit of Nicholas II in Voronezh (the commemorative plaque appeared on the building of the former Mariinsky gymnasium) / G. Strodubtsev. – URL: <https://vestivrn.ru/news/2019/12/19/v-voronezhe-otkryli-memorialnuyu-dosku-v-chest-vizita-nikolaya-ii> (date of access: 26.05.2022).

Voronezh governors and vice-governors. 1710–1917 : historical and biographical essays / ed. and comp. A. N. Akinshin. – Voronezh : Tzentr duhovnogo vozrozhdeniya Chernozemnogo kraja, 2015. – 424 p.

Zayatz N. A. The activity of Voronezh governors' in the period of World War I / N. A. Zayatz // Proceedings of KGU named after N. A. Nekrasov. – 2016. – N. 5. – Pp. 32–36.

Для цитирования:

Сазонникова Е. В. Обязательные постановления Губернатора Воронежской губернии, опубликованные в «Памятных книжках Воронежской губернии» (1913–1916) // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2023. № 1 (2). С. 51–60.

Recommended citation:

Sazonnikova E. V. Mandatory resolutions of the Governor of the Voronezh Province published in the “Commemorative Books of the Voronezh Province” (1913–1916) // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2023. N. 1 (2). Pp. 51–60.

Сведения об авторе

Сазонникова Елена Викторовна – профессор кафедры конституционного и муниципального права Воронежского государственного университета, доктор юридических наук, доцент

E-mail: sazon75@mail.ru

Information about author

Sazonnikova Elena Victorovna – Full Professor of the Constitutional and Municipal Law of Voronezh State University, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

E-mail: sazon75@mail.ru

ЦИРКУЛЯРЫ МВД РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ПО ДЕЛАМ ПОЛИЦЕЙСКОЙ СТРАЖИ КАК ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫЕ АКТЫ

К. А. Ситников

Воронежский институт МВД России

Поступила в редакцию 5 сентября 2022 г.

Аннотация: в статье анализируется ряд циркуляров МВД Российской империи по делам полицейской стражи. Автором обосновывается вывод о том, что часть из них представляет собой интерпретационные акты. Выделяются особенности указанной группы правовых документов.

Ключевые слова: полицейская стража, уездная полиция, правовые основы, циркуляр, нормативный правовой акт, интерпретационный акт, толкование права.

CIRCULARS OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF THE RUSSIAN EMPIRE ON POLICE GUARD AFFAIRS AS INTERPRETATIVE ACTS

K. A. Sitnikov

Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia

Abstract: the article analyzes a number of circulars of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire on the affairs of the police guard. The author substantiates the conclusion that some of these circulars are interpretative acts. The features of the selected group of legal documents are highlighted.

Key words: police guard, district police, legal basis, circular, regulatory legal act, interpretative act, interpretation of law.

Правовая регламентация функционирования органов государственной власти дореволюционного периода отличалась отсутствием системности построения нормативного материала, на что неоднократно указывали отечественные ученые¹. В ходе отправления своих не-

¹ Абесалашвили М. З., Багова И. Р. Гражданско-правовые институты Российской империи в XVII–XIX вв. // *Фундаментальная наука и технологии – перспективные разработки : материалы XVII международной научно-практической конференции*, North Charleston, USA, 26–27 ноября 2018 года. North Charleston, USA : Lulu Press, 2018; Богдан В. В. Становление дореволюционного российского законодательства о защите прав покупателей // *NB : историко-правовые исследования*. – М.: Юридический институт «Юридический центр имени проф. Н. С. Мухоморова», 2023. – С. 10–15.

посредственных обязанностей полицейская стража² руководствовалась целым рядом законов и уставов. Так, один из директоров Департамента полиции МВД Российской империи А. А. Лопухин указывал, что «случайность их³ издания и беспорядочность кодификации привели к тому, что... даже» столичным должностным лицам не всегда представлялось возможным определить, в чьей компетенции находился тот или иной вопрос⁴.

На основании Высочайше утвержденного мнения Государственного Совета от 5 мая 1903 года «Об учреждении в 46 губерниях Европейской России полицейской стражи» для «охранения благополучия, общего спокойствия и порядка в местностях, подведомственных уездной полиции» в Российской империи была создана полицейская стража⁵. Данный нормативный правовой акт закреплял правовой статус, общую структуру, основы комплектования и организации нового правоохранительного института, а также источник его финансирования⁶ и т.д.

Многие из принятых на законодательном уровне положений находили свое дальнейшее отражение в приказах, инструкциях и циркулярах Министерства внутренних дел.

Наиболее активно издавалась последняя из перечисленных форм правовых предписаний. С 1873 года Государственным советом было предоставлено официальное право министрам издавать циркуляры. Вместе с тем, как отмечает И. В. Михеева, свое распространение они нашли зна-

рические исследования. 2014. № 4; *Кодан С. В.* Совершенствование законодательства в юридической политике Российского государства в первой половине XIX века : стратегические направления и общие результаты // *Юридическая техника.* 2015. № 9; *Нахимов А. П., Кирнос А. В., Колесников В. А.* Профессиональная подготовка нижних чинов уездной полиции в Российской империи в конце XIX – начале XX века : монография. Воронеж, 2018; *Ситников К. А.* Социально-правовой анализ оснований увольнения нижних чинов уездной полиции Воронежской губернии // *Вестник Воронежского института МВД России.* 2022. № 2.

² Полицейская стража – учрежденный в указанных целях в 1903 году институт уездной полиции, состоявший из урядников и стражников. С передачей в 1906 году чинам Отдельного корпуса жандармов полномочий по заведованию строевой частью полицейская стража стала полувоенной-полуполицейской. См.: *Невский С. А.* Правовое положение и организационное построение уездной полицейской стражи в Российской империи // *Российская полиция : три века служения Отечеству : сборник статей Юбилейной международной научной конференции, Москва, 21 декабря 2008 г. : в 2 ч. / под ред. В. Л. Кубышко.* М., 2019.

³ Нормативных правовых и распорядительных актов.

⁴ *Лопухин А. А.* Настоящее и будущее русской полиции. М., 1907. С. 9.

⁵ Об учреждении в 46 губерниях Европейской России полицейской стражи : Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 5 мая 1903 года // *ПСЗРИ. Собр. 3-е.* Т. 23. Ч. 1. № 22906; *Невский С. А., Сычев Е. А., Можав С. Ю.* Уездная полицейская стража в России в начале XX в. // *Историческая и социально-образовательная мысль.* 2014. № 4.

⁶ См.: *Сидоркин Ю. В.* Образование уездной полицейской стражи и ее реорганизация после русской революции 1905–1907 гг. // *Вестник Московского университета МВД России.* 2021. № 3.

чительно раньше, представляясь «основной формой документов», позволявших осуществлять руководство вверенным направлением⁷.

Также наряду с циркулярами нормативного содержания могли издаваться и циркулярные распоряжения. Часть же подобных документов была направлена и на разъяснение правовых предписаний, т.е. выполняла интерпретационную функцию.

Анализ таких актов, связанных с деятельностью полицейской стражи, позволяет прийти к выводу о том, что немалая их часть представляла собой результат толкования норм законодательства. Объясняется это тем, что п. 3 ст. 211 Общего учреждения министерств наделял их глав полномочием по разрешению «затруднений», встречающихся при исполнении законов⁸.

Ярким примером является Циркуляр МВД по делам полицейской стражи от 10 января 1907 г. № 3 (рис. 1), разъяснявший, что офицеры полицейской стражи не могли именоваться помощниками губернского инспектора полицейской стражи, поскольку это звание «присвоено согласно ст. 2 от. 1 Закона 18 февраля 1906 года⁹» лишь офицерам региональных жандармских управлений¹⁰.

Аналогичными документами, на наш взгляд, можно признать циркуляры МВД по делам полицейской стражи от 17 мая 1906 года № 18 «О порядке расходования квартирных денег при казарменном расположении», от 8 июля 1906 года № 39 «О праве и порядке пользования медицинской помощью чинов полицейской стражи», от 26 октября 1906 года № 65 «О сроках службы и ремонтах шашек, состоящих на вооружении у чинов полицейской стражи», от 2 декабря 1906 года № 72 «О денежных вычетах из содержания чинов полицейской стражи» и т.д.

Дореволюционный юрист Е. В. Васильковский определял рассматриваемое явление как один из четырех видов легального толкования, «образовавшийся» постановлениями, распоряжениями и циркулярами высших органов «административной власти», которым «закон предоставил право разъяснять закон»¹¹. На современном этапе развития отечествен-

⁷ См.: *Михеева И. В.* Нормативно-правовые акты министерств Российской империи // Историко-правовые проблемы : новый ракурс. 2011. № 4-2.

⁸ Манифест 25 июня 1811 г. об «Общем учреждении министерств» // ПСЗРИ. Собр. 1-е. Т. 31. № 24.686.

⁹ В данном случае имеется в виду Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «О возложении заведывания строевой частью полицейской стражи на чинов Отдельного корпуса жандармов и об учреждении должностей офицеров означенной стражи». См.: Российский государственный исторический архив. Ф. 1149. Оп. 13. 1906. Д. 10.

¹⁰ Государственный архив Воронежской области (далее – ГАВО). Ф. И-1. Оп. 2. Д. 201. Л. 192.

¹¹ *Васьковский Е. В.* Руководство к толкованию и применению законов : для начинающих юристов. М. : Бр. Башмаковы, 1913. С. 35.

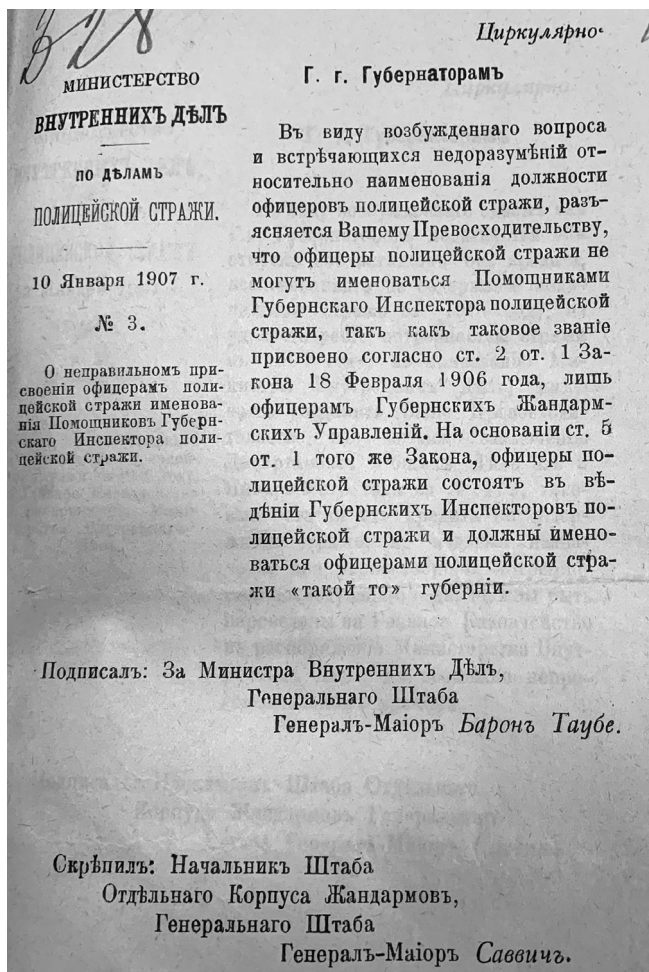

Рис. 1. Циркуляр МВД по делам полицейской стражи от 10 января 1907 года № 3

ной юридической науки данный вид толкования признается в качестве «легальной» или «делегированной» разновидности «официального»¹². Также можно встретить его определение как «легального», включаемого в «нормативное» толкование¹³.

Поскольку, как мы уже отмечали ранее, МВД Российской империи могло выполнять и нормотворческие функции, неудивительно, что в определенных случаях приходилось интерпретировать положения актов самого ведомства.

¹² См., напр.: Теория государства и права : учебник / колл. авторов ; отв. ред. А. В. Малько. М., 2008. С. 212–215; Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права : учебник. 4-е изд., испр. и доп. М., 2016. С. 343–345.

¹³ Юридическая техника : курс лекций / под ред. В. М. Баранова, В. А. Толстика. М., 2012. С. 363.

Например, «в разъяснение п. 3 циркуляра по делам полицейской стражи» от 14 апреля 1907 года № 15 в последовавшем 19 июля циркуляре № 19 (рис. 2) сообщалась, что маршрут объездов стражниками вверенной территории должен был составляться не в виде постоянного расписания, а на определенный срок. Объяснялась и цель таких мероприятий, обусловившая вышеуказанное обстоятельство, – «периодическое освещение местности и наблюдение за настроением населения». Регулярное получение сведений об этом требовалось в соответствии с текущей криминогенной и социально-политической обстановкой¹⁴. Аналогичным с этой точки зрения представляется и циркуляр МВД по делам полицейской стражи от 26 января 1907 года, в котором разъяснялись положения документа, принятого Министерством месяцем ранее. На наш взгляд,

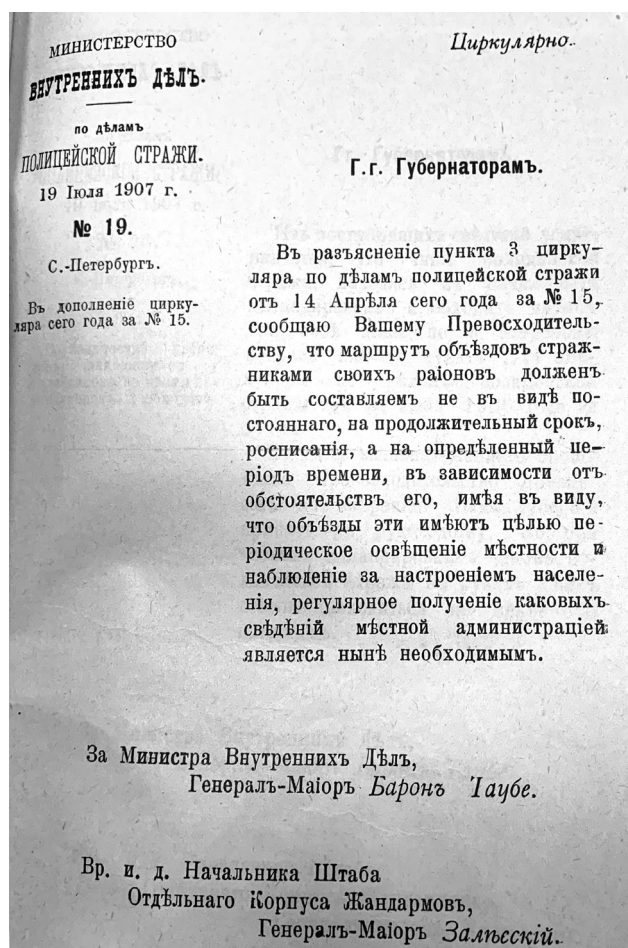

Рис. 2. Циркуляр МВД по делам полицейской стражи от 19 июля 1907 года № 19

¹⁴ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 201. Л. 208.

подобное толкование ввиду совпадения субъекта нормотворчества и интерпретации можно признать аутентичным.

Исследование перечисленных циркуляров МВД Российской империи позволяет прийти к выводу о том, что все они, обладая общими признаками юридических документов, представляют собой интерпретационные акты, отличаясь следующим:

- государственной обязательностью;
- аналогичностью по своей форме основным правовым актам (иным циркулярам);
- иерархичностью;
- не устанавливают новые нормы права (а также не отменяют и не изменяют их);
- разъясняют, уточняют предписания ранее изданных ведомственных актов или законов;
- могут применяться только в совокупности с интерпретируемыми предписаниями (не имеют без них юридической силы и практического значения для организации и функционирования стражи)¹⁵.

Исследование данных циркуляров с точки зрения юридической техники также позволяет выделить их некоторые дополнительные особенности.

В документах не указывался нормативный правовой акт, уполномочивший субъект давать официальное толкование норм. Вместе с тем, по мнению современных ученых, данный элемент представляет собой неотъемлемую часть вводного блока¹⁶.

В случаях, когда интерпретируемый документ не указывался в описательной части акта, он мог быть размещен в завершении в виде «справки» (рис. 3).

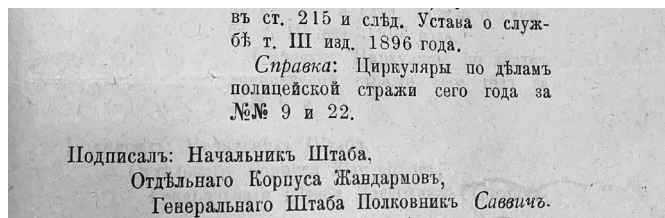

Рис. 3. Выдержка из циркуляра МВД по делам полицейской стражи от 30 июня 1906 года № 57

Значительная часть циркуляров МВД по делам полицейской стражи интерпретационного характера была издана по результатам запросов из регионов, что находило свое отражение в самих актах.

¹⁵ Кашанина Т. В. Юридическая техника : учебник. М., 2011. С. 396–397; Мирошников Е. Г. Официальное толкование права и его значение в деятельности органов внутренних дел : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. С. 90–92; Юридическая техника : курс лекций. С. 371.

¹⁶ Юридическая техника: курс лекций. С. 374.

Процедура направления подобных обращений имела свое нормативное закрепление на ведомственном уровне. Так, согласно циркуляру штаба Отдельного корпуса жандармов от 14 апреля 1906 года № 5 (рис. 4) делопроизводство по делам полицейской стражи по распоряжению министра внутренних дел было сосредоточено в указанном штабе¹⁷.

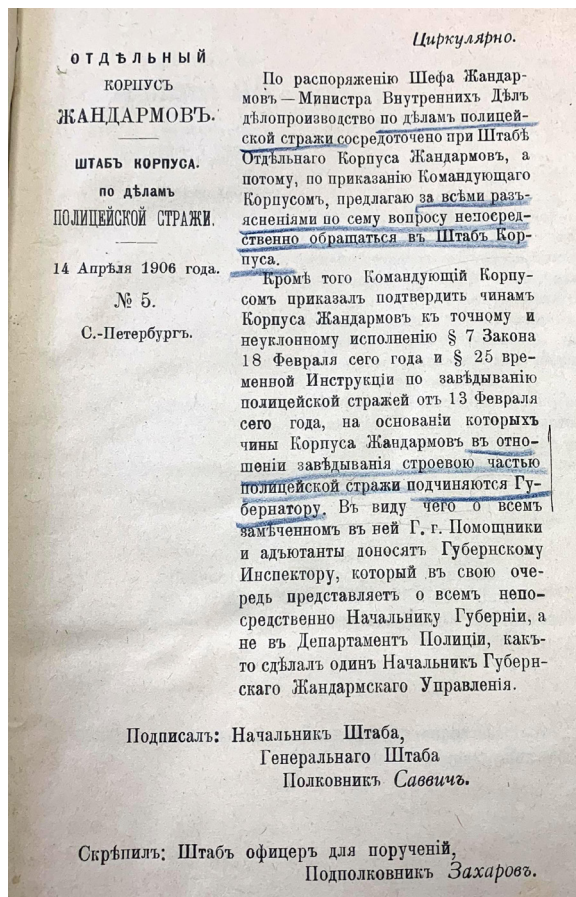

Рис. 4. Циркуляр МВД по делам полицейской стражи от 14 апреля 1906 года № 5

В связи с этим все вопросы в рассматриваемой сфере, возникавшие у чинов региональных жандармских управлений, должны были направляться через губернского инспектора полицейской стражи¹⁸ местному гу-

¹⁷ По инспекторской, строевой и хозяйственной части Отдельный корпус жандармов входил в систему Военного министерства, по надзорной части, организации и ведению политического розыска, проведению дознаний и другим вопросам подчинялся Департаменту полиции Министерства внутренних дел. См.: Отдельный корпус жандармов // Памяти героев Великой войны 1914–1918 годов [Электронный ресурс]. URL : <https://gwar.mil.ru/informations/army/otdelnyy-korpus-zhandarmov/> (дата обращения: 29.06.2022 г.).

¹⁸ Он же – начальник губернского жандармского управления.

бернатору. Последний в случае необходимости мог обратиться за разъяснениями в столицу¹⁹.

Некоторые из циркуляров интерпретационного характера явились результатом сношений с иными органами власти. Ввиду особенностей организационного построения стражи²⁰ и специфики законодательства исследуемого периода с целью обеспечения верного толкования некоторых норм законодательства приходилось обращаться к органам и их подразделениям с соответствующей компетенцией.

Так, для решения вопроса о правильности призыва казаков, состоящих на службе в полицейской страже, при мобилизации войсковых частей представители Департамента полиции вступали в переписку с Главным управлением казачьих войск. Результатом этой деятельности стал циркуляр МВД по делам полицейской стражи от 13 марта 1907 года № 10 (рис. 5)²¹.

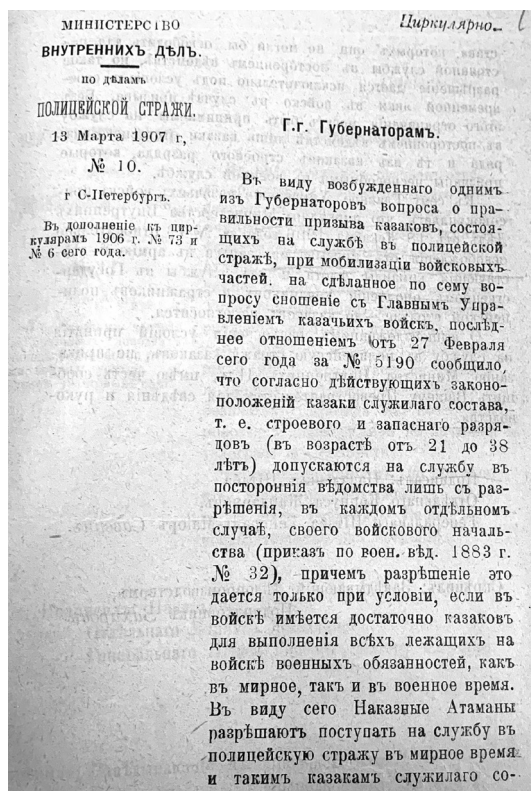

Рис. 5. Выдержка из циркуляра МВД по делам полицейской стражи от 18 марта 1907 года № 10

¹⁹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 201. Л. 9.

²⁰ Ситников К. А. Совершенствование организационных форм обучения нижних чинов уездной полиции в Воронежской губернии : учреждение учебной команды-школы // Вестник Воронежского института МВД России. 2020. № 4. С. 16–24.

²¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 201. Л. 197.

Таким образом, среди циркуляров МВД Российской империи по делам полицейской стражи можно выделить группу интерпретационных актов, явившихся результатом аутентичного или легального (делегированного) толкования правовых норм. Их подготовка и издание создавали условия для более эффективного и однообразного применения норм, касающихся деятельности нижних чинов уездной полиции в условиях общей бессистемности нормативного материала в государстве.

Библиографический список

Абесалашвили М. З. Гражданско-правовые институты Российской империи в XVII–XIX вв. / М. З. Абесалашвили, И. Р. Багова // *Фундаментальная наука и технологии – перспективные разработки : материалы XVII международной научно-практической конференции, North Charleston, USA, 26–27 ноября 2018 года.* – North Charleston, USA : Lulu Press, 2018. – С. 137–141.

Богдан В. В. Становление дореволюционного российского законодательства о защите прав покупателей / В. В. Богдан // *Исторические исследования.* – 2014. – № 4. – С. 22–31.

Васьковский Е. В. Руководство к толкованию и применению законов : для начинающих юристов / Е. В. Васьковский. – Москва : Бр. Башмаковы, 1913. – 152 с.

Кашанина Т. В. Юридическая техника : учебник / Т. В. Кашанина. – Москва : Норма, 2011. – 496 с.

Кодан С. В. Совершенствование законодательства в юридической политике Российского государства в первой половине XIX века : стратегические направления и общие результаты / С. В. Кодан // *Юридическая техника.* – 2015. – № 9. – С. 317–326.

Лопухин А. А. Настоящее и будущее русской полиции / А. А. Лопухин. – Москва : В. М. Саблин, 1907. – 67 с.

Мирошников Е. Г. Официальное толкование права и его значение в деятельности органов внутренних дел : дис. ... канд. юрид. наук / Е. Г. Мирошников. – М., 2000. – 211 с.

Михеева И. В. Нормативно-правовые акты министерств Российской империи / И. В. Михеева // *Историко-правовые проблемы : новый ракурс.* – 2011. – № 4-2. – С. 207–217.

Нахимов А. П. Профессиональная подготовка нижних чинов уездной полиции в Российской империи в конце XIX – начале XX века : монография / А. П. Нахимов, А. В. Кирнос, В. А. Колесников. – Воронеж, 2018. – 685 с.

Невский С. А. Правовое положение и организационное построение уездной полицейской стражи в Российской империи / С. А. Невский // *Российская полиция : три века служения Отечеству : сборник статей Юбилейной международной научной конференции, Москва, 21 декабря 2018 года : в 2 ч. / под ред. В. Л. Кубышко.* – Москва : Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2019. – С. 199–212.

Невский С. А. Уездная полицейская стража в России в начале XX в. / С. А. Невский, Е. А. Сычев, С. Ю. Можяев // *Историческая и социально-образовательная мысль.* – 2014. – № 4. – С. 342–346.

Сидоркин Ю. В. Образование уездной полицейской стражи и ее реорганизация после русской революции 1905–1907 гг. / Ю. В. Сидоркин // Вестник Московского университета МВД России. – 2021. – № 3. – С. 47–53.

Ситников К. А. Совершенствование организационных форм обучения нижних чинов уездной полиции в Воронежской губернии : учреждение учебной команды-школы / К. А. Ситников // Вестник Воронежского института МВД России. – 2020. – № 4. – С. 16–24.

Ситников К. А. Социально-правовой анализ оснований увольнения нижних чинов уездной полиции Воронежской губернии / К. А. Ситников // Вестник Воронежского института МВД России. – 2022. – № 2. – С. 9–17.

Юридическая техника : курс лекций / под ред. В. М. Баранова, В. А. Толстика. – Москва : ДГСК МВД России, 2012. – 384 с.

References

Abesalashvily M. Z. Civil law institutes in Russian Empire in 17–19th century / M. Z. Abesalashvily, I. R. Bagova // Fundamental law and technologies – perspective developments : materials of the 17th international scientific and practical conference, North Charleston, USA, 26–27th of November 2018. – North Charleston, USA : Lulu Press, 2018. – Pp. 137–141.

Bogdan V. V. The becoming of pre-revolutionary Russian buyer-protection law / V. V. Bogdan // NB : Historical studies. – 2014. – N. 4. – Pp. 22–31.

Juridical techniques : the course of lectures / ed. by V. M. Baranov, V. A. Tolstik. – Moscow : DGSK of the Ministry of the Interior of Russia, 2012. – 384 p.

Kashanina T. V. Juridical techniques : textbook / T. V. Kashanina. – Moscow : Norma, 2011. – 496 p.

Kodan S. V. Improvement of law in juridical politics of Russian state in the 1st part of the 19th century : the strategic directions and main results / S. V. Kodan // Juridical techniques. – 2015. – N. 9. – Pp. 317–326.

Lopukhin A. A. The present and past of Russian police / A. A. Lopukhin. – Moscow : V. M. Sablin, 1907. – 67 p.

Mikheeva I. V. Normative legal acts of the ministries of the Russian Empire / E. G. Miroshnikov // Historical and legal problems : the new angle. – 2011. – N. 4-2. – Pp. 207–217.

Miroshnikov E. G. The official interpretation of law and its value in the practice of the internal affairs bodies : cand. diss. / E. G. Miroshnikov. – Moscow, 2000. – 211 p.

Nakhimov A. P. Professional training of the lower ranks of the county police in the Russian Empire in the end of the 19th – the beginning of the 20th century : monograph / A. P. Nakhimov, A. V. Kirnos, V. A. Kolesnikov. – Voronezh, 2018. – 685 p.

Nevskiy S. A. The county police in Russia at the beginning of the 20th century / S. A. Nevskiy, E. A. Sychev, S. Yu. Mozhaev // Historical and social educational thought. – 2014. – N. 4. – Pp. 342–346.

Nevskiy S. A. The legal status and the organizational structure of the county police in the Russian Empire / S. A. Nevskiy // Russian police : three centuries of service to the Fatherland : the compilation of issues of the Anniversary international conference, Moscow, December 21, 2018 : in 2 vol. / ed. by V. L. Kubishko. – Moscow : Academy of the Department of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation, 2019. – Pp. 199–212.

Sidorkin Yu. V. The formation of the county police and its reorganization after Russian revolution of 1905–1907 / Yu. V. Sidorkin // Proceedings of Moscow State University of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation. – 2021. – N. 3. – Pp. 47–53.

Sitnikov K. A. The improvement of the organizational forms of education of the lower ranks of the county police in Voronezh province: the formation of the training team-school / K. A. Sitnikov // Proceedings of Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia. – 2020. – N. 4. – Pp. 16–24.

Sitnikov K. A. Social and legal analysis of the reasons of dismissal of the lower ranks of the county police in Voronezh province / K. A. Sitnikov // Proceedings of Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia. – 2022. – N. 2. – Pp. 9–17.

Vaskovskiy E. V. Guide to interpretation and application of laws : for beginning lawyers / E. V. Vaskovskiy. – Moscow : Bashmakov brothers, 1913. – 152 p.

Для цитирования:

Ситников К. А. Циркуляры МВД Российской империи по делам полицейской стражи как интерпретационные акты // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2023. № 1. С. 61–71.

Recommended citation:

Sitnikov K. A. Circulars of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire on Police guard affairs as interpretative acts // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2023. N. 1 (2). Pp. 61–71.

Сведения об авторе

Ситников Кирилл Алексеевич – преподаватель кафедры теории и истории государства и права Воронежского института МВД России
E-mail: kirillsa@mail.ru

Information about author

Sitnikov Kirill Alekseyevich – Lecturer of the Department of the Theory and History of State and Law Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia
E-mail: kirillsa@mail.ru

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ОТРАСЛЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Материалы

Всероссийской научно-практической конференции
«Научное наследие профессора
Ивана Александровича Галагана»

УДК 342.9

ВЗГЛЯДЫ И. А. ГАЛАГАНА НА АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРИНУЖДЕНИЕ И АДМИНИСТРАТИВНУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ: СОВРЕМЕННОЕ ПОНИМАНИЕ

С. А. Агамагомедова

ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет»

Поступила в редакцию 20 апреля 2022 г.

Аннотация: в статье рассматриваются положения научных работ профессора И. А. Галагана, дается оценка его вклада в развитие науки административного права. Выделены основные аспекты исследования ученым институтов административного принуждения и административной ответственности, оказавшие существенное влияние на развитие ряда административно-правовых концепций советского и последующих периодов, в частности, теории административно-деликтного права. Сделан вывод об актуальности и востребованности учета, использования выводов ученого в современных условиях развития административного законодательства и административно-правовой науки.

Ключевые слова: И. А. Галаган, административное принуждение, административная ответственность, административный процесс, административное правонарушение, позитивная ответственность.

© Агамагомедова С. А., 2023

THE VIEWS VIEWS OF I. A. GALAGAN ON ADMINISTRATIVE COERCION AND ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY: MODERN UNDERSTANDING

S. A. Agamamedova

Penza State University

Abstract: the article deals with the provisions of the scientific works of Professor I. A. Galagan, an assessment of his contribution to the development of the science of administrative law is given. The main aspects of the study by the scientist of the institutions of administrative coercion and administrative responsibility are highlighted, which had a significant impact on the development of a number of administrative and legal concepts of the Soviet and subsequent periods, in particular, the theory of administrative and tort law. The conclusion is made about the relevance and relevance of accounting, the use of the findings of the scientist in modern conditions of development of administrative legislation and administrative-legal science.

Keywords: I. A. Galagan, administrative coercion, administrative responsibility, administrative process, administrative offense, positive responsibility.

Исследование вопросов государственного управления закономерно включает в себя блок, связанный с государственным принуждением, мерами публичной власти по отношению к лицам, нарушившим установленные правила и требования. В определенные исторические периоды государственно-правового развития этот блок различается по объему, содержанию, степени и уровню (качеству) нормативно-правовой регуляции, а также позиционированию в научном пространстве. Последнее включает в себя не просто признание учеными (прежде всего, учеными в области государственного управления, административного права и процесса) необходимости административного принуждения как неотъемлемого атрибута государственно-правового механизма, но и обоснование его места и роли в соответствующей модели государственного управления, соотношения с иными управленческими функциями государства, оценку административно-процессуальной обеспеченности административного принуждения, возможности с помощью его средств полноценно обеспечивать защиту прав и законных интересов граждан и организаций во взаимодействии с публичной властью. Существенный вклад в разработку этих и других аспектов теории административного принуждения и административной ответственности внес И. А. Галаган.

Вопросы административного принуждения и административной ответственности как составляющей принуждения практически всегда вызвали живую научную дискуссию. Споры о сущности государственно-

го принуждения были присущи научным исследованиям как периода советского государственно-правового строительства, так и в более поздние исторические периоды, отражавшие тенденции либерализации и демократизации системы государственного управления. Полемика по этому поводу была оправдана с точки зрения того, что по сути выявление правовой природы административного принуждения было призвано в конечном итоге определить и обосновать смысл, назначение и механизмы функционирования института государства как такового.

Институт административной ответственности активно исследовался в 1960–1970-е гг. в работах А. Е. Лунева, И. А. Галагана, Д. Н. Бахраха и других отечественных ученых-административистов.

Комплексное исследование административной ответственности впервые было проведено И. А. Галаганом в работе «Административная ответственность в СССР (государственное и материально-правовое исследование)». В ней ученый обосновывает роль административной ответственности в деятельности аппарата государственного управления, определяет место и роль административной ответственности в системе юридических гарантий защиты прав и свобод граждан, выделяет различия, соотношение и взаимозависимость административной и иных видов правовой ответственности¹.

Автор выделяет признаки административного принуждения, классифицирует их, соотносит меры административного принуждения с понятием санкции.

Эту работу ученого специалисты в области административного права более позднего периода закономерно относят к числу «новационных» исследований по актуальным проблемам развития в СССР административно-деликтной, юрисдикционной и административно-процессуальной сфер правового регулирования².

И. А. Галаган исследует категории административного принуждения и административной ответственности комплексно и системно, опираясь на теоретико-правовую базу исследований предшествующего периода.

В рассматриваемый период разработка вопросов административного принуждения осуществлялась исключительно в контексте института административно-правовой ответственности. Ученые того времени выделяли административное принуждение и административную ответственность в качестве самостоятельных административно-правовых институтов. В то же время была достаточно популярна концепция, согласно которой административное принуждение возможно лишь при наличии правонарушения. И. А. Галаган, Д. Н. Бахрах и ряд других ученых в

¹ См.: Галаган И. А. Административная ответственность в СССР (государственное и материально-правовое исследование). Воронеж, 1970.

² Кирин А. В. Теория административно-деликтного права : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2012. С. 4.

этих условиях обосновывают научную позицию, согласно которой принуждение может быть связано с правонарушением, а может быть реализовано и вне связи с ним. Речь идет о формировании и развитии широкого подхода к научной трактовке понятия административного принуждения, развернутых методов его содержательного структурирования.

А. П. Шергин справедливо отмечает тот факт, что И. А. Галаган исследует соотношение административной ответственности с понятиями юридической ответственности, государственного принуждения, материального и процессуального регулирования с позиций системного анализа. Это позволило ученому на основе теоретического обобщения уже имеющихся научных конструкций об административной ответственности перейти к дальнейшему их развитию, к анализу еще не исследованных, спорных и недостаточно разработанных вопросов, что в тот период было актуально и своевременно с учетом предстоящей кодификации административно-деликтных норм. Многие идеи И. А. Галагана нашли отражение в Основах законодательства Союза ССР и союзных республик об административных правонарушениях (1980 г.) и в Кодексе РСФСР об административных правонарушениях (1984 г.). Причем выдвинутое ученым четкое разграничение материально-правового и процессуального регулирования административной ответственности, его вывод об обособленности предмета регулирования материальных и процессуальных норм об административной ответственности были сформулированы задолго до первой кодификации административно-деликтных норм. В современных условиях дискуссии по вопросам совместной или отдельной кодификации этих норм в законодательстве об административной ответственности актуальность этих выводов налицо³.

На практическую значимость вклада научных идей И. А. Галагана об административной ответственности обращает внимание и Ю. Н. Стариков, подчеркивая тот факт, что они нашли выражение в нормах формирующегося в 80-е годы прошлого века советского законодательства об административных правонарушениях⁴.

Выдвинутая И. А. Галаганом формула «административная ответственность – правоотношение» позволила не просто углубить содержательную характеристику сущности данного вида ответственности, но и предоставить возможность решения сложных вопросов ее теоретического обоснования: ее динамики, юридических фактов, связи с охранительными правоотношениями, предметом регулирования административно-деликтных норм и др. Эти положения впоследствии стали теоретическим фундаментом теории административно-деликтных отноше-

³ Иван Александрович Галаган и его научное наследие / под ред. Ю. Н. Старикова. Воронеж, 2010. С. 13.

⁴ Там же. С. 68.

ний⁵. А. В. Кирин уже в начале XXI в. справедливо позиционирует административно-деликтное право как «выросшее» из советского института административной ответственности⁶.

Заслуга И. А. Галагана видится нам также в том, что ученый подчеркивает значимость процессуального обеспечения правоприменения в целом, и юрисдикции в частности. В середине 80-х гг. прошлого века он сетует на то, что в научной литературе до сих пор наблюдается односторонний подход к сущности правоприменения: оно почти всегда рассматривается лишь как материально-правовое явление (даже в юрисдикционной области). Между тем любая правоприменительная деятельность в сфере регулятивных или охранительных правоотношений – сложное материально-процессуальное образование, базирующееся на взаимодействии материальных и процессуальных норм и соответствующих им правоотношений⁷.

И. А. Галаган разрабатывал также теорию принципов юридической ответственности, выделяя среди них материально-правовые и процедурно-процессуальные⁸. По мнению ученого, несмотря на видовую и отраслевую разнородность правоприменительных производств, все они базируются на системно сходных материально-правовых и процедурных принципах⁹. Позднее идеи И. А. Галагана о принципах юридической ответственности «скрепляют» и «питают» новые теории, обосновывающие принципы административной ответственности, к примеру, положения А. С. Дугенеца о законности и индивидуализации ответственности как основных принципах административной ответственности и порядка ее применения¹⁰.

По словам Ю. Н. Старилова, И. А. Галаган разработал «концепцию административно-процессуальной теории»¹¹. Предложенные ученым концептуальные теоретические положения, выводы и постулаты обогащают «серебряный век» административной ответственности, выступают основанием «золотого века» административного процесса, вносят позитивный вклад в разрешение практически вечной проблемы содержания административного процесса¹².

Ученый видит в процедурно-процессуальных нормах, регламентирующих правоприменительную деятельность во всех без исключения от-

⁵ Иван Александрович Галаган и его научное наследие. С. 14.

⁶ Кирин А. В. Указ. соч. С. 2.

⁷ Галаган И. А., Василенко А. В. Проблемы теории правоприменения по советскому законодательству // Известия высших учебных заведений. Правоведение. Л., 1986. № 2. С. 57.

⁸ Иван Александрович Галаган и его научное наследие. С. 77.

⁹ Галаган И. А., Василенко А. В. Указ. соч. С. 58.

¹⁰ Дугенец А. С. Административная ответственность в российском праве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. С. 17.

¹¹ Иван Александрович Галаган и его научное наследие. С. 77.

¹² Там же. С. 25.

раслях советского права, неременный «элемент» ее законности, ее осуществления в соответствии с законом¹³.

Подобное абстрагирование от специфики отдельных отраслевых правоприменительных производств было присуще научной теории И. А. Галагана, что позволяло с успехом «примерить» ее к различным отраслевым институтам и процессам.

Эволюция доктринального обоснования института административного принуждения («двучленная», позже «трехчленная» классификация мер административного принуждения) отражала внимание научного сообщества к мерам (вариантам этих мер) управленческого воздействия на определенные сегменты общественных отношений. Так, выделение в системе мер административного принуждения группы предупредительных мер (М. И. Еропкин, Ю. М. Козлов, И. А. Галаган и др.) свидетельствовало, на наш взгляд, об определенном отходе от явно юрисдикционной (по сути карательной) направленности принуждения и отождествления его с мерами административной ответственности.

Другой тенденцией более позднего периода развития административно-правовой науки стал интерес к категории позитивной ответственности как противоположной традиционному пониманию административно-правовой ответственности. И. А. Галаган в связи с этим относился к ученым, разграничивающим юридическую и позитивную ответственность, но считал, что последняя не является подлинно правовой категорией¹⁴.

И. А. Галаган первым признает и обосновывает связь административно-охранительных отношений и административной ответственности, причем последняя позиционируется им в качестве определенной стадии этих отношений. Впоследствии учение об административной ответственности было обогащено В. А. Юсуповым в работе «Теория административного права»¹⁵, где автор использует категорию информационных связей для обоснования управленческих отношений.

В целом, следует признать вклад положений об административной ответственности и административном принуждении, разработанных И. А. Галаганом, в становлении целого ряда теоретико-доктринальных концепций административно-правовой направленности. По сути, автор одним из первых в отечественной административно-правовой науке заложил фундаментальные основы учения об административной деликтологии, которые получают дальнейшее обоснование лишь в современной российской административно-правовой науке. Концептуальная трансформация института административной ответственности в факти-

¹³ Галаган И. А., Василенко А. В. Указ. соч. С. 58.

¹⁴ Иван Александрович Галаган и его научное наследие. С. 77.

¹⁵ См.: Юсупов В. А. Теория административного права. М., 1985.

ческую подотрасль административного права, вобравшую в себя административно-деликтные институты, в начале 80-х гг. прошлого века явилась отражением этого вклада¹⁶.

Идеи И. А. Галагана не теряют своей актуальности, теоретико-доктринальной, практической востребованности и в наше время. Более того, многие его положения, тезисы, а также сама направленность вектора научной мысли переживают второе рождение. Так, достаточно «свежими» и в научном отношении полезными представляются положения теории ученого в области разведения юридической и позитивной ответственности, соотношения административного принуждения и административной ответственности, выделения предупредительных (профилактических) составляющих в системе мер административного принуждения и др. Два аспекта его научного наследия, представляющих в современный период очевидную значимость и актуальность, хотелось бы выделить особо.

Во-первых, ученый видел в процессуальных отношениях лишь одну из групп процедурных общественных отношений, а именно ту из них, которая затрагивает потребности государственно-властного регулирования общественных отношений, обеспечения прав и интересов личности и государства в сфере правоприменительной деятельности¹⁷. Эти положения ученого сегодня приобретают новое звучание в контексте формирования целостной концепции административного процесса, поиска оптимальной формулы «процесс – производства – процедуры». Внимательность И. А. Галагана к процессуальному обслуживанию всей правоприменительной деятельности, включая юрисдикционную, находит продолжение в разработках процедурного обеспечения позитивной управленческой деятельности современных ученых.

Во-вторых, обозначенные более полувека назад ученым проблемы поиска соотношения (соотносимости) административного принуждения с иными формами управленческого воздействия в определенной сфере общественных отношений получают новый виток в контексте реформы государственного контроля и надзора, формирования оптимальной модели позиционирования данных управленческих форм в системе административного принуждения и вне ее¹⁸.

Все это позволяет говорить о правовой «живучести» идей И. А. Галагана в научном административно-правовом пространстве, о возможности нового прочтения многих его выводов и предложений.

¹⁶ Кирин А. В. Указ. соч. С. 11, 20.

¹⁷ Галаган И. А., Василенко А. В. Указ. соч. С. 60.

¹⁸ Подробнее об этом: Агамагомедова С. А. Государственный контроль и надзор в системе мер административного принуждения // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2021. № 4. С. 98–103.

Библиографический список

Агагомедова С. А. Государственный контроль и надзор в системе мер административного принуждения / С. А. Агагомедова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2021. – № 4. – С. 98–103.

Галаган И. А. Административная ответственность в СССР. Государственное и материально-правовое исследование / И. А. Галаган. – Воронеж : Издательство Воронежского университета, 1970. – 252 с.

Галаган И. А. Проблемы теории правоприменения по советскому законодательству / И. А. Галаган, А. В. Василенко // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – Ленинград, 1986. – № 2. – С. 57–61.

Дугенец А. С. Административная ответственность в российском праве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / А. С. Дугенец. – Москва, 2005. – 36 с.

Иван Александрович Галаган и его научное наследие / под ред. Ю. Н. Старилова. – Воронеж : Издательство Воронежского государственного университета, 2010. – 544 с.

Киринов А. В. Теория административно-деликтного права : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / А. В. Киринов. – Москва, 2012. – 61 с.

Юсупов В. А. Теория административного права / В. А. Юсупов. – Москва : Юрид. лит., 1985. – 160 с.

References

Agamagomedova S. A. State control and supervision in the system of administrative coercion measures / S. A. Agamagomedova // Proceedings of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. – 2021. – № 4. – P. 98–103.

Galagan I. A. Administrative responsibility in the USSR. State and material legal research / I. A. Galagan. – Voronezh : Publishing House of Voronezh University, 1970. – 252 p.

Galagan I. A. Problems of the theory of law application by Soviet legislation / I. A. Galagan, A. V. Vasilenko // University news. Jurisprudence. – Leningrad, 1986. – № 2. – P. 57–61.

Dugenets A. S. Administrative liability in Russian law : abstract dis. ... doct. leg. sciences / A. S. Dugenets. – Moscow, 2005. – 36 p.

Ivan Aleksandrovich Galagan and his scientific heritage / ed. by Yu. N. Starilov. – Voronezh : Publishing House of Voronezh State University, 2010. – 544 p.

Kirin A. V. Theory of administrative tortious law : abstract dis. ... doct. leg. sciences / A. V. Kirin. – Moscow, 2012. – 61 p.

Yusupov V. A. Theory of administrative law / V. A. Yusupov. – Moscow : Yurid. lit., 1985. – 160 p.

Для цитирования:

Агагомедова С. А. Взгляды И. А. Галагана на административное принуждение и административную ответственность : современное понимание // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2023. № 1. С. 72–80.

Recommended citation:

Agamagomedova S. A. Views of I. A. Galagan on administrative coercion and administrative responsibility: modern understanding // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2023. N. 1 (2). Pp. 72–80.

Сведения об авторе

Агамагомедова Саният Абдулганиевна – доцент кафедры «Государственно-правовые дисциплины» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», кандидат юридических наук

E-mail: saniyat_aga@mail.ru

Information about author

Agamagomedova Saniyat Abdulganievna – Associate Professor of the State Legal Disciplines Department of Penza State University, Candidate of Legal Sciences

E-mail: saniyat_aga@mail.ru

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Л. А. Биткова

*Российский государственный аграрный университет –
МСХА имени К. А. Тимирязева*

Поступила в редакцию 16 мая 2022 г.

Аннотация: в статье рассмотрены материальные и процессуальные особенности административной ответственности несовершеннолетних, проанализированы теоретическая сущность и перспективы развития данного института, дано его авторское определение, на основании результатов правоприменительной деятельности намечены основные направления совершенствования действующего законодательства об административных правонарушениях.

Ключевые слова: административная ответственность, несовершеннолетние, возраст физического лица, меры воспитательного характера, процессуальные аспекты, комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав.

THE ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY OF MINORS: THE QUESTIONS OF THEORY AND PRACTICE

L. A. Bitkova

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy

Abstract: the article considers the material and procedural features of administrative responsibility of minors, analyzes the theoretical essence and prospects for the development of this institution, gives its author's definition, based on the results of law enforcement activities, outlines the main directions for improving the current legislation on administrative offenses.

Key words: administrative responsibility, minors, age of an individual person, educational measures, procedural aspects, commission on juvenile affairs and protection of their rights.

Административная деликтность – негативное социальное явление, довольно распространенное в российском обществе в силу разных причин, одной из которых выступает проводимая государственная политика, воплощенная в нормативных актах. Качество нормативного регулирования порядка привлечения к ответственности лиц, совершивших администра-

тивные правонарушения, влияет не только на эффективность правовой защиты общественных отношений, общепринятых ценностей в целом от противоправных посягательств, но и на судьбу конкретного человека.

Актуальность данной темы обусловлена необходимостью комплексного исследования института административной ответственности несовершеннолетних в целях выработки отвечающего реалиям сегодняшнего дня концептуального обоснования реализации данного института в отношении нуждающейся в особой защите со стороны государства категории граждан. Важно не только изучить причины и условия административной деликтности несовершеннолетних, но и нормативно урегулировать достижение баланса частных и публичных интересов в процессе привлечения таких лиц к административной ответственности, ориентируясь, прежде всего, на профилактический результат и защитную функцию.

Количество ежегодно совершаемых физическими лицами административных правонарушений, в том числе и лицами, не достигшими 18-летнего возраста (из почти 183 тысяч выявленных административных правонарушений около 30 % совершено несовершеннолетними¹), свидетельствует о серьезных проблемах правосознания и правовой культуры подрастающего поколения, что предопределяет необходимость пересмотра не только государственной воспитательной политики, но и механизмов (мер) реагирования государства на неправомерное поведение граждан.

На основе изучения вопросов административной ответственности несовершеннолетних на протяжении последних 20 лет хотелось бы отметить некоторые материальные и процессуальные аспекты реализации данного института, обозначить возможные направления его трансформации в связи с влиянием новых внешних и внутренних факторов.

При исследовании особенностей административной ответственности несовершеннолетних «отправной точкой» явилось понятие «административная ответственность», к определению сущности которого в юридической литературе существует множество различных как по форме, так и по содержанию подходов.

Этимологический анализ слова «ответственность» показывает, что в русском языке данное понятие носит сложный, комплексный характер и, во-первых, означает необходимость, обязанность отвечать за свои действия, поступки, быть ответственным за них, а во-вторых, связано с понятием «ответственный», т.е. облеченный правами и обязанностями в осуществлении какой-либо деятельности, в руководстве делами².

¹ Государственная статистика : официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fedstat.ru> (дата обращения: 30.03.2022 г.).

² См.: Ожегов С. И. Словарь русского языка : ок. 57 000 слов / под ред. чл.-корр. АН СССР Н. Ю. Шведовой. 18-е изд. стер. М. : Рус. яз., 1986. С. 401.

В юридической науке ретроспективная ответственность является следствием совершенного правонарушения, в связи с чем к виновному должны быть применены меры государственного принуждения, что характеризует объективное отношение к понятию юридической ответственности.

Представитель субъективного подхода к определению юридической ответственности, М. Д. Шаргородский, сформулировал ставший уже традиционным признак обязанности претерпевания лицом, совершившим противоправное деяние, неблагоприятных последствий следующим образом: «Ответственность – это необходимость (а правовая ответственность – обязанность) для человека претерпеть за свой, вредный для общества поступок порицание и связанные с ним меры общественного и государственного принуждения... Юридическая ответственность – это правовая обязанность правонарушителя претерпеть меры государственного принуждения, порицающие его за виновно совершенное противоправное деяние и заключающееся в лишениях личного или имущественного характера»³.

Теория административного права не может похвастаться «многополярными» исследованиями института административной ответственности в силу его относительной молодости (в отечественном административном законодательстве понятие административной ответственности становится часто употребляемым только с середины 60-х гг.) и доминирования одностороннего (наказательного) взгляда на него: уже несколько десятилетий исследуемый правовой институт определяется как применение административного взыскания (наказания) к лицу, совершившему административное правонарушение⁴.

Исследование административной ответственности как сугубо объективного явления привело к значительным успехам в описании прав государства и обязанностей лица, совершившего правонарушение, однако не позволило в полной мере установить юридически значимые признаки субъективной составляющей правонарушения⁵. В связи с этим можно отметить мнение К. С. Бельского, определявшего административную ответ-

³ См.: Шаргородский М. Д. Детерминизм и ответственность // Правоведение. 1968. № 1. С. 45–46.

⁴ См.: Попов Л. Л., Шергин А. П. Управление. Гражданин. Ответственность. Л., 1975. С. 126; Студеникина М. С. Соотношение административного права и административной ответственности // Советское государство и право. 1986. № 10. С. 27; Бахрах Д. Н. Административная ответственность : учебное пособие. М., 1999. С. 33–34; Россинский Б. В. Административная ответственность : курс лекций. М., 2004. С. 1; Бахрах Д. Н., Россинский Б. В., Стариков Ю. Н. Административное право : учебник для вузов. М., 2004. С. 484; Агапов А. Б. Административная ответственность : учебник для магистров. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2012. С. 17 и др.

⁵ См.: Стеблецова Л. А. Ответственность несовершеннолетних по административному праву и практика ее применения органами внутренних дел : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 21–22.

ственность как «специфическое положение правонарушителя, который наряду с претерпеванием административно-принудительных средств воздействия реализует процессуальные права на дачу объяснения по существу нарушения, справедливую и объективную оценку компетентным органом совершенного деяния и корректное с правовой и моральной точек зрения применение к нему административного наказания»⁶.

В конце 90-х – начале 2000-х гг., когда формировалась новая российская государственность и правовая действительность, восприятие мнения советских ученых-административистов по поводу института административной ответственности осуществлялось критически, сквозь призму конституционных положений. Тем удивительнее, что среди традиционных одноаспектных (связанных с наказанием) научных изысканий оказалось «открытие» позиции профессора И. А. Галагана, представлявшего административную ответственность через правовое отношение, реализуемое в процессуальной форме: «Административная ответственность как правоотношение является такой связью между конкретными участниками, при которой одна сторона – виновный в правонарушении – относится к субъектам ответственности, а вторая сторона – орган государственного управления, его должностное лицо или же в установленных законом случаях судья или суд и т.д. – к субъектам, правоприменяющим ответственность»⁷.

Схожую позицию отстаивал Л. Л. Попов, который впоследствии рассматривал административную ответственность в качестве совокупности материальных и процессуальных правоотношений⁸.

Представляется, что понятие административной ответственности должно синтезировать два основных подхода: первый характеризует административную ответственность как объективную категорию, отражающую реакцию государства на административное правонарушение; второй характеризует административную ответственность как субъективно-личностную категорию, показывающую ее в качестве совокупности правомочий наказанного лица. Однако сразу следует оговориться, что данные подходы применимы только в отношении физических лиц как субъектов административной ответственности.

Нормативного определения понятия административной ответственности нет в действующем законодательстве, что затрудняет правоприменительную деятельность, по мнению субъектов административной юрисдикции, и косвенно является поводом к обжалованию принимаемых ре-

⁶ См.: Бельский К. С. Административная ответственность : генезис, основные признаки, структура // Государство и право. 1999. № 12. С. 20.

⁷ См.: Галаган И. А. Административная ответственность в СССР. (Государственное и материально-правовое исследование). Воронеж, 1970. С. 10–11.

⁸ Административное право : учебник / под ред. Л. Л. Попова. М., 2002. С. 339.

шений в рамках производства по делам об административных правонарушениях. Однако об административной ответственности упоминается в ст. 2.1 «Административное правонарушение» Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ⁹ (далее – КоАП РФ), впрочем, суть данного института административного права не отражена, более того, формально сводится к установлению наказания за совершенное деяние: «Административным правонарушением признается противоправное, виновное действие (бездействие) физического или юридического лица, за которое настоящим Кодексом или законами субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях установлена административная ответственность».

В статье 3.1 КоАП РФ содержится формулировка, определяющая административное наказание как меру ответственности за совершение административного правонарушения. Это положение только показывает связь между деянием и негативными последствиями за него, но не раскрывает понятия административной ответственности.

Кроме того, положения КоАП РФ предусматривают возможность неприменения административного наказания при совершении административного правонарушения в определенных случаях.

Так, в соответствии со ст. 2.3 КоАП РФ административной ответственности подлежит лицо, достигшее к моменту совершения административного правонарушения возраста шестнадцати лет. Однако ч. 2 ст. 2.3 КоАП РФ устанавливает, что лицо в возрасте от 16 до 18 лет, совершившее административное правонарушение, с учетом конкретных обстоятельств дела и данных о нем комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав может быть освобождено от административной ответственности с применением к нему меры воздействия, предусмотренной федеральным законодательством о защите прав несовершеннолетних.

Следовательно, с учетом имеющихся особенностей психофизиологического развития подростков, особого подхода, связанного с заботой государства об этой категории граждан, можно говорить об особой разновидности административной ответственности – административной ответственности несовершеннолетних¹⁰.

Государство в лице компетентных субъектов, безусловно, должно реагировать на нарушение установленных правил поведения, но эта «реакция» в отношении несовершеннолетних должна иметь иной характер, направленный на поощрение процесса изменения поведения подростка

⁹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 30.03.2022 г.).

¹⁰ См., напр.: Корчагина Е. Ю. Административно-юрисдикционная деятельность комиссий по делам несовершеннолетних : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2001. С. 13.

ка, помогать ему почувствовать ответственность за свои поступки и понять, как они отражаются на других. Это обусловлено тем, что «поведение молодых людей, которое не соответствует общим социальным нормам и ценностям, во многих случаях связано с процессом их роста и, как правило, самопроизвольно изменяется по мере взросления»¹¹.

Таким образом, административную ответственность несовершеннолетних как разновидность административной ответственности в целом следует определить как «особое правовое отношение по реализации установленных государством прав и обязанностей с одной стороны уполномоченных субъектов, с другой стороны лиц в возрасте от 16 до 18 лет в связи с совершением последними административных правонарушений»¹².

На основании данного определения важно исследовать существующее содержание взаимных прав и обязанностей сторон рассматриваемого охранительного правоотношения, порядок их реализации, выявить пробелы законодательного регулирования и предложить направления его совершенствования. Как отмечала в своих трудах Н. Г. Салищева, «надлежаще разработанные процессуальные правила рассмотрения административных споров и применения органами управления соответствующих мер воздействия во многом способствуют обеспечению режима... законности. От того, как будет использован “инструментарий” процессуально-го права, зависит правильное применение норм материального права»¹³.

С точки зрения правоприменительной практики института административной ответственности несовершеннолетних до сих пор остаются нерешенными несколько принципиальных, на наш взгляд, вопросов (условно их можно обозначить так: К кому применяем? Что применяем? Кто применяет?).

Во-первых, необходима нормативная детализация правового статуса лиц, не достигших возраста 18 лет и выступающих участниками производства по делам об административных правонарушениях. Сейчас ее нет в федеральном законодательстве, что создает предпосылки нарушения прав и законных интересов несовершеннолетних граждан.

Важно снижение возраста административной ответственности с 16 лет до 14 лет. Следует заметить, что такое снижение возраста никак не повлияет на общий подход, установленный законодателем, по замене мер административной ответственности другими мерами воздействия по ч. 2 ст. 2.3 КоАП РФ.

¹¹ Руководящие принципы Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности среди несовершеннолетних (Эр-Риядские руководящие принципы). (Резолюция 45/112 от 14 декабря 1990 г., приложение, п. «е» ст. 5) // Международные акты о правах человека : сб. документов / сост. В. А. Карташкин, Е. А. Лукашева. 2-е изд., доп. М., 2002. С. 283–293.

¹² См.: *Стеблецова Л. А.* Указ. соч. С. 37.

¹³ См.: *Салищева Н. Г.* Указ. соч. С. 157.

При этом закрепление четырнадцатилетнего возраста в КоАП РФ корреспондируется с положениями Гражданского кодекса Российской Федерации¹⁴ (далее – ГК РФ), разделяющими на основании ст. 26 и 28 правовые статусы малолетних и несовершеннолетних физических лиц в имущественных и личных неимущественных отношениях. В качестве возрастной границы разделения выступают как раз 14 лет.

Это, в свою очередь, взаимосвязано с получением паспорта гражданина Российской Федерации в соответствии с Положением о нем¹⁵. Поскольку паспорт обязаны иметь все граждане Российской Федерации, достигшие 14-летнего возраста и проживающие на территории Российской Федерации, то возникает проблема привлечения к административной ответственности граждан от 14 до 16 лет в связи с совершением ими административных правонарушений, предусмотренных ст. 19.15.1. «Проживание гражданина Российской Федерации по месту пребывания или по месту жительства в жилом помещении без регистрации», 19.15.2. «Нарушение правил регистрации гражданина Российской Федерации по месту пребывания или по месту жительства в жилом помещении», 19.16. «Умышленная порча документа, удостоверяющего личность гражданина (паспорта), либо утрата документа, удостоверяющего личность гражданина (паспорта), по небрежности», 19.18. «Представление ложных сведений для получения документа, удостоверяющего личность гражданина (паспорта), либо других документов, удостоверяющих личность или гражданство, а равно представление ложных сведений, если такие сведения послужили или могли послужить основанием для выдачи иного официального документа», так как на текущий момент они не являются субъектами административной ответственности в связи с недостижением возраста (п. 2 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ).

Кроме того, за совершение ряда тяжких и особо тяжких преступлений Уголовным кодексом Российской Федерации¹⁶ (далее – УК РФ) предусмотрена уголовная ответственность лиц, достигших на момент совершения преступления четырнадцатилетнего возраста. А поскольку КоАП РФ и УК РФ предусматривают смежные составы правонарушений и преступлений (например, ст. 7.27 КоАП РФ «Мелкое хищение» и ст. 158 УК РФ «Кража»), то установление 14 лет как возраста наступления ответственности способствовало бы формированию и проведению единой деликтной политики страны.

¹⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 30.03.2022 г.).

¹⁵ Постановление Правительства РФ «Об утверждении Положения о паспорте гражданина Российской Федерации, образца бланка и описания паспорта гражданина Российской Федерации» от 8 июля 1997 г. № 828 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 30.03.2022 г.).

¹⁶ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 30.03.2022 г.).

Однако предлагаемые проекты нового федерального закона об административной ответственности (административных правонарушениях)¹⁷, как правило, предусматривают шестнадцатилетний возраст в качестве возраста возможного привлечения к административной ответственности, что, на наш взгляд, не позволяет развиваться данному институту.

Во-вторых, сложившаяся негативная тенденция неэффективности административно-правовых санкций, применяемых в отношении несовершеннолетних правонарушителей, явилась закономерным результатом правовой неурегулированности.

Основной пробел – отсутствие воспитательного эффекта наказания за административное правонарушение, так как воспитание не закреплено в законодательстве в качестве цели административной ответственности.

Из всех видов административных наказаний, указанных в гл. 3 КоАП РФ, к подросткам, как правило, применяются только два (предупреждение и административный штраф), причем зачастую штраф выплачивается не самим несовершеннолетним, а его родителями или законными представителями, что явно не способствует достижению частнопревентивной цели наказания.

Что касается других мер воздействия, то возможность их применения прямо предусмотрена в ч. 2 ст. 2.3 КоАП РФ. Данная норма отсылает к федеральному законодательству о защите прав несовершеннолетних. Следуя логике законодателя, предполагается наличие отдельного федерального закона (или группы актов), не только конкретизирующего общий правовой статус ребенка, в том числе в связи с его противоправным поведением, но и закрепляющего субъектов, обеспечивающих реализацию прав и законных интересов детей, формы и методы их деятельности, меры принудительно-воспитательного воздействия, ресурсное обеспечение.

Анализ действующего федерального законодательства позволяет говорить о множественности нормативных актов, регламентирующих отдельные аспекты правового статуса несовершеннолетних и деятельности субъектов системы обеспечения и защиты прав несовершеннолетних¹⁸,

¹⁷ См., напр.: Кодекс Российской Федерации об административной ответственности : проект / П. И. Кононов, В. В. Лихарев, С. А. Старостин, В. А. Юсупов ; под общ. ред. А. А. Агеева. М., 2016.

¹⁸ Федеральный закон «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 30.03.2022 г.); Федеральный закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» от 24 июня 1999 г. № 120 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 30.03.2022 г.); Федеральный закон «Об уполномоченных по правам ребенка в Российской Федерации» от 27 декабря 2018 г. № 501-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 30.03.2022 г.); Постановление Правительства РФ «Об утверждении Примерного положения о комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав» от 6 нояб-

но ни один из них не содержит перечня мер воздействия, способных заменить меры административной ответственности, за исключением Положения о комиссиях по делам несовершеннолетних 1967 г., утратившего силу с 2018 г.¹⁹

Несмотря на отсутствие федерального перечня мер воздействия, каждый регион имеет свою наработанную практику, что сложно оценить положительно, так как не выработана единая методика оценки эффективности применяемых мер, а значит, невозможно гарантировать профилактический результат правоприменительной деятельности. Формулировки нормативных актов субъектов Российской Федерации не раскрывают содержания самих мер воздействия. Например, ч. 3 ст. 8 Закона города Москвы «Об организации деятельности комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав» от 13 апреля 2005 г. № 12: «По результатам рассмотрения материалов и дел в отношении несовершеннолетних комиссии применяют меры воздействия, предусмотренные федеральным законодательством и законодательством города Москвы»²⁰; или пп. «д» п. 3, п. 6 постановления Администрации Курской области «Об утверждении Положения о комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав в Курской области» от 16 декабря 2020 г. № 1296-па: «Территориальные комиссии применяют меры воздействия в отношении несовершеннолетних, их родителей или иных законных представителей в случаях и порядке, которые предусмотрены законодательством Российской Федерации и законодательством Курской области»²¹.

Чаще всего применяемые иные меры воздействия носят моральный или материальный характер (например, обязанность принести публичное извинение потерпевшему или возложить на виновного подростка обязанность возместить причиненный материальный ущерб или своим трудом устранить причиненный ущерб), что также не всегда способствует глубокому осознанию вины перед обществом за содеянное.

ря 2013 г. № 995 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 30.03.2022 г.) и др.

¹⁹ Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон “Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних”, статьи 22 и 66 Федерального закона “Об образовании в Российской Федерации” и о признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) РСФСР и Российской Федерации» от 27 июня 2018 г. № 170-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/550499546?marker=7DM0KB> (дата обращения: 30.03.2022 г.).

²⁰ Закон города Москвы «Об организации деятельности комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав» от 13 апреля 2005 г. № 12 [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/3658740?marker=8OM0LO> (дата обращения: 30.03.2022 г.).

²¹ Постановление Администрации Курской области «Об утверждении Положения о комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав в Курской области» от 16 декабря 2020 г. № 1296-па [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/571064515> (дата обращения: 30.03.2022 г.).

Самими правоприменителями (сотрудниками органов внутренних дел, членами КДН и ЗП и т.п.) меры воздействия на несовершеннолетних правонарушителей, предусмотренные действующим законодательством, оцениваются как эффективные в отдельных случаях или вообще как неэффективные.

Представляется, что в целях создания комплексной правовой защиты рассматриваемой категории граждан необходимо на федеральном уровне систематизировать нормативные акты, регулирующие отдельные виды прав детей, и во избежание коллизий, разночтений принять единый правовой документ о правовом статусе ребенка как носителя субъективных прав и обязанностей, включая их процессуальную составляющую²², в том числе предусмотреть перечень мер воздействия к подросткам с девиантным поведением, а также совершившим административные правонарушения.

В-третьих, остается открытым дискуссионный вопрос о правовом положении комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав как специальном органе, рассматривающем дела об административных правонарушениях несовершеннолетних²³.

Не подвергается сомнению основанный на требованиях международных норм тезис о существовании системы публичных органов, специализированных организаций, основным предназначением которых должны быть защита прав и свобод детей, профилактика их противоправного поведения. В России неоднократно обсуждалась идея о создании системы ювенального судопроизводства, но в силу разных объективных и субъективных факторов на тщательную проработку данного предложения требуется значительно больше времени. Несмотря на имеющиеся правовые предпосылки, российское общество оказалось пока не готовым к адекватному восприятию этой идеи.

Но и действующая сегодня система профилактики правонарушений несовершеннолетних нуждается в модернизации с возможностью учета лучшего опыта советского времени. Изменения, на наш взгляд, должны быть связаны с усилением воспитательной составляющей осуществляемых полномочий и повышением правовой культуры детей, что заложено в тексте Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года²⁴. Документом стратегического планирования

²² См.: Биткова Л. А. Правовые предпосылки создания в современной России судов по делам несовершеннолетних // Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 4. С. 80.

²³ См. подробнее: Биткова Л. А. Особенности производства по делам об административных правонарушениях несовершеннолетних // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2015. № 8. С. 16–170.

²⁴ Распоряжение Правительства РФ «Об утверждении Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года» от 29 мая 2015 г. № 996-р Ф3 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 30.03.2022 г.).

предусмотрено, что снижению уровня антиобщественных проявлений со стороны детей будет способствовать развитие и совершенствование федеральной, региональной и муниципальной нормативной правовой базы, а также совершенствование системы правовой и судебной защиты интересов семьи и детей.

Таким образом, установленная процедура привлечения к административной ответственности лиц в возрасте от 16 до 18 лет характеризуется материальными и процессуальными особенностями, связанными со спецификой правового статуса сторон особого правового отношения и применяемых мер воздействия, что, в свою очередь, позволяет выделить отдельную разновидность административной ответственности – административную ответственность несовершеннолетних.

Данный правовой институт в современных условиях должен быть ориентирован на воспитание подрастающего поколения, повышение уровня правовой культуры молодежи, поэтому нуждается в комплексном исследовании и нормативной детализации.

Библиографический список

Агапов А. Б. Административная ответственность : учебник для магистров / А. Б. Агапов. – Москва : Издательство Юрайт, 2012.

Административное право : учебник / под ред. Л. Л. Попова. – Москва : Юристъ, 2002.

Бахрах Д. Н. Административная ответственность : учебное пособие / Д. Н. Бахрах. – Москва, 1999.

Бахрах Д. Н. Административное право : учебник / Д. Н. Бахрах, Б. В. Россинский, Ю. Н. Стариков. – Москва : Норма, 2004.

Бельский К. С. Административная ответственность : генезис, основные признаки, структура / К. С. Бельский // Государство и право. – 1999. – № 12.

Биткова Л. А. Особенности производства по делам об административных правонарушениях несовершеннолетних / Л. А. Биткова // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2015. – № 8. – С. 164–170.

Галаган И. А. Административная ответственность в СССР. (Государственное и материально-правовое исследование) / И. А. Галаган. – Воронеж : Издательство Воронежского университета, 1970. – 252 с.

Ожегов С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов ; под ред. Н. Ю. Шведовой. – Москва : Русский язык, 1986.

Корчагина Е. Ю. Административно-юрисдикционная деятельность комиссий по делам несовершеннолетних : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Е. Ю. Корчагина. – Омск, 2001. – С. 13.

Попов Л. Л. Управление. Гражданин. Ответственность / Л. Л. Попов, А. П. Шергин. – Ленинград, 1975.

Россинский Б. В. Административная ответственность : курс лекций / Б. В. Россинский. – Москва : Норма, 2004.

Салищева Н. Г. Избранное. (+CD) / Н. Г. Салищева. – Москва : РАП, 2011.

Стеблецова Л. А. Ответственность несовершеннолетних по административному праву и практика ее применения органами внутренних дел : дис. ... канд. юрид. наук / Л. А. Стеблецова. – Москва, 2005. – 176 с.

Студеникина М. С. Соотношение административного права и административной ответственности / М. С. Студеникина // Советское государство и право. – 1986. – № 10.

Шаргородский М. Д. Детерминизм и ответственность / М. Д. Шаргородский // Правоведение. – 1968. – № 1. – С. 40–48.

References

Agapov A. B. Administrative liability : coursebook for masters / A. B. Agapov. – Moscow : “Yurait” publishing House, 2012.

Administrative law : coursebook / ed. by L. L. Popova. – Moscow : Yurist, 2002.

Bakhrakh D. N. Administrative liability : study book / D. N. Bakhrakh. – Moscow, 1999.

Bakhrakh D. N. Administrative law : coursebook for universities / D. N. Bakhrakh, B. V. Rossinskii, Yu. N. Starilov. – Moscow : Norma, 2004.

Belskii K. S. Administrative liability : genesis, main features, structure / K. S. Belskii // State and Law. – 1999. – N. 12.

Bitkova L. A. The peculiarities of proceedings on cases of administrative offences committed by juveniles / L. A. Bitkova // Proceedings of Kutafin University (MSAL). – 2015. – N. 8. – P. 164–170.

Galagan I. A. Administrative responsibility un the USSR. State and material legal research / I. A. Galagan. – Voronezh : Publishing House of Voronezh University, 1970. – 252 p.

Korchagina E. Yu. Administrative jurisdictional action of the juvenile commissions : abstract dis. ... cand. of Legal Sciences / E. Yu. Korchagina. – Omsk, 2001.

Ozhegov S. I. Dictionary of Russian language / S. I. Ozhegov ; ed. by N. Yu. Shvedova. – Moscow : Russky yazyk, 1986. – P. 401.

Popov L. L. Administration. Citizen. Liability / L. L. Popov, A. P. Shergin. – Leningrad, 1975.

Rossinskii B. V. Administrative liability : course of lectures / B. V. Rossinskii. – Moscow : Norma, 2004.

Salischeva N. G. Elected / N. G. Salischeva. – Moscow : RAJ, 2011.

Shargorodskii M. D. Determinism and liability / M. D. Shargorodskii // Jurisprudence. – 1968. – N. 1. – P. 40–48.

Stebletsova L. A. Juvenile liability according to administrative law and practice of its application by internal affairs bodies : thesis for degree of a candidate of legal sciences / L. A. Stebletsova. – Moscow, 2005. – 176 p.

Studenikina M. S. The correlation between administrative law and administrative liability / M. S. Studenikina // Soviet state and law. – 1986. – N. 10.

Для цитирования:

Биткова Л. А. Административная ответственность несовершеннолетних : вопросы теории и практики // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2023. № 1. С. 81–93.

Recommended citation:

Bitkova L. A. The administrative responsibility of minors : the questions of theory and practice // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2023. N. 1 (2). Pp. 81–93.

Сведения об авторе

Биткова Людмила Алексеевна – и.о. заведующего кафедрой правоведения ФГБОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К. А. Тимирязева», кандидат юридических наук, доцент
E-mail: Ludabit@gmail.com

Information about author

Bitkova Lyudmila Alekseevna – Performing Duties of the Head of the Department of Jurisprudence of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy”, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor
E-mail: Ludabit@gmail.com

О ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПРОКУРОРСКИХ РАБОТНИКОВ

И. Б. Кардашова

Университет прокуратуры Российской Федерации

Поступила в редакцию 15 апреля 2022 г.

Аннотация: в статье рассматриваются отдельные аспекты дисциплинарной ответственности прокурорских работников. На основе анализа научных точек зрения о дисциплинарной ответственности, в том числе научного наследия профессора И. А. Галагана, положений Трудового кодекса РФ, Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», приказов Генерального прокурора Российской Федерации и других правовых актов, выявляются пробелы и коллизии в правовом регулировании привлечения к дисциплинарной ответственности прокурорских работников и делаются выводы о его совершенствовании.

Ключевые слова: дисциплинарная ответственность, дисциплинарный проступок, дисциплинарное производство, дисциплинарное взыскание, прокурорский работник.

ON THE DISCIPLINARY RESPONSIBILITY OF PROSECUTORIAL EMPLOYEES

I. B. Kardashova

University of the Prosecutor's office of the Russian Federation

Abstract: the article discusses some aspects of the disciplinary responsibility of prosecutors. Based on the analysis of scientific points of view on disciplinary responsibility, including the scientific heritage of Professor I. A. Galagan, the provisions of the Labor Code of the Russian Federation, the Federal Law «On the Prosecutor's Office of the Russian Federation», orders of the Prosecutor General of the Russian Federation and other legal acts, gaps and conflicts in the legal regulation of bringing to disciplinary responsibility of prosecutorial employees are identified and conclusions are drawn about its improvement.

Key words: disciplinary responsibility, disciplinary misconduct, disciplinary proceedings, disciplinary punishment, prosecutor's employee.

В настоящее время рассмотрение дисциплинарной ответственности прокурорских работников представляет особое значение в силу правового статуса прокуратуры, являющейся уникальным органом публичной власти, призванным обеспечивать законность в стране.

Большинство ученых видит сущность дисциплинарной ответственности в отрицательном воздействии на работника¹, состоящем в «общественном порицании недобросовестного поведения работника, выраженном публично в официальной форме и влекущем негативные правовые последствия»². Следует согласиться с В. Д. Сорокиным, что дисциплинарная ответственность распространяется только на физических лиц и содержит особую связь между лицом, совершившим дисциплинарный проступок, и лицом, юридически обязанным на этот проступок реагировать³.

Поскольку процедура привлечения к дисциплинарной ответственности регулируется трудовым законодательством, в ст. 192–195 Трудового кодекса РФ⁴ (далее – ТК РФ) представлены понятие дисциплинарного проступка, перечень дисциплинарных взысканий, порядок применения и снятия взысканий, изначально она выступала институтом трудового права. Выделяются два вида дисциплинарной ответственности: 1) общая для всех работников, установленная ТК РФ и правилами внутреннего трудового распорядка; 2) специальная для отдельных категорий работников, установленная специальным законодательством, уставами и положениями о дисциплине⁵.

Однако основания привлечения к дисциплинарной ответственности, виды дисциплинарных взысканий, применение мер дисциплинарной ответственности регламентируются административным правом. И. А. Галаган справедливо считал производство по делам о применении дисциплинарного воздействия в сфере государственного управления свойственным административному процессу⁶.

Служба в прокуратуре является федеральной государственной службой, а основным нормативным правовым актом в рассматриваемой сфере выступает Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – Закон о прокуратуре)⁷. Правовой статус прокурорских работников представляет собой совокупность прав, обязанностей, ответственности, установленных и обеспечиваемых государством, приобретение которого связано с моментом их поступления на службу в органы и организации прокуратуры. Согласно ч. 1 ст. 11 Закона о прокуратуре в систему органов прокуратуры входят военные прокуратуры, поэтому дис-

¹ См.: *Атаманчук Г. В.* Теория государственного управления : учебник. М., 2013. С. 525.

² См.: *Бахрах Д. Н.* Административное право : учебник. М., 2000. С. 332.

³ См.: *Сорокин В. Д.* Административный процесс : учебник. СПб., 2000.

⁴ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197 // Российская газета. 2001. № 256. Ст. 192.

⁵ См.: *Колобова С. В., Сергеев Ю. С.* Трудовое право России : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2018. С. 346.

⁶ См.: *Галаган И. А.* Административная ответственность в СССР. Воронеж, 1976. С. 38.

⁷ О прокуратуре Российской Федерации : Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 // Российская газета. 1992. № 39. Ч. 9. Ст. 41.7.

циплинарная ответственность военных прокурорских работников регулируется отдельными правовыми актами⁸.

Привлечение к дисциплинарной ответственности прокурорских работников регламентируется локальными правовыми актами, к которым относится приказ Генерального прокурора РФ от 17 марта 2010 г. № 114 «Об утверждении и введении в действие Кодекса этики прокурорского работника Российской Федерации и Концепции воспитательной работы в системе прокуратуры Российской Федерации» (далее – Кодекс этики прокурорского работника РФ). В нем установлены основания для привлечения прокурорских работников к дисциплинарной ответственности, а также определено руководителям органов и учреждений прокуратуры исходить из того, что нарушение прокурорским работником норм Кодекса этики прокурорского работника учитывается при решении вопроса о привлечении его к дисциплинарной ответственности, а в случае, когда данное нарушение выразилось в совершении проступка, порочащего честь прокурорского работника, влечет применение дисциплинарного взыскания.

Основанием для привлечения к дисциплинарной ответственности является дисциплинарный проступок, понимаемый в теории права как «виновное нарушение правил дисциплины и других обязанностей, возложенных на лицо в связи с его работой, учебой и иной трудовой (служебной) деятельностью»⁹. В ТК РФ дисциплинарный проступок определен как неисполнение или ненадлежащее исполнение работником по его вине возложенных на него трудовых обязанностей, а в ст. 41.7 Закона о прокуратуре к «неисполнению или ненадлежащему исполнению работниками своих служебных обязанностей» причислено иное основание – «совершение проступков, порочащих честь прокурорского работника». По этому поводу имеется мнение об оценочном характере нормы о дисциплинарной ответственности, обусловленном «повышенными требованиями к личным и нравственным качествам прокурорского работника»¹⁰. Вместе с тем, определением Конституционного Суда РФ установлено, что использование оценочных понятий не свидетельствует о неопределенности ее содержания, а преследует цель эффективного применения нормы к неограниченному числу конкретных правовых ситуаций¹¹.

⁸ Федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 53 «О воинской обязанности и военной службе» // Российская газета. 1998. № 63-64; Федеральный закон от 27 мая 1998 г. № 76 «О статусе военнослужащих» // Российская газета. 1998. № 104.

⁹ См.: Теория государства и права : учебник для бакалавров / В. К. Бабаева. М. : Юрайт, 2016. С. 642.

¹⁰ См.: Головина С. Ю. Правовое регулирование труда отдельных категорий работников : учебно-практическое пособие. М., 2003. С. 55.

¹¹ Определение Конституционного суда РФ от 17 июля 2012 г. № 1316-О // Конституционный суд РФ. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Pages/default.aspx>

В научных работах указывается на противоречия между ТК РФ и Законом о прокуратуре, в котором отсутствуют важные аспекты назначения дисциплинарных наказаний¹². Действительно, применение ст. 41.7 Закона о прокуратуре в соответствии с требованиями ч. 1 ст. 40 грозит большим количеством нарушений прав прокурорских работников, а взятая за основу ч. 2 ст. 40 Закона о прокуратуре при применении положений ст. 41.7, исходя из приоритетности ст. 192–195 ТК РФ, нарушит ч. 1 ст. 40 и иные нормы Закона о прокуратуре. Как верно отмечается, «из всех видов юридической ответственности дисциплинарная ответственность характеризуется наименьшей степенью обеспечения процессуальными нормами»¹³.

Приказом Генерального прокурора РФ от 28 апреля 2016 г. № 255 «Об утверждении Инструкции о порядке проведения служебных проверок в отношении прокурорских работников органов и организаций прокуратуры Российской Федерации» (далее – Инструкция) определена структура, сроки, особенности дисциплинарного производства по результатам служебной проверки в отношении прокурорского работника.

Согласно п. 6.13.2 Кодекса этики прокурорского работника к основаниям привлечения к дисциплинарной ответственности в целях частной и общей превенции и воспитательного значения относятся: нарушение обязанностей по соблюдению государственной и служебной тайны, неисполнение требований по охране труда. Неисполнение или ненадлежащее исполнение этих обязанностей влечет за собой привлечение прокурорских работников к дисциплинарной ответственности в соответствии со ст. 41.7 Закона о прокуратуре.

Основанием привлечения прокурорских работников к дисциплинарной ответственности является также нарушение Присяги прокурора. Так, в приказе Генерального прокурора РФ от 3 ноября 1999 г. № 82 «О Присяге прокурора» установлено, что в случае нарушения прокурорами Присяги решается вопрос об их привлечении к дисциплинарной ответственности, вплоть до увольнения из органов прокуратуры, в соответствии с пп. «в» п. 1 ст. 43 Закона о прокуратуре РФ¹⁴. Вместе с тем, такое деяние не подлежит квалификации как дисциплинарный проступок, так как в ст. 41.7 Закона о прокуратуре отсутствует подобное основание привлече-

¹² См.: Стрельников В. В. Административно-правовые аспекты привлечения служащих органов прокуратуры к дисциплинарной ответственности // Административное право и процесс. 2020. № 12.

¹³ См.: Добробаба М. Б. Административное усмотрение при привлечении государственных служащих к дисциплинарной ответственности // Административное право и процесс. 2015. № 3. С. 16–22.

¹⁴ О Присяге прокурора : Приказ Генерального прокурора РФ от 3 ноября 1999 г. № 82 // Сборник основных организационно-распорядительных документов Генеральной прокуратуры РФ. Тула, 2004. Т. 2.

ния к дисциплинарной ответственности. В связи с этим представляется необходимым дополнение ст. 41.7 Закона о прокуратуре положением об основании привлечения прокурорских работников к дисциплинарной ответственности в виде нарушения Присяги прокурора.

За совершение дисциплинарного проступка прокурорским работником применяются общие меры дисциплинарного взыскания, установленные ТК РФ, а также специальные меры в соответствии со ст. 41.7 Закона о прокуратуре: строгий выговор, понижение в классном чине, лишение нагрудных знаков «За безупречную службу в прокуратуре Российской Федерации», «Почетный работник прокуратуры Российской Федерации», что обусловлено характером профессиональной деятельности прокурорских работников. Краткий анализ статистических данных дисциплинарной практики в органах прокуратуры выявляет преобладающее число дисциплинарных проступков, связанных с ненадлежащим исполнением служебных обязанностей при осуществлении надзорной деятельности и нарушением трудовой дисциплины, а наиболее распространенными дисциплинарными взысканиями являются выговор и строгий выговор.

Используя положение ч. 3.1 ст. 41.10 Закона о прокуратуре, наиболее популярное дисциплинарное взыскание в виде замечания назначают при малозначительности совершенного проступка (незначительном нарушении трудовой дисциплины, причинении незначительного ущерба, совершении проступка впервые). Выговор представляет собой более серьезное по сравнению с замечанием взыскание, которое должно быть вынесено работодателем в течение месяца после выявления проступка, связанного с нанесением прокурорским работником ущерба чести, достоинству и репутации прокуратуры. Строгий выговор является специальным видом дисциплинарного взыскания, характерного для специальной дисциплинарной ответственности для прокурорских работников.

Прокурорский работник может быть понижен в классном чине за халатное отношение к служебному долгу или недостойное поведение, а восстановление в прежнем классном чине будет осуществлено только в аттестационном порядке. При этом аттестация прокурорского работника, имеющего дисциплинарное взыскание, откладывается до окончания срока его действия или досрочного снятия взыскания¹⁵. Понижение в классном чине прокурорского работника применяется на практике довольно редко, а правовые акты в сфере прохождения службы в органах и организациях прокуратуры не закрепляют механизма его реализации.

Характерным дисциплинарным взысканием прокурорских работников является лишение нагрудных знаков «За безупречную службу в про-

¹⁵ Об утверждении Положения о порядке проведения аттестации прокурорских работников органов и организаций прокуратуры Российской Федерации : Приказ Генерального прокурора РФ от 11 марта 2020 г. № 146. URL: <https://genproc.gov.ru>

куратуре Российской Федерации», «Почетный работник прокуратуры Российской Федерации». В соответствии с приказом Генерального прокурора РФ от 5 июля 2017 г. № 452 «О наградной системе в органах и организациях прокуратуры Российской Федерации» это взыскание налагается за неисполнение или ненадлежащее исполнение прокурорскими работниками служебных обязанностей и совершение проступков, порочащих честь прокурорского работника; при вынесении судом обвинительного приговора за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления в период прохождения прокурорскими работниками службы; в случаях увольнения из органов и организаций прокуратуры за нарушение Присяги прокурора, за неоднократное неисполнение без уважительных причин должностных обязанностей, если они имеют дисциплинарное взыскание.

К основаниям предупреждения о неполном служебном соответствии можно отнести низкий уровень знаний прокурорским работником своих обязанностей, недисциплинированность и неорганизованность в работе.

В Законе о прокуратуре содержатся основания для привлечения прокурорского работника к дисциплинарной ответственности в виде несоблюдения работником ограничений и запретов, требований о предотвращении или об урегулировании конфликта интересов; неисполнения обязанностей, установленных в целях противодействия коррупции, предусмотренных законодательством о противодействии коррупции и другими федеральными законами, предусмотренными ст. 41.7 Закона о прокуратуре.

Привлечение к дисциплинарной ответственности осуществляется в рамках дисциплинарного производства, выступающего видом юрисдикционного производства. К сожалению, в законодательстве отсутствует четкое определение границ стадий дисциплинарного производства, в связи с чем в научной литературе высказываются различные мнения об их количестве и последовательности применения. Одни ученые объединяют в одну стадию процессуальные действия, связанные с возбуждением производства и проведением служебного расследования (служебной проверки)¹⁶, другие – дифференцируют стадию возбуждения производства и стадию служебного расследования (служебной проверки)¹⁷, третьи – выделяют в качестве самостоятельной стадии досрочное снятие дисциплинарного взыскания¹⁸.

Следует согласиться с И. А. Галаганом, что всем юрисдикционным производствам в принципе присущи сходные стадии возбуждения, рассмо-

¹⁶ См.: Николаев А. Г., Солошенко П. А. Проведение служебных проверок при нарушении служебных обязанностей сотрудниками подразделений полиции по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности : учебник. М., 2013. С. 16–17; Братановский С. Н. Административное право. Общая часть : учебник. М., 2013. С. 92.

¹⁷ См.: Корнев А. П. Административное право России : учебник. М., 2002. С. 254.

¹⁸ См.: Адушкин Ю. С. Дисциплинарное производство в СССР / под ред. В. М. Манохина. Саратов, 1986. 125 с.

тения дела, пересмотра решения по делу на основе протеста или жалобы и исполнения решения по делу; следует только различать специфику процедуры осуществления и постадийного развития производств¹⁹. При этом ученый отмечает, что в производстве по дисциплинарным нарушениям стадии движения дела и содержания процессуальной деятельности являются менее выраженными, чем в производстве по делам об административных правонарушениях.

Поводом для начала дисциплинарного производства является выявление факта совершения лицом дисциплинарного проступка, т.е. его непосредственное обнаружение субъектом дисциплинарной власти (руководителем), либо подтверждение в ходе проверки поступившей информации о дисциплинарном проступке. Возбуждение дисциплинарного производства начинается с момента принятия решения об этом. Согласно ст. 192 ТК РФ при наложении дисциплинарного взыскания работодателем должны учитываться тяжесть совершенного проступка и обстоятельства, при которых он был совершен.

Дисциплинарное производство в отношении прокурорского работника является исключительной прерогативой органов прокуратуры. В соответствии со ст. 41.7 Закона о прокуратуре субъектом дисциплинарной власти являются руководители органов и организаций прокуратуры: Генеральный прокурор Российской Федерации, прокуроры субъектов Федерации, приравненные к ним прокуроры и директора (ректоры) научных и образовательных учреждений прокуратуры, прокуроры городов, районов, приравненные к ним прокуроры. Особенностью порядка привлечения к дисциплинарной ответственности прокурорских работников является субординация руководителей органов и организаций прокуратуры при применении к работникам мер дисциплинарных взысканий, установленная в ст. 41.7 Закона о прокуратуре и в п. 1 приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 6 августа 2002 г. № 48 «О полномочиях руководителей органов и учреждений прокуратуры Российской Федерации в дисциплинарной и некоторых иных сферах».

Процедура привлечения к дисциплинарной ответственности прокурорских работников представляет собой временное (не более чем на один месяц) отстранение от занимаемой должности до решения вопроса о наложении дисциплинарного взыскания. За это время работнику выплачивается денежное содержание в размере должностного оклада, доплат за классный чин и выслугу лет. В отношении всех работников проводится служебная проверка, регламентируемая Инструкцией. Имеются противоречия в определении дня обнаружения дисциплинарного проступка. И. А. Галаган предупреждал, что необходимо различать сроки со дня со-

¹⁹ См.: Галаган И. А. Указ. соч. С. 49.

вершения или со дня обнаружения проступка²⁰. С одной стороны, в Инструкции «днем обнаружения проступка, с которого начинается исчисление месячного срока, считается день, когда руководителю, которому по службе подчинен прокурорский работник, стало известно о совершении им проступка», с другой стороны – в п. 34 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 указывается, что исчисление срока начинается со дня, когда руководителю, которому по работе (службе) подчинен работник, стало известно о совершении проступка, независимо от того, наделен ли он правом наложения дисциплинарных взысканий. В связи с этим необходимо внести изменения в Инструкцию в соответствии с правовым актом высшей юридической силы.

Согласно ст. 194 ТК РФ, если в течение года со дня применения дисциплинарного взыскания работник не будет подвергнут новому дисциплинарному взысканию, то он считается не имеющим дисциплинарного взыскания. Однако Закон о прокуратуре не определяет срок действия дисциплинарного взыскания, а в ст. 40.10 указан годичный срок действия дисциплинарного взыскания за коррупционные правонарушения. Это обуславливает необходимость включения в Закон о прокуратуре соответствующей статьи о порядке привлечения прокурорских работников к дисциплинарной ответственности.

В Законе о прокуратуре отсутствует регламентация процедуры обжалования дисциплинарного взыскания прокурорского работника, хотя в Инструкции она упоминается. Представляется целесообразным внесение соответствующих дополнений в законодательство, что не противоречит ст. 40 Закона о прокуратуре о праве обжалования прокурорскими работниками вышестоящему руководителю и (или) в суд решений руководителей органов и организаций прокуратуры по вопросам прохождения службы.

И. А. Галаган подчеркивал, что строжайший учет особенностей юрисдикционных производств, неукоснительное соблюдение их специфики практическими работниками являются условием законности осуществления различных видов ответственности, в том числе, конечно, дисциплинарной²¹. Таким образом, вопросы правового регулирования дисциплинарной ответственности прокурорских работников в силу государственной и социальной значимости их профессиональной деятельности, требуют дальнейшего совершенствования.

Библиографический список

- Адушкин Ю. С. Дисциплинарное производство в СССР / Ю. С. Адушкин ; под ред. В. М. Манохина. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1986. – 125 с.
- Атаманчук Г. В. Теория государственного управления : учебник / Г. В. Атаманчук. – Москва : Омега-Л, 2013. – 525 с.

²⁰ См.: Там же. С. 51.

²¹ См.: Там же. С. 52.

Бахрах Д. Н. Административное право : учебник / Д. Н. Бахрах. – Москва : Норма, 2000. – 622 с.

Братановский С. Н. Административное право. Общая часть : учебник / С. Н. Братановский. – Москва : Щит, 2013. – 920 с.

Галаган И. А. Административная ответственность в СССР / И. А. Галаган. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1976. – 196 с.

Головина С. Ю. Правовое регулирование труда отдельных категорий работников : учебно-практическое пособие / С. Ю. Головина. – Москва : Дело, 2003. – 254 с.

Добробаба М. Б. Административное усмотрение при привлечении государственных служащих к дисциплинарной ответственности / М. Б. Добробаба // Административное право и процесс. – 2015. – № 3.

Колобова С. В. Трудовое право России : учебник / С. В. Колобова, Ю. С. Сергеенко. – 2-е изд., перераб и доп. – Москва : Юстицинформ, 2018.

Корнев А. П. Административное право России : учебник / А. П. Корнев. – Москва : Щит, 2002. – 308 с.

Николаев А. Г. Проведение служебных проверок при нарушении служебных обязанностей сотрудниками подразделений полиции по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности : учебник / А. Г. Николаев, П. А. Солощенко. – Москва : Щит, 2013. – 51 с.

Сорокин В. Д. Административный процесс : учебник / В. Д. Сорокин. – Санкт-Петербург : Издательство Юридического института (Санкт-Петербург), 2000. – 536 с.

Стрельников В. В. Административно-правовые аспекты привлечения служащих органов прокуратуры к дисциплинарной ответственности / В. В. Стрельников // Административное право и процесс. – 2020. – № 12.

References

Adushkin Yu. S. Disciplinary proceedings in the USSR / Yu. S. Adushkin ; ed. by V. M. Manokhina. – Saratov, 1986. – 125 p.

Atamanchuk G. V. Theory of public administration : coursebook / G. V. Atamanchuk. – Moscow : Omega-L, 2013. – 525 p.

Bakhrakh D. N. Administrative law : coursebook / D. N. Bakhrakh. – Moscow : Norma, 2000. – 622 p.

Bratanovskii S. N. Administrative law. Common part : coursebook / S. N. Bratanovskii. – Moscow : Schit, 2013. – 920 p.

Dobrobaba M. B. Administrative discretion in bringing civil servants to the disciplinary liability / M. B. Dobrobaba // Administrative law and procedure. – 2015. – N. 3.

Galagan I. A. Administrative responsibility in the USSR / I. A. Galagan. – Voronezh : Publishing House of Voronezh State University, 1976. – 196 p.

Golovina S. Yu. Legal regulation of the labor of particular categories of the employees : educational practical textbook / S. Yu. Golovina. – Moscow : Delo, 2003. – 254 p.

Kolobova S. V. Labor law of Russia : textbook / S. V. Kolobova, Yu. S. Sergeenko. – 2nd ed., reprint. and additional. – Moscow : Justicinform, 2018.

Korenev A. P. Administrative law of Russia : coursebook / A. P. Korenev. – Moscow : Schit, 2002. – 308 p.

Nikolaev A. G. Conducting an internal audit in cases of breach of duty of keeping public order and security by police-officers : coursebook / A. G. Nikolaev, P. A. Soloshenkov. – Moscow : Schit, 2013. – 51 p.

Sorokin V. D. Administrative procedure : coursebook / V. D. Sorokin. – St. Petersburg : Publishing House of Institute of Law (Saint-Petersburg), 2000. – 536 p.

Strelnikov V. V. Administrative legal aspects of bringing public prosecutors to the disciplinary liability / V. V. Strelnikov // Administrative law and procedure. – 2020. – N. 12.

Для цитирования:

Кардашова И. Б. О дисциплинарной ответственности прокурорских работников // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2023. № 1. С. 94–103.

Recommended citation:

Kardashova I. B. On the disciplinary responsibility of prosecutorial employees // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2023. N. 1 (2). Pp. 94–103.

Сведения об авторе

Кардашова Ирина Борисовна – профессор кафедры основ прокурорской деятельности Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

E-mail: ikardashova@yandex.ru

Information about author

Kardashova Irina Borisovna – Professor of the Department of Fundamentals of Prosecutorial Activity of the University of the Prosecutor's office of the Russian Federation, Doctor of Legal Sciences, Professor

E-mail: ikardashova@yandex.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЗАПРЕТА НА ПОСЕЩЕНИЕ МЕСТ ПРОВЕДЕНИЯ ОФИЦИАЛЬНЫХ СПОРТИВНЫХ СОРЕВНОВАНИЙ В ДНИ ИХ ПРОВЕДЕНИЯ

О. М. Попович, А. В. Ольшевская

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя

Поступила в редакцию 24 апреля 2022 г.

Аннотация: предметом исследования настоящей научной статьи является анализ проблемных аспектов, связанных с механизмом назначения, а также порядком применения и исполнения административного наказания в виде запрета на посещение мест проведения официальных спортивных соревнований в дни их проведения. Также рассмотрены особенности применения данного вида административного наказания к различным субъектам административной ответственности.

Ключевые слова: КоАП РФ, административное наказание, запрет на посещение мест проведения официальных спортивных соревнований в дни их проведения, органы внутренних дел, общественный порядок.

ACTUAL PROBLEMS OF THE APPLICATION OF ADMINISTRATIVE PUNISHMENT IN THE FORM OF A BAN ON VISITING THE VENUES OF OFFICIAL SPORTS COMPETITIONS ON THE DAYS OF THEIR HOLDING

O. M. Popovich, A. V. Olshevskaya

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot

Abstract: the subject of the research of this scientific article is the analysis of problematic aspects related to the mechanism of appointment, as well as the procedure for the application and execution of administrative punishment in the form of a ban on visiting the venues of official sports competitions on the days of their holding. Also, the features of the application of this type of administrative punishment to various subjects of administrative responsibility are considered.

Key words: Administrative Code of the Russian Federation, administrative punishment, a ban on visiting the venues of official sports competitions on the days of their holding, internal affairs bodies, public order.

Для выявления проблем применения административного наказания в виде запрета на посещение мест проведения официальных спортивных соревнований в дни их проведения (далее – административный запрет) рассмотрим его отличительные признаки по отношению к иным видам административных наказаний.

1. Назначение административного запрета может быть только в отношении единственного правонарушения, отраженного законодателем в положениях ст. 20.31 КоАП РФ. Узкая сфера применения обуславливает специфику данной меры административного наказания, выделяя его из всей совокупности иных мер. Учитывая положение ст. 20.31 КоАП РФ, можно прийти к выводу, что её нормы обладают бланкетным характером. В случае, если гражданин уклоняется от соблюдения запретов, которые отражены в п. 5 «Правил поведения зрителей», то такое положение дел будет расцениваться в качестве административного правонарушения. В качестве запретов в «Правилах поведения зрителей» отражаются такие правонарушения, как нахождение под воздействием алкогольных напитков, оскорбления других граждан, продажа входных билетов и т.д.¹

2. Административный запрет имеет конкретный определенный промежуток времени, в течение которого в отношении нарушителя действуют установленные ограничения. Установление срока действия административного наказания характерно для таких административных наказаний, как дисквалификация, административное приостановление деятельности, административный арест и обязательные работы. Но, сравнивая данные меры административного наказания с рассматриваемым нами видом, следует выделить его особенную специфику: если срок исполнения иных наказаний исчисляется в часах или сутках, то административный запрет исчисляется в месяцах или годах. Досрочное прекращение исполнения наказания не действует в отношении административного запрета, аналогичное утверждение характерно и для административного приостановления деятельности.

В данном контексте будет интересным исследование опыта зарубежных стран. Например, в Англии законодатель предусматривает возможность досрочного освобождения правонарушителя от исполнения наказания. Так, положением закона «О футбольных болельщиках» судебный орган правомочен освободить правонарушителя от исполнения наказания. При этом учитываются следующие аспекты: нарушитель отбыл не

¹ Правила поведения зрителей при проведении официальных спортивных соревнований : утверждены Постановлением Правительства РФ от 16 декабря 2013 г. № 1156 (ред. от 30.01.2014) // Собрание законодательства РФ. 2013. № 51. Ст. 6866.

менее 2/3 от общего срока назначенного наказания. Также судебный орган принимает в учет и характер совершенного нарушения, в том числе обращает внимание и на поведение правонарушителя после того, когда в его отношении было вынесено запрещающее распоряжение².

Только данный вид административного наказания имеет самый длительный размер санкции – 7 лет. Столь длительный срок наложения административного запрета обусловлен подходом законодателя, согласно которому организация и проведение спортивных официальных мероприятий имеют высокую общественную важность с точки зрения обеспечения общественной безопасности.

3. Законодатель при регламентации данной меры административного наказания также устанавливает санкции за ее нарушение. Нарушитель должен самостоятельно исполнять данную меру наказания, так как законодатель возлагает на него юридическую обязанность. За невыполнение административного запрета предусмотрена административная ответственность. Неисполнение административного запрета грозит гражданину наложением штрафов, образуя дополнительный состав административного правонарушения, характеризующегося повышенной степенью общественной опасности.

Так, согласно ч. 5 ст. 20.25 КоАП РФ нарушение административного запрета влечет применение административного штрафа в размере 40–50 тысяч рублей или административного ареста в пределах 10–15 суток, что значительно строже санкций ст. 20.31 КоАП РФ.

Для пресечения случаев уклонения от исполнения административного запрета необходимо осуществление идентификации болельщиков автоматизированным способом. Согласно проекту Приказа Министерства спорта РФ планируется создание единой информационной системы идентификации зрителей, которая будет иметь техническую связь с теми стадионами, где обязательна процедура установления личности зрителя. Каждый болельщик для получения идентификационной карты должен пройти в данной информационной системе регистрацию самостоятельно или обратиться за помощью к оператору. Наличие идентификационной карты, формат и технические требования к которой определяются по усмотрению организатора, предоставляет зрителю возможность посещения спортивных соревнований. При оформлении входного билета предполагается установление личности болельщика через единую информационную систему с использованием идентификационной карты, которая обязательно проверяется на предмет принадлежности ее владельцу. Идентификационная карта зрителя также будет использоваться при прохождении

² Понкин И. В., Соловьев А. А., Понкина А. И. Правовое обеспечение противодействия противоправному поведению спортивных болельщиков / под ред. И. В. Понкина. М., 2014. С. 114.

процедуры контроля билетов перед входом на спортивный объект. Если в отношении болельщика будет применен административный запрет, то данные сведения фиксируются в информационной системе, что воспрепятствует доступу на спортивно-массовое мероприятие³.

4. Статья 3.14 и статья 20.31 КоАП РФ предусматривают специфический вид административной ответственности. Универсальность данных статей заключается в том, что законодатель может наложить данный вид административного наказания не зависимо от гражданства лица. Законодателем никоим образом не ограничивается круг субъектов, в отношении которых может быть назначен данный вид административного наказания, что и обеспечивает его специфический вид.

5. В рамках реализации мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении срок действия административного запрета не подлежит сокращению. Здесь можно привести аналогию с такими видами административного наказания, как административный арест и административное приостановление деятельности. Время административного задержания подлежит включению в общий срок административного ареста. Еще одна статья КоАП РФ, а именно ст. 29.6, предусматривает, что срок временного запрета деятельности включает в себя и срок приостановления деятельности на основе выявленных правонарушений. Рассматриваемая же мера административного наказания не предполагает, что в его срок включается время, которое было потрачено на выполнение мер в рамках возбуждения и расследования административного правонарушения.

6. Административный запрет по своей правовой природе никоим образом не предусматривает возможность отсрочки исполнения постановления, в котором отражено назначение данного вида наказания. Здесь можно провести параллель с такими мерами административного наказания, как лишение специального права, административное выдворение за пределы Российской Федерации иностранного гражданина и лица без гражданства и др.

7. И последней, заключительной спецификой административного запрета в рамках системы административных наказаний, установленных российским законодателем, является взаимозаменяемость. Административный запрет в некоторых случаях может быть назначен взамен другого административного наказания. Такого рода особенность и специфика присущи исключительно для предупреждения административного штрафа. Взаимозаменяемость является весьма универсальным инструментом

³ Об утверждении порядка проведения обязательной идентификации личности зрителей официальных спортивных соревнований : проект Приказа Министерства спорта РФ (подготовлен Министерством спорта РФ). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

в рамках производства по делам об административных правонарушениях и назначения конкретного вида наказания. Здесь можно провести параллель с такими видами, как административный штраф и лишение права управления транспортными средствами. Так как для граждан лишение специального права управления автотранспортными средствами является более «болезненным» наказанием, то зачастую судебные органы при рассмотрении дел данной категории назначают административный штраф в установленных законодателем случаях.

Административный запрет в соответствии с ч. 3.6 ст. 4.1 КоАП РФ может быть назначен зарубежным зрителям только в том случае, если суд, изучив имеющиеся уважительные обстоятельства, придет к выводу, что административное выдворение за пределы Российской Федерации будет неоправданным ограничением права зарубежного зрителя на уважение его частной жизни и не будет соответствовать целям административного наказания. Такой принцип, как системность, присущ рассматриваемому виду административного наказания. Налицо прослеживается системная взаимосвязь между назначаемыми видами административного наказания⁴.

Таким образом, исходя из проведенного нами анализа, административный запрет по отношению к иным видам административных наказаний является самостоятельной мерой ответственности, имеющей собственный порядок нормативного закрепления и процессуального применения, а также особый правоограничительный характер. Однако нельзя однозначно сказать, что административный запрет как относительно новый вид наказания является самым строгим или самым мягким административным наказанием.

В зависимости от тяжести совершенного административного правонарушения и других обстоятельств карательная функция административного запрета может иметь различное содержание. Вместе с тем, административный запрет, в силу своих исключительных свойств, заслуживает право находиться в системе административных наказаний.

На сегодняшний день назревает существенная необходимость в выработке абсолютно новых способов и методов разрешения аналогичных проблемных аспектов, на основе которых будет выработана эффективная правоохранительная стратегия обеспечения правопорядка и безопасности при проведении официальных спортивных соревнований.

Выше уже было отмечено, что исполнение постановлений об административном запрете на посещение официальных спортивных соревнований в дни их проведения возлагается на самого правонарушителя. То есть именно он не должен посещать данные мероприятия в течение установленного законодателем срока. Органы внутренних дел при обеспечении правопорядка на данном мероприятии не всегда могут уследить за

⁴ Понкин И. В. Указ. соч.

каждым болельщиком и провести его идентификацию на предмет наличия у него административного наказания в рассматриваемом контексте⁵.

Положения ч. 1 ст. 32.14 КоАП РФ весьма двояко характеризуют момент исполнения данного вида административного наказания. Из исследования норм данной статьи можно сделать вывод, что исполнение постановления может начинаться как с того момента, когда постановление вынесено судебным органом, так и с того момента, когда оно вступило в законную силу.

Правоприменительная практика идет по первому пути. Исполнение постановления об административном запрете начинается с того момента, когда оно выносится, объявляется и вручается правонарушителю. Зачастую на практике имеют место случаи, когда правонарушитель не является на судебное заседание, хотя был уведомлен надлежащим образом в соответствии с законодательством. В данном случае весьма резонен вопрос: кто будет являться исполнителем данного постановления?

После вынесения судебным органом постановления о назначении данного вида административного наказания органы внутренних дел вносят всю информацию в отношении привлекаемого лица в определенный список. При этом законодателем установлен конкретный срок – не более 3 дней после того, как ими были получены копии постановления об административном запрете, который вступил в законную силу⁶.

Учитывая вышесказанное, можно сделать вывод, что в соответствии с положениями Федерального закона «Об исполнительном производстве» данное постановление судьи об административном запрете выступает в качестве исполнительного документа. Учитывая тот факт, что сведения о правонарушителе должны вноситься в соответствующий список в течение 3 дней, то в данный период никакие меры в его отношении применяться не будут. Например, если 10-го числа будет вынесено постановление о назначении в его отношении административного запрета, то только 13-го числа текущего месяца вся информация о данном лице будет внесена в определенные списки. Возникает ситуация, когда некоторое время правонарушитель может посещать официальные спортивные мероприятия, не привлекаясь за это к административной ответственности.

После того, как до должностных лиц доводится постановление о назначении в отношении конкретного лица административного запрета, обращение постановления об административном нарушении закрывается⁷.

⁵ Тимошенко И. В. Административный арест в общей системе административных наказаний // Вестник Таганрогского института управления и экономики. 2015. № 2. С. 43–47.

⁶ Максимов И. В. Система административных наказаний по законодательству Российской Федерации / под ред. Н. М. Кониной. Саратов, 2004.

⁷ Спиридонов П. Е. Административные деликты и административно-деликтное право // Сибирское юридическое обозрение. 2020. № 4. С. 545–557.

Исполнение постановления является одной из ключевых стадий при исполнении данного вида административного наказания. В его рамках предусмотрено его фактическое исполнение. Данная стадия является завершающей.

Достаточная законодательная проработка порядка исполнения постановления о назначении административного запрета позволяет применять данный вид административного наказания весьма часто. Однако данный порядок не лишен недостатков.

Так, официальные спортивные мероприятия могут проводиться и на уровне субъектов РФ и муниципальных образований. В связи с этим необходимо установить административную ответственность на уровне субъектов РФ за нарушение порядка проведения спортивных мероприятий, официально организованных субъектом РФ.

На практике также возникают проблемы, связанные с проверкой исполнения наказания лицом, к которому применен административный запрет, так как оно и обеспечивает его исполнение. КоАП РФ возлагает на МВД РФ только ведение списка лиц, но не исполнение этого наказания.

Наложение исполнения данного вида наказания исключительно на самого правонарушителя не является весьма удачным. Целесообразно обеспечение определенного вида надзора за данным правонарушителем или обеспечение его обязательной явки в правоохранительные органы в день и время проведения официальных спортивных соревнований.

Рассматривая применение данной меры в отношении несовершеннолетних граждан, отдельной проблемой также следует считать то, что компетенцией в части наложения данного вида наказания обладают исключительно судьи. Дела об административных правонарушениях несовершеннолетних на сегодняшний день рассматриваются комиссиями по делам несовершеннолетних, у которых отсутствует компетенция наложения данного вида административной санкции. Что также является весьма существенным упущением законодателя.

На сегодняшний день российское административно-деликтное законодательство требует внесения поправок. В первую очередь необходимо продумать и усовершенствовать механизм назначения, порядок применения и исполнения данного вида наказания. Тогда и административная ответственность будет эффективнее использоваться в отношении тех граждан, которые нарушили правила поведения во время проведения официальных спортивных соревнований.

Библиографический список

Максимов И. В. Система административных наказаний по законодательству Российской Федерации / И. В. Максимов ; под ред. Н. М. Кониной. – Саратов : ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2004. – 88 с.

Об утверждении порядка проведения обязательной идентификации личности зрителей официальных спортивных соревнований : проект Приказа Министерства спорта РФ (подготовлен Министерством спорта РФ). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Понкин И. В. Правовое обеспечение противодействия противоправному поведению спортивных болельщиков / И. В. Понкин, А. А. Соловьев, А. И. Понкина ; под ред. И. В. Понкина. – Москва : Ваш полиграфический партнер, 2014. – 207 с.

Правила поведения зрителей при проведении официальных спортивных соревнований : утверждены Постановлением Правительства РФ от 16 декабря 2013 г. № 1156 (ред. от 30.01.2014) // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 51. – Ст. 6866.

Спиридонов П. Е. Административные деликты и административно-деликтное право / П. Е. Спиридонов // Сибирское юридическое обозрение. – 2020. – № 4. – С. 545–557.

Тимошенко И. В. Административный арест в общей системе административных наказаний / И. В. Тимошенко // Вестник Таганрогского института управления и экономики. – 2015. – № 2. – С. 43–47.

References

Maksimov I. V. The system of administrative penalties under the legislation of the Russian Federation / I. V. Maksimov ; ed. by N. M. Konin. – Saratov : GOU VPO “Saratov State Academy of Law”, 2004. – 188 p.

On approval of the procedure for mandatory identification of the spectators of official sports competitions : draft Order of the Ministry of Sports of the Russian Federation (prepared by the Ministry of Sports of the Russian Federation). – Mode of access from help.-legal system “ConsultantPlus”.

Ponkin I. V. Legal support for countering illegal behavior of sports fans / I. V. Ponkin, A. A. Soloviev, A. I. Ponkina ; ed. by I. V. Ponkin. – Moscow : Your printing partner, 2014. – 207 p.

Rules of behavior of spectators during official sports competitions : approved by the Decree of the Government of the Russian Federation dated 16 December 2013 N. 1156 (ed. dated 30.01.2014) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2013. – N. 51. – St. 6866.

Spiridonov P. E. Administrative torts and administrative-tort law / P. E. Spiridonov // Siberian Legal Review. – 2020. – N. 4. – P. 545–557.

Tymoshenko I. V. Administrative arrest in the general system of administrative penalties / I. V. Tymoshenko // Bulletin of the Taganrog Institute of Management and Economics. – 2015. – N. 2. – P. 43–47.

Для цитирования:

Попович О. М., Ольшевская А. В. Актуальные проблемы применения административного наказания в виде запрета на посещение мест проведения официальных спортивных соревнований в дни их проведения // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2023. № 1. С. 104–112.

Recommended citation:

Popovich O. M., Olshevskaya A. V. Actual problems of the application of administrative punishment in the form of a ban on visiting the venues of official sports competitions on the days of their holding // *Journal of Legal Anthropology and Conflictology*. 2023. N. 1 (2). Pp. 104–112.

Сведения об авторах

Попович Оксана Михайловна – доцент Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, доцент кафедры административного права, кандидат юридических наук

E-mail: oxana_popovich@mail.ru

Ольшевская Анна Владимировна – доцент Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, доцент кафедры административного права, кандидат юридических наук

E-mail: Anna-olshevskaya@mail.ru

Information about authors

Popovich Oxana Mihailovna – Associate Professor of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot, Associate Professor of the Department of Administrative Law, Candidate of Legal Sciences

E-mail: oxana_popovich@mail.ru

Olshevskaya Anna Vladimirovna – Associate Professor of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot, Associate Professor of the Department of Administrative Law, Candidate of Legal Sciences

E-mail: Anna-olshevskaya@mail.ru

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СИСТЕМЕ МЕХАНИЗМА ПРИВЛЕЧЕНИЯ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

И. С. Завьялова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 25 июля 2022 г.

Аннотация: научная статья посвящена рассмотрению вопроса о влиянии цифровых технологий на процесс привлечения к административной ответственности. Исследование проводится по двум направлениям: внесудебное и судебное привлечение к административной ответственности. Внедрение цифровых технологий в данную сферу оценивается с позиций полезности и конфликтности для всех участников процесса. В ходе исследования делается вывод о том, что наряду с появлением большого количества полезных, положительных моментов в связи с переходом на «цифру» выявляется ряд конфликтологических аспектов (порождаются новые юридические конфликты), которых весьма немного, но они существенны по своему содержанию. Факт возникновения юридических конфликтов в результате применения цифровых технологий также подтверждается собранным эмпирическим материалом. В заключении обосновывается необходимость проведения экспертной оценки внедряемых цифровых технологий на предмет установления рисков возникновения юридических конфликтов.

Ключевые слова: цифровизация, цифровая технология, искусственный интеллект, юридическая ответственность, административная ответственность, механизм привлечения к юридической ответственности, административное судопроизводство, риски внедрения цифровых технологий, юридические конфликты.

DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE SYSTEM OF THE MECHANISM OF BRINGING TO ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY: THE CONFLICTOLOGICAL ASPECT

I. S. Zavyalova

Voronezh State University

Abstract: the article is devoted to the consideration of the impact of digital technologies on the process of bringing to administrative responsibility. The

study is conducted in two directions: extrajudicial and judicial bringing to administrative responsibility. The introduction of digital technologies in this area is evaluated from the standpoint of usefulness and conflict for all participants in the process. The study concludes that along with the appearance of a large number of useful, positive aspects in connection with the transition to the "digital", a number of conflictological aspects are revealed (new legal conflicts are generated), which are very few, but they are significant in their content. The fact of legal conflicts arising as a result of the use of digital technologies is also confirmed by the collected empirical material. In conclusion, the necessity of conducting an expert assessment of the implemented digital technologies in order to establish the risks of legal conflicts is justified.

Key words: digitalization, digital technology, artificial intelligence, legal responsibility, administrative responsibility, the mechanism of bringing to legal responsibility, administrative proceedings, risks of introducing digital technologies, legal conflicts.

Процесс цифровизации российского государства мы обсуждаем уже не один год. Научному анализу подвергаются цели внедрения цифровых технологий во все сферы деятельности государства; промежуточные и итоговые результаты их применения в практической деятельности субъектами государственной власти; нормативные правовые акты, регламентирующие сам факт существования таких технологий, а также процесс их применения; ряд других вопросов данной сферы¹.

Весьма активно работа по внедрению цифровых технологий осуществляется и в сфере юридической деятельности. Например, такие технологии постепенно начинают применяться в правоприменительной деятельности органов полиции, прокуратуры, суда. Это, в свою очередь, заставляет нас задуматься о том, что в большинстве своём приносит цифровизация таких сфер деятельности государства: благо или порождение юридического конфликта?

В данной статье нам хотелось бы остановиться на рассмотрении обозначенного вопроса применительно к процессу привлечения к юридической ответственности. И это не просто научное любопытство, а реальное желание оценить с позиции эффективности, полезности появление цифровых технологий в весьма важной сфере практической юриспру-

¹ См., напр.: *Добролюбова Е. И.* Цифровое будущее государственного управления по результатам. М., 2019. С. 101; *Шаулова Т. В.* Цифровизация и эффективность государственного управления // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. 2019. Т. 10, № 2(39). С. 243–252; *Скидан А. В.* Цифровизация как фактор повышения результативности государственного управления : проблемы и направления развития // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 1. С. 71–76; *Зубарев С. М.* Правовые риски цифровизации государственного управления // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 6. С. 23–32.

денции. Ведь речь идет о применении мер принуждения, о возникновении у виновного лица неблагоприятных последствий различной степени сложности. И, конечно, у каждого из нас возникает вопрос: что влечет за собой применение цифровых технологий в этой деятельности – ускорение процесса правоприменительной деятельности, исключение коррупционного фактора, исключение или, наоборот, появление факта нарушения прав и свобод человека и гражданина, усложнение деятельности всех участников процесса? В связи с этим обозначенный вопрос не может быть оставлен учеными и практиками без должного внимания.

В своем исследовании мы не ставили цель проанализировать влияние цифровых технологий на процесс привлечения ко всем видам юридической ответственности, а остановились на таком её виде, как административная.

Применительно к административной ответственности весьма обсуждаемым на сегодняшний день является вопрос о применении цифровых технологий в процессе привлечения к данному виду ответственности за нарушения в области безопасности дорожного движения по информации, зафиксированной автоматическими средствами фото- и видеофиксации².

Начнем с того, что существуют некоторые процессуальные особенности привлечения к административной ответственности за административные правонарушения, выявленные таким образом:

- поводом для возбуждения административного дела служат данные автоматической фото- и видеофиксации дорожной ситуации, которые обрабатываются в специализированных центрах автоматической фиксации административных правонарушений в области дорожного движения;
- субъектом таких правонарушений всегда выступает только собственник транспортного средства;
- постановление о привлечении к данному виду ответственности выносится без составления протокола об административном правонарушении и без участия самого субъекта правонарушения, посредством применения цифровой технологии – электронная база учета данных собственников транспортных средств;
- копия постановления по делу об административном правонарушении направляется лицу, в отношении которого принято решение, посредством почтовой связи (заказное письмо с уведомлением) или в форме электронного документа, подписанного усиленной квалифицированной

² См., напр.: *Тихалева Е. Ю.* Вопросы административной ответственности за правонарушения в области дорожного движения, зафиксированные средствами фото-, видеофиксации // Вестник ВГУ. Сер.: Право. 2017. № 3. С. 168–175; *Дымберов А. Д.* О некоторых вопросах административной ответственности собственников (владельцев) транспортных средств за правонарушения в области дорожного движения // Вестник московского университета МВД России. 2018. № 2. С. 145–149.

электронной подписью уполномоченного должностного лица, посредством Единого портала государственных и муниципальных услуг.

На первый взгляд, описанные особенности являются весьма привлекательными, поскольку:

– во-первых, упрощается работа должностных лиц по фиксации нарушений правил дорожного движения, что позволяет руководителям соответствующих органов власти ориентировать личный состав на выявление, фиксацию и расследование иных составов административных правонарушений, а это способствует большему укреплению законности и правопорядка в государстве;

– во-вторых, факт выявленного правонарушения не влечет составления соответствующих процессуальных документов, т.е. протокола об административном правонарушении;

– в-третьих, четко определено лицо, которое должно быть привлечено к административной ответственности за выявленное правонарушение, т.е. нет необходимости в административном расследовании и доказывании наличия или отсутствия вины в совершенном правонарушении, что опять же позволяет сотрудникам больше времени уделить процессу административного расследования по иным административным делам;

– в-четвертых, лицо, которое привлечено к административной ответственности по таким фактам, не выходя из дома может ознакомиться и с самим постановлением о привлечении его к административной ответственности, и с материалами административного дела, которые послужили основанием для привлечения к ответственности, при условии, что у лица имеется возможность работы на платформе Единого портала государственных и муниципальных услуг;

– в-пятых, применение таких технологий обеспечивает минимизацию совершения правонарушений в области дорожного движения, поскольку обеспечивается круглосуточный контроль за движением транспортных средств по дорогам, что значительно повышает эффективность надзора за соблюдением правил дорожного движения;

– в-шестых, существенно снижается количество латентных административных правонарушений;

– в-седьмых, значительно увеличивается федеральный и местный бюджет, поскольку такие средства позволяют выявлять в значительной степени больше фактов нарушения правил дорожного движения, а соответственно увеличивается и количество выписанных штрафов. Например, в 2019 году отмечалась рекордная сумма, на которую были выписаны административные штрафы, – 100 млрд рублей.

Однако анализ практики привлечения виновных лиц к административной ответственности по обозначенному алгоритму на фоне позитивных характеристик, указанных выше, позволяет нам говорить и о нега-

тивных последствиях использования цифровых технологий в данном процессе.

В качестве первого недостатка можно назвать техническое несовершенство самих средств автоматической фото- и видеофиксации правонарушений. В итоге мы получаем информацию с различного рода ошибками, например:

- в ситуации, когда в зоне контроля комплекса автоматической фото- и видеофиксации дорожных правонарушений движение осуществляет сразу несколько транспортных средств, весьма сложно определить конкретное транспортное средство нарушителя правил дорожного движения;

- ошибки, связанные с точным распознаванием государственного регистрационного номера транспортного средства нарушителя правил дорожного движения. На практике очень часто встречаются случаи привлечения к ответственности собственника транспортного средства с похожими государственными регистрационными знаками;

- технический сбой в работе комплекса автоматической фото- и видеофиксации дорожных правонарушений, что приводит снова либо к недостоверной информации о самом факте административного правонарушения, либо к привлечению в качестве виновного лица собственника иного транспортного средства.

Эти ошибки являются наиболее распространенными, как показывает практика обжалования вынесенных постановлений по данным административным делам.

Другим недостатком применения цифровых технологий в рассматриваемом механизме является привлечение к административной ответственности именно собственника транспортного средства. Конечно, законодатель предусмотрел возможность обжалования этого факта, но только представим себе, сколько времени и усилий необходимо потратить на установление так называемой объективной истины по делу.

Также этот недостаток весьма серьезно отражается на процессе прохождения государственной службы лицами (собственниками транспортных средств), которые являются сотрудниками полиции, органов прокуратуры, суда и иных государственных органов, если они были привлечены к административной ответственности по такому алгоритму, но на момент нарушения правил дорожного движения не управляли транспортным средством, т.е. не совершали административное правонарушение. Специальными подразделениями указанных структур ежемесячно проводится мониторинг привлечения таких сотрудников к административной ответственности. В случае выявления данных фактов руководителем соответствующего государственного органа проводится служебная проверка. Если сотрудник в действительности не нарушал правила дорожного движения, а был привлечен к ответственности как собственник транс-

портного средства, на котором и было совершено это правонарушение, то эта ситуация все равно ведет к возникновению юридического конфликта, созданию для него неблагоприятных последствий различного характера.

Далее рассмотрим влияние цифровых технологий на процесс привлечения к административной ответственности в рамках административного судопроизводства. Если говорить в общем, то цифровизация такой деятельности осуществляется по следующим основным направлениям:

- подача иска в электронном виде;
- оценка электронных доказательств;
- возможность получения документов от суда в электронном виде.

Что касается первого направления, то вопрос применения цифровых технологий предельно ясен. Такая процедура четко регламентирована ч. 2 ст. 45 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации³. Согласно данной норме административным истцам предоставлена возможность выбора формы подачи документов в суд, в том числе существует и электронная форма. Детально процедура регламентирована Приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27 декабря 2016 г. № 251 (в ред. от 17.11.2021 г.) «Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа»⁴ и Приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 29 апреля 2003 г. № 36 (в ред. от 22.12.2021 г.) «Об утверждении Инструкции по судебному делопроизводству в районном суде» (п. 2.1. Особенности делопроизводства по приему, учету, регистрации документов, поступивших в суд в электронном виде, в том числе в форме электронного документа, в рамках административного, гражданского и уголовного судопроизводства, а также направлению судом судебных актов в форме электронных документов)⁵.

Анализ практики реализации данных нововведений позволяет говорить о значительном упрощении в действиях административных истцов, и это, без всяких сомнений, оценивается как положительное влияние цифровых технологий в области административного судопроизводства.

³ Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации. URL: // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_176147/ (дата обращения: 01.06.2022 г.).

⁴ Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа : приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27 декабря 2016 г. № 251 (в ред. от 17.11.2021 г.). URL: // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_209690/ (дата обращения: 01.06.2022 г.).

⁵ Об утверждении Инструкции по судебному делопроизводству в районном суде : приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 29 апреля 2003 г. № 36 (в ред. от 22.12.2021 г.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_42700/ (дата обращения: 01.06.2022 г.).

Второе направление деятельности суда – это оценка им электронных доказательств. Данная процедура осуществляется по определенным критериям, среди которых:

- надежность способа, с помощью которого подготавливались, хранились или передавались электронные доказательства;
- надежность способа, с помощью которого обеспечивалась целостность информации;
- надежность способа, с помощью которого идентифицировался составитель;
- правильность способа фиксации информации⁶.

Анализ судебной практики показывает, что не всегда электронные доказательства отвечают указанным требованиям. Следовательно, если в суд будет предоставлено электронное доказательство, целостность которого нарушена, то это может привести соответственно к возможному искажению информации, содержащейся на данном электронном носителе, что не позволит установить объективную истину по делу. И уже этот факт позволяет нам говорить о возникновении юридического конфликта в связи с внедрением цифровых технологий в рассматриваемое направление административного судопроизводства.

Ну и что касается третьего направления – возможности получения документов от суда в электронном виде, то, безусловно, можно говорить только лишь о позитивном влиянии цифровизации, так как значительно упрощается сама процедура, что приводит к существенной экономии времени.

Таким образом, влияние цифровых технологий на административное судопроизводство также является двойственным, но в большей степени, конечно, положительным. При этом необходимо отметить, что негативные аспекты немногочисленны, но весьма существенны по своему содержанию и последствиям.

Что же касается дальнейшего внедрения в административное судопроизводство более мощных цифровых технологий, таких как искусственный интеллект, то здесь уместно вспомнить выступление на пленарном заседании VI Московского юридического форума по теме «Судебная власть в условиях современных цифровых технологий» председателя Совета судей Российской Федерации В. В. Момотова. В докладе «Перспективы использования искусственного интеллекта в судебной системе Российской Федерации»⁷ он анализировал возможности внедрения таких

⁶ Морозова Г. А., Губайдуллина Э. Х. Цифровые технологии в административном судопроизводстве // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 4-2(43). С. 191.

⁷ Выступление Момотова В. В. на пленарном заседании VI Московского юридического форума по теме «Судебная власть в условиях современных цифровых технологий» (МГЮА(У), 4 апреля 2019 г.). URL: // <http://www.ssrif.ru/news/vystupleniia-intierv-iu-publikatsii/32548> (дата обращения: 02.06.2022 г.).

цифровых технологий и пояснил, что система искусственного интеллекта никогда не сможет проникнуть в глубину человеческой психики. Такая система может производить оценку обстоятельств дела лишь с точки зрения формальной логики. Однако он допустил применение искусственного интеллекта, «электронного судьи» в приказном производстве. На основе слабого искусственного интеллекта в России уже применяется сервис «Правосудие онлайн», что и должно быть основой цифрового правосудия. Суть данного сервиса заключается в дистанционном обращении в суд в электронном формате, в дистанционном направлении судебных извещений, в дистанционном получении судебных актов или их копий, а также предусматривается возможность дистанционного участия в процессе.

Такая позиция применима и к ситуации, когда к административной ответственности привлекает не суд, а должностное лицо иного государственного органа.

Завершая наши рассуждения о влиянии цифровых технологий на процесс привлечения к административной ответственности, хотелось бы поделиться с научным сообществом результатами анкетирования, которое было проведено на площадке научно-исследовательской лаборатории Научно-образовательного центра юридической антропологии и конфликтологии юридического факультета Воронежского государственного университета⁸. В III–IV квартале 2021 года стартовал I этап научно-исследовательского проекта, направленного на анализ качества и эффективности процесса разрешения юридических конфликтов сотрудниками/работниками органов государственной власти, адвокатуры, организаций и учреждений, разрешающими в процессе своей деятельности конфликтные ситуации. С целью выявления научно-практических проблем и потребностей в процессе разрешения юридических конфликтов различных видов и применения правовых технологий их разрешения был проведен анкетный опрос сотрудников/работников более 400 органов власти и организаций, деятельность которых связана с разрешением таких конфликтов (рис. 1).

Для проблематики, обозначенной в научной статье, интерес представляют два вопроса из анкеты (рис. 2, 3).

Итоги анкетирования также подтверждают двойственность влияния процесса внедрения цифровых технологий на результаты правоприменительной деятельности органов государственной власти в целом и на механизм привлечения к административной ответственности в частности. С одной стороны, мы встречаем весьма высокий процент «ЗА» то, что цифровые технологии повысят качество процесса разрешения юридиче-

⁸ Научно-образовательный центр юридической антропологии и конфликтологии. URL: http://www.law.vsu.ru/ac/?page_id=2878

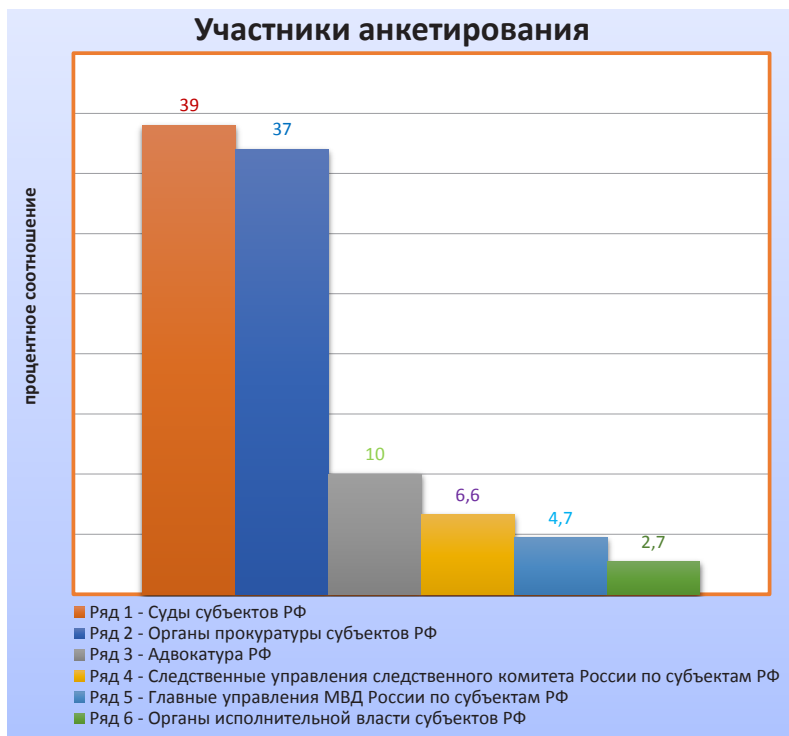

Рис. 1

Рис. 2. Вопрос № 1. Оцените влияние цифровизации всех направлений деятельности государства на количество юридических конфликтов

Рис. 3. Вопрос № 2. Оцените влияние цифровизации деятельности органов государственной власти на процесс разрешения юридических конфликтов

ских конфликтов; с другой стороны, 40 % респондентов уверены в том, что внедрение цифровых технологий во все направления деятельности государства увеличит количество юридических конфликтов.

Кроме того, полученные результаты анкетирования были обсуждены научным сообществом в рамках Международной научно-практической конференции «Юридические конфликты современного мира», проведенной в феврале 2022 года на базе дискуссионной площадки Научно-образовательного центра юридической антропологии и конфликтологии. География участников конференции получилась весьма обширной, включая коллег из Китайской Народной Республики, Республики Беларусь, Республики Таджикистан, Республики Эквадор, а также многих российских городов – Москвы, Санкт-Петербурга, Рязани, Екатеринбурга, Иваново, Самары, Ставрополя, Астрахани, что позволило достаточно серьезно дискутировать о влиянии цифровых технологий на правоприменительную деятельность в целом и на механизм привлечения к административной ответственности в частности.

Таким образом, внедрение цифровых технологий без всяких сомнений, – это благо. Но юридическая практика показывает, что существующий алгоритм цифровой трансформации может приводить и к негативным последствиям, например к юридическим конфликтам. В связи с этим мы полагаем, что цифровизация любого направления деятельности государства должна осуществляться после предварительной экспертной оценки рисков внедрения соответствующих цифровых технологий.

Библиографический список

Добролюбова Е. И. Цифровое будущее государственного управления по результатам / Е. И. Добролюбова. – Москва : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019. – С. 101.

Дымберов А. Д. О некоторых вопросах административной ответственности собственников (владельцев) транспортных средств за правонарушения в области дорожного движения / А. Д. Дымберов // Вестник московского университета МВД России. – 2018. – № 2. – С. 145–149.

Зубарев С. М. Правовые риски цифровизации государственного управления / С. М. Зубарев // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – № 6. – С. 23–32.

Морозова Г. А. Цифровые технологии в административном судопроизводстве / Г. А. Морозова, Э. Х. Губайдуллина // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2020. – № 4-2(43). – С. 191.

Скидан А. В. Цифровизация как фактор повышения результативности государственного управления : проблемы и направления развития / А. В. Скидан // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2021. – № 1. – С. 71–76.

Тихалева Е. Ю. Вопросы административной ответственности за правонарушения в области дорожного движения, зафиксированные средствами фото-, видеофиксации / Е. Ю. Тихалева // Вестник ВГУ. Серия: Право. – 2017. – № 3. – С. 168–175.

Шаулова Т. В. Цифровизация и эффективность государственного управления / Т. В. Шаулова // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. – 2019. – Т. 10, № 2(39). – С. 243–252.

References

Dobrolyubova E. I. Digital future of public administration by results / E. I. Dobrolyubova. – Moscow : Publishing House «Delo» RANEPА, 2019. – P. 101.

Dymberov A. D. On some issues of administrative responsibility of owners (owners) of vehicles for offenses in the field of traffic / A. D. Dymberov // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2018. – N. 2. – P. 145–149.

Morozova G. A. Digital technologies in administrative proceedings / G. A. Morozova, E. H. Gubaidullina // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2020. – N. 4-2(43). – P. 191.

Shaulova T. V. Digitalization and efficiency of public administration / T. V. Shaulova // Scientific papers of the Northwestern Institute of Management of the RANEPА. – 2019. – Vol. 10, N. 2(39). – P. 243–252.

Skidan A. V. Digitalization as a factor of increasing the effectiveness of public administration : problems and directions of development / A. V. Skidan // State and municipal administration. Scientific notes. – 2021. – N. 1. – P. 71–76.

Tikhaleva E. Yu. Questions of administrative responsibility for offenses in the field of traffic recorded by means of photo, video fixation / E. Yu. Tikhaleva // Bulletin of the VSU series of Law. – 2017. – N. 3. – P. 168–175.

Zubarev S. M. Legal risks of digitalization of public administration / S. M. Zubarev // Actual problems of Russian law. – 2020. – N. 6. – P. 23–32.

Для цитирования:

Завьялова И. С. Цифровые технологии в системе механизма привлечения к административной ответственности : конфликтологический аспект // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2023. № 1. С. 113–124.

Recommended citation:

Zavyalova I. S. Digital technologies in the system of the mechanism of bringing to administrative responsibility : the conflictological aspect // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2023. N. 1 (2). Pp. 113–124.

Сведения об авторе

Завьялова Ирина Сергеевна – доцент кафедры теории и истории государства и права Воронежского государственного университета, кандидат юридических наук

E-mail: irina944978@mail.ru

Information about author

Zavyalova Irina Sergeevna – Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of Voronezh State University, Candidate of Legal Sciences

E-mail: irina944978@mail.ru

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ЗЕМЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Д. С. Шелестов

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 15 июля 2022 г.

Аннотация: в статье подчеркивается роль терминологии в юридической сфере, рассматриваются проблемы использования ряда терминов в системе земельного законодательства. Автор анализирует обоснованность выделения земельно-правовой ответственности как самостоятельного вида юридической ответственности и использование термина «земельные правонарушения». Рассматривается обоснованность и практическая значимость использования терминов «вред», «убыток», «ущерб» в земельном законодательстве. Анализируется универсальный характер терминов, обозначающих субъектный состав участников земельных правоотношений, в контексте юридической ответственности.

Ключевые слова: терминология, земельно-правовая ответственность, земельные правонарушения, вред, убыток, ущерб в земельном законодательстве, субъектный состав участников земельных правоотношений, в контексте юридической ответственности.

TERMINOLOGICAL BASIS OF LEGAL LIABILITY FOR VIOLATION OF LAND LEGISLATION: ISSUES OF THEORY AND PRACTICE

D. S. Shelestov

Voronezh State University

Abstract: in the article the role of terminology in the legal sphere is underlined, the problems of using a number of terms in the system of land legislation are considered. The author analyzes the reasonableness of the allocation of the land legal responsibility as a separate type of legal responsibility and the usage of the term “land offenses”. The reasonableness and practical significance of the usage of the terms “harm”, “damage”, “loss” in the land legislation are concerned. The universal character of the terms, denoting the subject composition of the participants of land legal relations, in the context of legal responsibility is analyzed.

Key words: terminology, land legal liability, land offenses, harm, loss, damage in land legislation, subject composition of participants in land legal relations, in the context of legal liability.

Определив точно значения слов, вы избавите человечество от половины заблуждений.

Рене Декарт

Обзор литературы, посвященной изучению терминологии, позволяет полагать, что появление и развитие терминологии началось задолго до ее научного осмысления и выработки критериев отнесенности тех или иных единиц к терминологической лексике¹. Как отмечает М. А. Чигашева, эти процессы происходили изоморфно стихийному возникновению и эволюции денотатов и соответствующих им понятий, причем на базе общелитературного языка, что позволяет рассматривать терминологию именно как часть его лексико-семантической системы².

Анализ источников, посвященных проблемам создания, развития и описания терминологических систем различных отраслей знания, показал, что изучение терминов осуществлялось и продолжает изучаться в рамках различных наук³.

На сегодняшний день понятие «термин» трактуется специалистами с различных точек зрения. Так, например, в словаре по логике приводится следующее толкование «термина»: «Термин (от. лат *terminus* – граница, предел, конец ч.-л.) – 1) в самом широком смысле – слово или словосочетание естественного языка, обозначающее предмет (реальный или абстрактный). В связи с таким пониманием Т. постоянно обсуждается вопрос о значении, смысле Т., употребляемого в том или ином контексте, т.к. обычный язык многозначен; 2) Т. в науке – слово или словосочетание, используемое для обозначения предметов в пределах той или иной науки, научной теории. В этом случае Т. отличается однозначностью, к их введению в науку предъявляются особые требования. В логике Т. – слово, имя для предметов универсума (см.: *Универсум рассужде-*

¹ См.: Хакиева З. У. Место терминологии в лексической системе языка // Современная филология : материалы I Междунар. науч. конф. (г. Уфа, апрель 2011 г.). Уфа, 2011.

² См.: Чигашева М. А. Исследование терминологической лексики методом семантического поля // Вестник РУДН. Сер.: Лингвистика. 2004. № 6. С. 80–86.

³ См.: Даниленко В. П. Русская терминология. Опыт лингвистического описания. М., 1977; Как работать над терминологией. Основы и методы. Пособие по трудам Д. С. Лотте / отв. ред. В. С. Кулебакин. М., 1968; Канделаки Т. Л. Семантика и мотивированность терминов. М., 1977; Климовицкий Я. А. Термин и обусловленность определения понятия в системе. Проблематика определения терминов в словарях разных типов. Л., 1976; Лаврищев А. И. Многозначность понятий «термин» и «терминология» // Ученые записки Орловского государственного университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки : научный журнал. 2013. № 2 (52); Суперанская А. В., Подольская Н. В., Васильева Н. В. Общая терминология : вопросы теории. М., 1989.

ния, Терм), для обозначения субъекта и предиката суждения, а также для обозначения элементов посылок *силлогизма*⁴. Далее предлагаются определения «термин теоретический» и «термин эмпирический» и делается вывод о том, что «различие между теоретическим и эмпирическим терминами существенно, т. к. иногда важно знать, каким образом обоснована истинность того или иного предположения – эмпирически или с помощью рассуждений. ...Следует иметь в виду различие между теоретическим и эмпирическим терминами, для того чтобы ясно отдавать себе отчет в том, какие из предложений науки обоснованы экспериментально, а какие – лишь подтверждены. Вторые имеют гораздо больше шансов оказаться ложными»⁵.

Определение «термина» с точки зрения философии следующее: 1) имя с оттенком специального (научного) его значения, уточняемого в контексте какой-либо теории или отрасли знания; 2) в античной философии – понятие, фиксирующее устойчивые и непреходящие аспекты реальности в противоположность разнообразным и изменчивым ее чувственным образам; 3) в аристотелевской силлогистике и традиционной логике – элементы суждений, входящих в состав силлогизма: субъекты и предикаты его заключения и посылки»⁶.

В лингвистическом словаре «термин» определяется следующим образом: «Термин англ. Term, фр. Terme, нем. Fachwort, исп. termino, tecnicismo. Слово или словосочетание специального (научного, технического и т.п.) языка, создаваемое (принимаемое, заимствуемое и т.п.) для выражения специальных понятий и обозначения специальных предметов»⁷.

Проблема создания (разработки) правовой терминологии, научная обоснованность и практическая целесообразность внедрения новых терминов, последующее использование данных терминов в юридической научной литературе, в нормативно-правовых актах, в актах правоприменения весьма актуальна для юриспруденции⁸.

Термин является элементом, атомом вербальности. В свою очередь вербальность в контексте лингвистики и лексикологии обеспечивает правильную коммуникацию участников правоотношений, участников судебного процесса, обеспечивает реализацию принципа сочетания уст-

⁴ Ивин А. А., Никифоров А. Л. Словарь по логике. М., 1997. С. 337–339.

⁵ Там же. 338–339.

⁶ Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. М., 1983. С. 681.

⁷ Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966. С. 474.

⁸ Отдельные аспекты указанных проблем были затронуты в рамках Второй ежегодной международной научно-практической конференции «Из архаики в XXI век: юридическая техника», организованной и проведенной Научно-образовательным центром юридической антропологии и конфликтологии юридического факультета Воронежского государственного университета 1 июля 2022 г.

ности и письменности судебного разбирательства, достижения объективной истины по делу.

Таким образом, обоснованность и уместность применения того или иного термина имеет фундаментальное значение для коммуникации, а в контексте юридической науки – для обеспечения стабильности правопорядка и обеспечения законности.

В наших рассуждениях о терминологической основе юридической ответственности за нарушение земельного законодательства остановимся на трех проблемах:

– обоснованность выделения земельно-правовой ответственности как самостоятельного вида юридической ответственности и использование термина «земельные правонарушения»;

– обоснованность и практическая значимость использования терминов «вред», «убыток», «ущерб» в земельном законодательстве;

– универсальность терминов, обозначающих субъектный состав участников земельных правоотношений, в контексте юридической ответственности.

Вопрос о видах юридической ответственности является дискуссионным⁹. Уже в конце XX в. наметилась тенденция выделения наряду с традиционными видами юридической ответственности (уголовная, административная, гражданско-правовая и др.) отраслевых видов юридической ответственности, в том числе семейно-правовой, экологической, муниципальной, налоговой, процессуальной, земельно-правовой и т.д.

Рассуждая и обосновывая появление новых видов юридической ответственности, необходимо выяснить, «чем та или иная, вновь вводимая ответственность, отличается от уже существующих. Другими словами, для того, чтобы обосновать особый вид отраслевой ответственности, недостаточно указать на то, что она наступает за нарушение норм такой-то отрасли или такого-то законодательства. Необходимо показать, что никаким из существующих видов ответственности данная новая ответственность не “перекрывается”, что у нее есть свои особые юридические и фактические основания, что она наступает в особом порядке, адресована особым субъектам, применяется особым кругом лиц, предусматривает особые неблагоприятные последствия и т.д.»¹⁰.

Дискуссия о существовании земельно-правовой ответственности как самостоятельного вида юридической ответственности ведется давно. Суще-

⁹ Детальный анализ дискуссии представлен в работе: Актуальные проблемы теории земельного права России : монография / Е. Н. Абанина, Н. Н. Аверьянова, А. П. Анисимов [и др.] ; под общ. ред. А. П. Анисимова. М., 2020.

¹⁰ Рудковский В. А. О конституционной ответственности // Конституция России и формирование правового государства. К 10-летию принятия Конституции Российской Федерации : материалы Межвуз. науч.-практ. конф. Волгоград : ВА МВД России, 2004. С. 24–31.

ствуют как сторонники, так и противники обоснованности и практической значимости существования данного вида юридической ответственности.

Чаще земельно-правовую ответственность рассматривают в контексте административно-правовой либо гражданско-правовой ответственности.

По мнению ряда ученых, главным аргументом «за» самостоятельность земельно-правовой ответственности можно считать отсутствие в действующем КоАП РФ особой санкции в виде прекращения прав на земельный участок, в то время как принудительное прекращение прав на земельный участок ввиду неиспользования земельного участка по целевому назначению или использования земельного участка с нарушением законодательства РФ предусмотрено ст. 284–286 ГК РФ, ст. 45, 54, 54.1 Земельного кодекса РФ, ст. 6 Федерального закона от 24 июля 2002 г. № 101-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения». Невозможно отнести эту санкцию и к гражданско-правовой ответственности, поскольку диспозиции норм гражданского законодательства, предусматривающего изъятие земель в качестве меры ответственности за соответствующие правонарушения, имеют бланкетный характер и содержат отсылку к нормам земельного законодательства¹¹.

В правоприменительной практике остается фундаментальным подход, согласно которому за нарушение земельного законодательства возможна уголовная, административная, гражданско-правовая или трудовая ответственность (материальная или дисциплинарная). Автору статьи не встречались правоприменительные акты, в которых использовалась соответствующая терминология и лицо, виновное в нарушении земельного законодательства привлекалось к земельно-правовой ответственности. Продолжают существовать риторические вопросы: в чем заключается практическое значение формирования данного понятия? Какую пользу это может принести правопорядку?

По нашему мнению, земельно-правовая ответственность является лишь концептом¹², практическая значимость которого в настоящее время весьма туманна. Используя логический подход к описанию термина, сделаем предположение, что земельно-правовая ответственность является термином теоретическим, а не эмпирическим.

В статьях 74–76 Земельного кодекса РФ (далее – ЗК РФ) используется категория –«земельные правонарушения».

Легального определения термина «земельные правонарушения» ЗК РФ не содержит, да и сама глава XIII ЗК РФ, в которую помещены соответ-

¹¹ См.: Корчагина Е. С., Лунина Н. А. Земельное право Российской Федерации : курс лекций : учебное пособие для бакалавриата. Воронеж, 2022. С. 109–117.

¹² См.: Кравченко А. В. Что изучает концептология? // Функционально-когнитивный анализ языковых единиц и его аппликативный потенциал : материалы 1-й междунар. конф. 5–7 окт. 2011. Барнаул, 2011. С. 248–251.

ствующие статьи, почему-то называется «Ответственность за правонарушения в области охраны и использования земель», а не «Ответственность за земельные правонарушения».

В соответствии со ст. 74–76 ЗК РФ за земельные правонарушения предусмотрена административная, уголовная, дисциплинарная ответственность и обязанность возмещения вреда, причиненного земельными правонарушениями.

В иных актах земельного законодательства также не наблюдается логическая последовательность использования термина «земельные правонарушения». В соответствии со ст. 29 Федерального закона от 16 июля 1998 г. № 101-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «О государственном регулировании обеспечения плодородия земель сельскохозяйственного назначения» нарушение законодательства Российской Федерации в области обеспечения плодородия земель сельскохозяйственного назначения влечет за собой ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации. Согласно ст. 39 Федерального закона от 10 января 1996 г. № 4-ФЗ (ред. от 08.12.2020) «О мелиорации земель» нарушение законодательства Российской Федерации в области мелиорации земель влечет за собой административную или иную ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации. В статье 40 указанного нормативно-правового акта закреплено положение, согласно которому граждане (физические лица) и юридические лица обязаны возместить убытки, причиненные ими нарушением законодательства Российской Федерации в области мелиорации земель, в порядке, установленном законодательством Российской Федерации.

Учитывая то обстоятельство, что земля, кроме экономического ресурса, является также важнейшим экологическим объектом, обратимся к экологическому законодательству. В соответствии со ст. 75 Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» за нарушение законодательства в области охраны окружающей среды устанавливается имущественная, дисциплинарная, административная и уголовная ответственность в соответствии с законодательством. Возникает вопрос, что имел в виду законодатель, используя термины «имущественная», «дисциплинарная» ответственность. Какое практическое значение имеет использование данных терминов? Обращает на себя внимание то, что в более поздних нормативных правовых актах законодатель отказывается от использования терминов «имущественная», «дисциплинарная». Так, в Лесном кодексе Российской Федерации от 4 декабря 2006 г. № 200-ФЗ закреплено, что лица, виновные в нарушении лесного законодательства, несут административную, уголовную и иную ответственность в порядке, установленном законодательством Российской Федерации (ст. 99), также предусмотрено возмещение вреда, причиненного

лесам и находящимся в них природным объектам (ст. 100). В Водном кодексе Российской Федерации от 3 июня 2006 г. № 74-ФЗ закреплено, что лица, виновные в нарушении водного законодательства, несут административную, уголовную ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации (ст. 68), и также предусмотрено возмещение вреда, причиненного водным объектам вследствие нарушения водного законодательства (ст. 69).

Таким образом, наблюдается отсутствие единства терминологии, используемой законодателем при регламентации юридической ответственности за нарушение земельного и тесно связанного с ним водного, лесного, экологического законодательства.

Соотношение понятий «вред», «ущерб», «убытки» в юриспруденции является дискуссионным, поскольку их четкое законодательное разделение отсутствует. Данные термины широко используются в уголовном, административном, гражданском праве и законодательстве.

С. В. Розина, кандидат юридических наук, доцент, федеральный судья в отставке, в одной из своих работ указывает: «...присутствующие в законе термины “вред” и “ущерб” хотя и являются словами различными по произношению и написанию, но они имеют одинаковое лексическое значение, закон не связывает с ними разное понимание»¹⁵.

И материальный, и нематериальный вред в законе определяется через понятие «вред» или «ущерб». Убытки, в соответствии со ст. 15 ГК РФ, являются денежной формой выражения вреда и ущерба.

По смыслу ст. 1064 ГК РФ вред, ущерб рассматривается как всякое уменьшение охраняемого законом блага, любые неблагоприятные изменения в охраняемом законом интересе, которое может быть как имущественным, так и неимущественным, нематериальным (Определение ВС РФ от 27 января 2015 г. № 81-КГ14-19).

Использование федеральным законодателем различных терминов «вред», «ущерб», «убытки» не влияет на порядок их возмещения (компенсации), установленный в ст. 125, 1069, 1071 ГК РФ. То есть с практической точки зрения не имеет значения.

В земельном законодательстве используют все три термина «вред», «ущерб», «убытки», однако ясно выраженную логику использования данных терминов заметить крайне сложно.

Приведем ряд примеров использования данных терминов.

В Земельном кодексе РФ:

– возмещение **убытков** при ухудшении качества земель, ограничении прав собственников земельных участков, землепользователей, землевла-

¹⁵ Розина С. В. Основания возникновения обязательств из причинения вреда : законодательство, комментарии, судебная практика. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». 2019.

дельцев и арендаторов земельных участков, правообладателей расположенных на земельных участках объектов недвижимости (ст. 57);

– возмещение **убытков** (ст. 62);

– возмещение **вреда**, причиненного земельными правонарушениями (ст. 76).

Термин «ущерб» в заголовках статей или глав ЗК РФ не используется, однако в тексте статей встречается.

В Федеральном законе от 10 января 1996 г. № 4-ФЗ «О мелиорации земель» ст. 40 названа «Возмещение **убытков**, причиненных нарушением законодательства Российской Федерации в области мелиорации земель». В Федеральном законе от 16 июля 1998 г. № 101-ФЗ «О государственном регулировании обеспечения плодородия земель сельскохозяйственного назначения» ст. 30 озаглавлена «Возмещение **ущерба**, причиненного нарушением законодательства Российской Федерации в области обеспечения плодородия земель сельскохозяйственного назначения».

Использование данных терминов в земельном законодательстве, на наш взгляд, требует упорядоченности и в настоящее время очевидно лишено какой-либо лингвистической, лексической, логической или специально юридической обоснованности.

Общее учение о субъектах права, а также базовые нормы, регламентирующие правоспособность, дееспособность и правосубъектность участников правоотношений, являются предметом науки и отрасли гражданского права (ст. 17–127 ГК РФ).

Согласно ст. 5 ЗК РФ участниками земельных отношений являются граждане, иностранные граждане, лица без гражданства, юридические лица, Российская Федерация, субъекты Российской Федерации, муниципальные образования.

Наряду с данной классификацией закреплены следующие виды субъектов (ч. 3 ст. 5 ЗК РФ):

– собственники земельных участков – лица, являющиеся собственниками земельных участков;

– землепользователи – лица, владеющие и пользующиеся земельными участками на праве постоянного (бессрочного) пользования или на праве безвозмездного пользования;

– землевладельцы – лица, владеющие и пользующиеся земельными участками на праве пожизненного наследуемого владения;

– арендаторы земельных участков – лица, владеющие и пользующиеся земельными участками по договору аренды, договору субаренды;

– обладатели сервитута – лица, имеющие право ограниченного пользования чужими земельными участками (сервитут);

– правообладатели земельных участков – собственники земельных участков, землепользователи, землевладельцы и арендаторы земельных участков;

– обладатели публичного сервитута – лица, имеющие право ограниченного пользования землями и (или) чужими земельными участками, установленное в соответствии с главой V.7 Кодекса.

Как выше отмечалось, унифицированное использование терминологии является общенаучной проблемой, которая не обошла стороной юриспруденцию в целом и отрасль земельного права в частности.

Так, например, в рамках законодательства об административной ответственности используются термины «землепользователь» и «землевладелец». В соответствии со ст. 10.5 КоАП РФ непринятие **землевладельцем** или **землепользователем** мер по уничтожению дикорастущих растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, после получения официального предписания уполномоченного органа, влечет определенные негативные последствия. Ответственность **землепользователей** также предусмотрена ст. 11.22 КоАП РФ.

Буквальное толкование вышеприведенных норм КоАП РФ, в контексте ч. 3 ст. 5 ЗК РФ, позволяет сделать вывод о том, что положения, закрепленные ст. 10.5 и 11.22 КоАП РФ, не применяются к иным участникам земельных правоотношений, перечисленным в ч. 3 ст. 5 ЗК РФ. Другими словами, непринятие, например, собственником земельного участка, обладателем публичного сервитута, арендатором мер по уничтожению дикорастущих растений, содержащих наркотические средства, не образует состава правонарушения, предусмотренного ст. 10.5 КоАП РФ, и по аналогии не образуется для данных субъектов состав, предусмотренный ст. 11.22 КоАП РФ.

Таким образом, законодатель в нормах КоАП РФ не называет весь перечень участников земельных отношений (землевладельцы, арендаторы, собственники, обладатели сервитута), неправомерные действия которых влекут за собой административную ответственность, в связи с чем очевидно возникает проблема, когда необходимо урегулировать поведение данных участников земельных и иных правоотношений.

В связи с этим справедливо мнение В. А. Толстика, который, говоря о «системности юридической терминологии», указывает, что «вся совокупность юридических терминов должна находиться в состоянии иерархичности, взаимосвязи, взаимодействия и непротиворечивости друг другу»¹⁴.

Остается загадкой, почему законодатель не использует обобщающий термин «правообладатели земельных участков». С точки зрения юридической техники также не ясно, зачем в статьях отдельных нормативно-

¹⁴ Толстик В. А. Требования, предъявляемые к юридической терминологии : формально-логическое и социокультурное обоснование // Юридическая техника. 2016. № 10. С. 302–307.

правовых актов перечислять весь перечень участников земельных правоотношений. Например, ст. 19 Закона РФ от 21 февраля 1992 г. № 2395-1 «О недрах» называется «Права собственников земельных участков, землепользователей, землевладельцев, арендаторов земельных участков в целях использования для собственных нужд имеющихся в границах земельных участков общераспространенных полезных ископаемых и подземных вод». Глава VI ЗК РФ называется «Права и обязанности собственников земельных участков, землепользователей, землевладельцев и арендаторов земельных участков при использовании земельных участков».

С учетом п. 3 ст. 5 ЗК РФ вышеприведенные нормы могли бы звучать следующим образом. Например, ст. 19 Закона РФ от 21 февраля 1992 г. № 2395-1 (ред. от 03.08.2018) «О недрах» может называться «Права правообладателей земельных участков в целях использования для собственных нужд имеющихся в границах земельных участков общераспространенных полезных ископаемых и подземных вод». Глава VI ЗК РФ может называться «Права и обязанности правообладателей земельных участков при использовании земель и земельных участков».

Подобное использование терминов решает ряд проблем в правоприменительной практике и юридической технике, а также позволит сократить объемы отдельных нормативно-правовых актов.

Нельзя не согласиться с одним из основателей российской терминологической школы Д. С. Лотте, по мнению которого, терминология любой отрасли знания должна представлять собой определенную систему терминов, которые выражают совокупность специфических понятий, рассматриваемых в конкретной области, а не произвольную совокупность отдельных слов, словосочетаний, символов и т.п.¹⁵

Таким образом, по-прежнему актуальна мысль о необходимости выверенного подхода к использованию терминов и определений в процессе преподавания, в научных изысканиях, в законотворческой деятельности и правоприменительной практике.

Преподавание, наука, законотворческая деятельность и правоприменительная практика являются элементами одной системы. Как известно, некачественность (дефектность) одного из элементов системы снижает КПД системы в целом.

В феврале 2020 г., во время встречи с рабочей группой по подготовке поправок к Конституции России, Президент РФ В. В. Путин назвал русский язык государствообразующим фактором страны и поручил Правительству РФ подготовить законопроект о контроле за грамотностью. В августе 2020 г. было принято Постановление Правительства РФ от 8 августа 2020 г. № 1197 «О Правительственной комиссии по русскому языку» (вместе с «Положением о Правительственной комиссии по русскому языку»).

¹⁵ Как работать над терминологией. Основы и методы. Пособие по трудам Д. С. Лотте.

ку»). Таким образом, весьма вероятно, что в ближайшее время и в сфере юриспруденции будут предприняты меры по унификации и упорядочению терминологии в целях устранения противоречий и повышения эффективности правового регулирования.

Библиографический список

Актуальные проблемы теории земельного права России : монография / Е. Н. Абанина, Н. Н. Аверьянова, А. П. Анисимов [и др.] ; под общ. ред. А. П. Анисимова. – Москва : Юстицинформ, 2020. – 800 с.

Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – Москва : Сов. Энциклопедия, 1966. – 608 с.

Даниленко В. П. Русская терминология. Опыт лингвистического описания / В. П. Даниленко. – Москва : Наука, 1977. – 248 с.

Ивин А. А. Словарь по логике / А. А. Ивин, А. Л. Никифоров. – Москва : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1997. – 384 с.

Как работать над терминологией. Основы и методы. Пособие по трудам Д. С. Лотте / отв. ред. В. С. Кулебакин. – Москва : Наука, 1968. – 76 с.

Канделаки Т. Л. Семантика и мотивированность терминов / Т. Л. Канделаки. – Москва : Наука, 1977. – 167 с.

Климовицкий Я. А. Термин и обусловленность определения понятия в системе. Проблематика определения терминов в словарях разных типов / Я. А. Климовицкий. – Ленинград : Наука, 1976.

Корчагина Е. С. Земельное право Российской Федерации : курс лекций : учебное пособие для бакалавриата / Е. С. Корчагина, Н. А. Лунина. – Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2022. – 292 с.

Кравченко А. В. Что изучает концептология? / А. В. Кравченко // Функционально-когнитивный анализ языковых единиц и его аппликативный потенциал : материалы 1-й междунар. конф. 5–7 окт. 2011. – Барнаул : АлтГПА, 2011. – С. 248–251.

Лаврищев А. И. Многозначность понятий «термин» и «терминология» / А. И. Лаврищев // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки : научный журнал. – Орёл : Издательство ГОУ ВПО «Орловский государственный университет». – 2013. – № 2 (52). – С. 302–305.

Розина С. В. Основания возникновения обязательств из причинения вреда : законодательство, комментарии, судебная практика / С. В. Розина. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – 2019.

Рудковский В. А. О конституционной ответственности / В. А. Рудковский // Конституция России и формирование правового государства. К 10-летию принятия Конституции Российской Федерации : материалы Межвуз. науч.-практ. конф. – Волгоград : ВА МВД России, 2004. – С. 24–31.

Суперанская А. В. Общая терминология : вопросы теории / А. В. Суперанская, Н. В. Подольская, Н. В. Васильева. – Москва : Наука, 1989. – 246 с.

Толстик В. А. Требования, предъявляемые к юридической терминологии : формально-логическое и социокультурное обоснование / В. А. Толстик // Юридическая техника. – 2016. – № 10. – С. 302–307.

Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. – Москва : Сов. Энциклопедия, 1983. – 840 с.

Хакиева З. У. Место терминологии в лексической системе языка / З. У. Хакиева // Современная филология : материалы I Междунар. науч. конф. (г. Уфа, апрель 2011 г.). – Уфа : Лето, 2011. – С. 209–212.

Чигашева М. А. Исследование терминологической лексики методом семантического поля / М. А. Чигашева // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. – 2004. № 6. – С. 80–86.

References

Ahmanova O. S. Dictionary of linguistic terms / O. S. Ahmanova. – Moscow : Sov. Encyclopedia, 1966. – 608 p.

Chigasheva M. A. The research of terminological vocabulary through the method of semantic field / M. A. Chigasheva // Proceedings of RUDN. Series: Linguistics. – 2004. – N. 6. – P. 80–86.

Danilenko V. P. Russian terminology. The experience of linguistic description / V. P. Danilenko. – Moscow : Nauka, 1977. – 248 p.

Hakiyeva Z. U. The place of terminology in language lexical system / Z. U. Hakiyeva // Modern philology : materials of the 1st International scientific conference (Ufa, April 2011). – Ufa : Leto, 2011. – P. 209–212.

How to work with terminology. The bases and methods. The guide to works of D. S. Lotte / ed. by V. S. Kulebakin. – Moscow : Nauka, 1968. – 76 p.

Ivin A. A. Dictionary of logics / A. A. Ivin, A. L. Nikiforov. – Moscow : Humanitarian Publishing House "VLADOS", 1997. – 384 p.

Kandelaki T. L. Semantics and the motivation of terms / T. L. Kandelaki. – Moscow : Nauka, 1977. – 167 p.

Klimovitskii Y. A. The term and the conditioning of the definition of the concept in the system. The problematics of the definition of the terms in the different types of dictionaries / Y. A. Klimovitskii. – Leningrad : Nauka, 1976.

Kravchenko A. V. What does conceptology study? / A. V. Kravchenko // Functional-cognitive analysis of linguistic units and its applicative potential : materials of the 1st international conference 5–7 oct. 2011. – Barnaul : AitGPA, 2011. – P. 248–251.

Lavrishev A. I. Polysemy of the concepts "term" and "terminology" / A. I. Lavrishev // Scholarly notes of the Orel State University. Series "Humanitarian and social sciences" : scientific journal. – Orel : Publishing house of the Orel State University, 2013. – N. 2 (52). – P. 302–305.

Land law of the Russian Federation : a course of lectures / Y. S. Korchagina, N. A. Lunina. – Voronezh : Publishing house of Voronezh State University, 2022. – 292 p.

Philosophical encyclopedic dictionary / ed. by L. F. Ilychyov, P. N. Fedoseev, S. M. Kovalyov, V. G. Panov. – Moscow : Sov. Encyclopedia, 1983. – 840 p.

Rozina S. V. The grounds of origin of the liability for harm: legislation, commentaries, judicial practice / S. V. Rozina. – Mode of access legal system "ConsultantPlus". – 2019.

Rudkovskii V. A. About the constitutional responsibility / V. A. Rudkovskii // Constitution of Russia and the formation of the state governed by the rule of law. To the 10th anniversary of the adoption of the Constitution of Russian Federation : materials of Intercollegiate scientific and practical conference. – Volgograd : Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs, 2004. – P. 24–31.

Superanskaya A. V. Common vocabulary : questions of theory / A. V. Superanskaya, N. V. Podolskaya, N. V. Vasilyeva. – Moscow : Nauka, 1989. – 246 p.

The actual problems of the theory of the land law in Russia : monograph / Y. N. Abanina, N. N. Averyanova, A. P. Anisimov [et all] ; ed. by A. P. Anisimov. – Moscow : Yustitsinform, 2020. – 800 p.

Tolstik V. A. Requirements to the legal terminology : formal-logical and sociocultural justification / V. A. Tolstik // Juridical techniques. – 2016. – N. 10. – P. 302–307.

Для цитирования:

Шелестов Д. С. Терминологическая основа юридической ответственности за нарушение земельного законодательства : вопросы теории и практики // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2023. № 1. С. 125–137.

Recommended citation:

Shelestov D. S. Terminological basis of legal liability for violation of land legislation : issues of theory and practice // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2023. N. 1 (2). Pp. 125–137.

Сведения об авторе

Шелестов Дмитрий Станиславович – доцент кафедры теории и истории государства и права Воронежского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент

E-mail: shelestovDS2014@yandex.ru

Information about author

Shelestov Dmitry Stanislavovich – Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of Voronezh State University, Candidate of Legal Sciences, Docent

E-mail: shelestovDS2014@yandex.ru

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

УДК 340.1

ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПРАВОТВОРЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В. В. Седельник, С. Е. Чебуранова

Гродненский государственный университет им. Янки Купалы

Поступила в редакцию 20 августа 2022 г.

Аннотация: в статье дается анализ специфики становления и развития законодательной регламентации той разновидности юридической техники, которая связана с правотворческой деятельностью. Показывается объективная обусловленность разработки Закона о нормативных правовых актах 2018 года и его регулятивный потенциал. Авторы обращают внимание на достоинства данного Закона, а также на те положения, которые имеют дискуссионный характер. Отмечается, что перспективы развития нормотворческой юридической техники связаны с процессами внедрения цифровых технологий.

Ключевые слова: юридическая техника, закон о нормативных правовых актах, требования нормотворческой техники, законодательство.

PECULIARITIES OF THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF LEGISLATIVE REGULATION OF LAW-MAKING TECHNIQUE IN THE REPUBLIC OF BELARUS

V. V. Sedelnik, S. E. Cheburanova

Grodno State University named after Yanka Kupala

Abstract: the analysis of specificity of formation and development of legislative regulation of that kind of legal technique which is connected with law-making activity is given in the article. The objective necessity of development of the Law on normative legal acts 2018 and its regulatory potential are shown. The authors draw attention to the merits of this Law, as

© Седельник В. В., Чебуранова С. Е., 2023

well as to those provisions that have a controversial nature. It is noted that the prospects for the development of normative legal technique are associated with the processes of implementation of digital technologies.

Key words: legal technique, law on normative legal acts, requirements of normative technique, legislation.

Проблематика юридической техники имеет многогранный характер, обусловленный рядом причин, в числе которых специфика юридической деятельности в различных сферах жизни общества, особенности доктринального осмысления правовых феноменов, а также культурно-цивилизационные аспекты развития правовых систем. Особое значение в усилении внимания ученых правоведов и юристов-практиков к вопросам юридической техники имеют реформы системы права и законодательства, которыми богата отечественная правовая история. После распада СССР все бывшие советские республики вынуждены были в короткое время сформировать национальную систему объективного права, адекватную новым социально-экономическим и политическим реалиям. Необходимо отметить, что в Беларуси еще до официального прекращения существования СССР как государственного образования были сделаны значимые шаги по пути формирования независимой национальной правовой системы. Важнейшим шагом в этом направлении стало принятие 27 июля 1990 года Декларации «О государственном суверенитете Белорусской Советской Социалистической Республики»¹. Данным документом провозглашалось верховенство на территории Беларуси Конституции БССР и ее законов.

Выстраивание объективного права как сердцевины правовой системы происходило отнюдь не стихийно. В 1992 году по инициативе Комиссии по законодательству Верховного Совета Республики Беларусь была разработана Концепция судебной-правовой реформы, конечной целью которой было создание независимой и самостоятельной судебной власти. Следующим шагом стало принятие в 1994 году акта высшей юридической силы – Конституции Республики Беларусь, определившей основы общественного строя, форму правления, организацию центральных и местных органов власти и другие основополагающие институты, нормы и ценности правового государства. Впервые в Беларуси был введен институт президентства.

Создание правовой основы постсоветского белорусского государства осуществлялось весьма интенсивно, в этом процессе принимали участие многие субъекты правотворческой деятельности. Поэтому

¹ Декларация «О государственном суверенитете Белорусской Советской Социалистической Республики» от 27 июля 1990 года. URL: <https://constitutions.ru/?p=2941> (дата обращения: 05.08.2022 г.).

вполне логичным стало образование в октябре 1997 года Национального центра правовой информации, приоритетными направлениями деятельности которого стали формирование информационно-правовых ресурсов различного типа и распространение правовой информации с использованием современных компьютерных технологий, в том числе сети Интернет.

Во второй половине девяностых годов прошлого столетия в процессе становления белорусского права произошел качественный скачок – началась его кодификация. Следует особо подчеркнуть, что процесс кодификации начался с важнейших отраслей частного и публичного права: гражданского, семейного, трудового и уголовного. Одновременно законодатель систематизировал нормы о процессуальной защите прав субъектов соответствующих материальных правоотношений: наряду с традиционными Гражданским процессуальным и Уголовно-процессуальным кодексами был разработан и принят Хозяйственный процессуальный кодекс. За очень короткое время – с 1998 по 2000 год в Республике Беларусь было разработано и принято свыше десяти кодифицированных актов, в том числе Гражданский кодекс, а также ряд кодексов, ранее не известных белорусскому праву – Избирательный и Банковский.

Интенсивная правотворческая деятельность закономерно обусловила повышение внимания к вопросам юридической техники, в особенности той ее разновидности, которая связана с нормотворчеством. Поэтому разработка и принятие на рубеже XX–XXI столетий Закона «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» представляется последовательным шагом белорусского законодателя, направленным на приведение в стройную, единую систему различных правил и норм, связанных с подготовкой и оформлением одного из ведущих источников права – нормативного правового акта. Закон «О нормативных правовых актах Республики Беларусь»² вступил в действие 21 января 2000 года. Он включал 5 разделов, 18 глав и 80 статей, в которых излагались основополагающие требования к нормативным правовым актам, их виды, правила определения их юридической силы, указывались требования к их тексту, порядку принятия и т.д. Не будет преувеличением полагать, что данный законодательный акт способствовал преодолению диффузии (разброса) правил правотворческой техники, которые ранее содержались в актах различного наименования и юридической силы: от Конституции до методических указаний, разрабатывавшихся министерствами и ведомствами.

Закон о нормативных правовых актах регулировал вопросы нормотворческой техники около двух десятилетий. С учетом все возрастающей скорости социальных изменений и, соответственно, динамики законо-

² Закон Республики Беларусь № 361-3 «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» от 10 января 2000 г. URL: <http://belzakon.net> (дата обращения: 20.07.2022 г.).

творчества, время действия этого документа можно считать вполне приемлемым. Специалистами отмечается, что ежегодно в стране принимается порядка 10 тыс. нормативных правовых актов, из которых только 5–8 % являются законодательными актами, около 10 % – постановлениями Правительства, остальные – решениями республиканских и местных органов³. С 1 февраля 2019 года в Республике Беларусь вступил в действие новый Закон «О нормативных правовых актах»⁴ (далее – Закон об НПА 2018 года). В отличие от предыдущего Закона, новый документ содержит только главы – их стало меньше – 10, в нем нет разделов. Количество статей осталось практически прежним – 79.

Остановимся на некоторых его положениях, которые представляются заслуживающими внимания. Прежде всего, неизменной осталась дефиниция нормотворческой техники – как и в предыдущем Законе, под таковой понимается система правил подготовки проектов нормативных правовых актов. Полагаем, что данное определение не самое удачное, поскольку оно является слишком узким, обедняющим содержание нормотворческой техники. Здесь весьма уместным видится вопрос о том, относятся ли к нормотворческой технике правила опубликования нормативных правовых актов, вступления их в силу и некоторые другие предписания, связанные не только с разработкой проектов нормативных правовых актов, но и другими стадиями нормотворческой деятельности.

Требования нормотворческой техники сконцентрированы в главе 4 Закона об НПА 2018 года. Среди такого рода требований закрепляются логичность построения проекта соответствующего акта, краткость, точность изложения правовых предписаний, единство терминологии, ясность, простота и доступность языка его текста, полнота правового регулирования общественных отношений и т.д.

Одной из особенностей Закона об НПА 2018 года является наличие Приложения «Требования нормотворческой техники», которое состоит из 10 глав и 84 пунктов. Впечатляет детальная проработка, если не сказать, скрупулезность регламентирования разнообразных элементов такого рода техники. Для большей наглядности данных требований в Приложении приводятся примеры правильного и неправильного оформления нормативно-правовых актов, в том числе их реквизитов.

Достоинством Закона об НПА 2018 года, на наш взгляд, является то, что в нем содержится более приемлемый вариант разграничения нормативных и ненормативных актов: кардинальное значение законодатель

³ Коваленко Е. И. Планово, оперативно, качественно – новое в законодательстве о нормотворческой деятельности // Право.by. Научно-практический журнал. 2021. № 1. С. 5– 12.

⁴ О нормативных правовых актах : закон Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=108640&ysclid=lgcd8eb09352528790 (дата обращения: 25.07.2022 г.).

придает наличию или отсутствию норм права в соответствующем акте. При этом примечательным моментом является, по нашему мнению, тот факт, что система нормативных правовых актов, согласно ст. 3 данного Закона, представляет не что иное, как законодательство. К законодательству отнесен весьма внушительный перечень таких актов – начиная с Конституции Республики Беларусь и завершая техническими нормативными актами. Согласно ст. 2 Закона об НПА 2018 года к числу законодательных актов отнесены Конституция Республики Беларусь, законы, декреты и указы Президента Республики Беларусь. В соответствии с изменениями и дополнениями Конституции, принятыми на республиканском референдуме 27 февраля 2022 года, Глава государства издает только указы и распоряжения. Декреты как разновидность нормативных актов больше не издаются. К законодательным актам относятся, очевидно, и решения Всебелорусского народного собрания – высшего представительного органа народовластия Республики Беларусь, определяющего стратегические направления развития общества и государства, обеспечивающего незыблемость конституционного строя, преемственность поколений и гражданское согласие. Таким образом, изменения и дополнения в Основной закон белорусского государства корректируют и модель законодательных актов, предусмотренную Законом об НПА 2018 года.

Важной новеллой представляется норма о прогнозировании последствий принятия нормативно-правового акта: установлено, что такое прогнозирование – исследование, направленное на проведение оценки возможности достижения целей издания названного акта, вариантов развития общественных отношений, обусловленных его принятием (изданием), а также анализ последствий непринятия такого акта (ст. 45 Закона об НПА 2018 года). При этом в данном Законе конкретизируются разновидности последствий, которые подлежат оценке при прогнозировании – финансово-экономические, социальные, экологические. Законодатель требует, чтобы соответствующий прогноз осуществлялся на стадии планирования нормотворческой деятельности тем государственным органом, который инициирует подготовку проекта соответствующего нормативного акта.

Еще одним новым положением Закона об НПА 2018 года является закрепление форм публичного обсуждения проектов нормативно-правовых актов. Предусматривается возможность общественного или профессионального обсуждения подобных актов не только путем парламентских слушаний или в средствах массовой информации, но и другими, не противоречащими законодательству способами, например, через глобальную компьютерную сеть Интернет на сайте «Правовой форум Беларуси».

Имеются, на наш взгляд, и такие нормы, которые представляются спорными. Так, весьма неоднозначным выглядит наименование ст. 35

Закона об НПА 2018 года «Меры по обеспечению стабильности правовой системы». В названной статье содержится запрет на внесение изменений в нормативный акт в течение года после его принятия (издания). Правда, запрет имеет гибкий характер – изменения возможны, как правило, на основании требований нормативного акта большей юридической силы. Отметим, что в современной правовой доктрине существует широко признанный подход к правовой системе как категории, охватывающей весьма обширный круг юридических явлений, в том числе правовых норм, связанных между собой, а также осуществление, реализацию этих норм в деятельности субъектов права и, наконец, идейные, концептуальные элементы, отражающие представления о праве и отношении к нему как социальному регулятору со стороны различных слоев общества. Иными словами, система норм права, законодательство выступают сердцевиной правовой системы, но не тождественны ей. Поэтому полагаем, что более верным было бы использовать следующее наименование вышеуказанной статьи: «Меры по обеспечению стабильности законодательства».

Имеются и некоторые другие положения Закона об НПА 2018 года, которые представляются не вполне последовательными и логичными. Например, Постановления Пленума Верховного Суда отнесены к числу актов нормативно-правового характера, а акты Конституционного Суда к числу таковых не отнесены. Думается, что более приемлемым был в этом смысле подход законодателя в Законе о нормативных актах 2000 года, в котором к числу нормативных относились акты и Верховного Суда, и Конституционного Суда.

В целом же можно сделать вывод, что за относительно короткое время в постсоветской Беларуси законодательное обеспечение нормотворческой техники не только сформировалось, но и успешно развивается, обогащаясь новыми правовыми инструментами и средствами. Перспективы же развития юридической техники в сфере нормотворчества связаны, как и в других сферах жизни общества, со все более широким внедрением и использованием цифровых технологий. Именно в этом русле и следует рассматривать Указ Президента Республики Беларусь от 17 ноября 2020 года «О повышении оперативности и качества нормотворческой деятельности»⁵. Уместно заметить, что с 1 июля 2022 года нормотворческая деятельность государственных органов и организаций в полном объеме должна осуществляться посредством новой автоматизированной системы по обеспечению нормотворческого процесса (АИС «Нор-

⁵ О повышении оперативности и качества нормотворческой деятельности [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь от 17 ноября 2020 г. № 415 // ЭТАЛОН, Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2022.

мотворчество»), разработка которой возложена на Национальный центр правовой информации Республики Беларусь.

Библиографический список

Декларация «О государственном суверенитете Белорусской Советской Социалистической Республики» от 27 июля 1990 года. – URL: <https://constitutions.ru/?p=2941> (дата обращения: 05.08.2022 г.).

Коваленко Е. И. Планово, оперативно, качественно – новое в законодательстве о нормотворческой деятельности / Е. И. Коваленко // Право.by. Научно-практический журнал. – 2021. – № 1. – С. 5–12.

О нормативных правовых актах : закон Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З. – URL: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=108640&ysclid=lgcd8eb09352528790 (дата обращения: 25.07.2022 г.).

О нормативных правовых актах Республики Беларусь : закон Республики Беларусь № 361-З от 10.01.2000 г. – URL: <http://belzakon.net> (дата обращения: 20.07.2022 г.).

О повышении оперативности и качества нормотворческой деятельности : указ Президента Респ. Беларусь от 17 ноября 2020 г. № 415 [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН, Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

References

Declaration “Of state sovereignty of the Belarus Soviet Socialist Republic” of July 27, 1990. – URL: <https://constitutions.ru/?p=2941> (date of access: 05.08.2022).

Kovalenko E. I. Planned, promptly, qualitative – new in the legislation on norm-making activity / E. I. Kovalenko // Pravo.by. Scientific and practical journal. – 2021. – N. 1. – Pp. 5–12.

On normative legal acts : law of the Belarus Republic of July 17, 2018 N. 130-Z. – URL: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=108640&ysclid=lgcd8eb09352528790 (date of access: 25.07.2022).

On normative legal acts : law of the Belarus Republic of January 10, 2000 N. 361-Z. – URL: <http://belzakon.net> (date of access: 20.07.2022).

On the improving the efficiency and quality of the norm-making activity : decree of the President of the Belarus republic of November 17, 2020 N. 415 [Electronic source] // Etalon, Law of the Belarus Republic / National center of legal information. – Minsk, 2022.

Для цитирования:

Седельник В. В., Чебуранова С. Е. Особенности становления и развития законодательной регламентации правотворческой техники в Республике Беларусь // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2023. № 1. С. 138–145.

Recommended citation:

Sedelnik V. V., Cheburanova S. E. Peculiarities of the formation and development of legislative regulation of law-making technique in the Republic of Belarus // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2023. N. 1 (2). Pp. 138–145.

Сведения об авторах

Седельник Валерия Валерьяновна – заведующий кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета Гродненского государственного университета им. Янки Купалы, кандидат юридических наук, доцент

E-mail: v.sedelnik58@mail.ru

Чебуранова Светлана Егоровна – декан юридического факультета Гродненского государственного университета им. Янки Купалы, кандидат юридических наук, доцент

E-mail: cheburanova_se@grsu.by

Information about authors

Sedelnik Valeria Valerianovna – Head of the Department of Theory and History of State and Law of the Faculty of Law of the Grodno State University named after Yanka Kupala, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

E-mail: v.sedelnik58@mail.ru

Cheburanova Svetlana Egorovna – Dean of the Faculty of Law of the Grodno State University named after Yanka Kupala, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

E-mail: cheburanova_se@grsu.by

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Требования к материалам, направляемым для публикации в сетевом научно-практическом издании «Журнал юридической антропологии и конфликтологии»

1. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

1.1. К публикации в сетевом научно-практическом издании «Журнал юридической антропологии и конфликтологии» (далее – Журнал) принимаются материалы, содержащие результаты научных исследований, оформленные в виде полных статей, кратких сообщений, обзоров. В журнале могут быть опубликованы рецензии и материалы-обзоры проведенных научных конференций, круглых столов, форумов, семинаров.

1.2. Материалы необходимо представлять в редакционную коллегию по почте или по электронной почте. В случае, если материал направляется в редакционную коллегию по почте, необходимо прилагать электронный носитель, содержащий файл со статьей автора.

1.3. Содержание присылаемых в редакционную коллегию Журнала материалов и их оформление должно соответствовать установленным требованиям. Присланные авторами материалы должны отличаться высокой степенью оригинальности. В случае явного несоответствия формальным требованиям (в части структуры, основных сведений, ссылок, библиографического списка) главный редактор, заместители главного редактора или ответственный секретарь Журнала могут направить поступившие материалы на доработку авторам.

1.4. Подписанный автором (соавторами) текст публикации оформляется одним файлом, который содержит следующую информацию и структуру:

- индекс УДК;
- название статьи на русском и английском языках;
- инициалы и фамилия автора (соавторов) на русском и английском языках;
- наименование образовательной, научной или иной организации, в которой автор (соавторы) работают (или занимают соответствующие должности) на русском и английском языках;
- дата направления материала в редакцию Журнала;
- аннотация статьи на русском и английском языках;
- ключевые слова на русском и английском языках (6–15 слов);

- текст статьи;

- сведения об авторе (соавторах) на русском и английском языках с полным указанием фамилии, имени, отчества, ученой степени, ученого звания, основного места работы, занимаемой должности, номера (служебного, домашнего или мобильного) телефона, домашнего или служебного адресов, адреса электронной почты.

1.5. Для аспирантов и соискателей дополнительно необходимо приложить в редакцию журнала выписку из протокола заседания кафедры (сектора, подразделения организации) о рекомендации присланного материала к опубликованию в журнале или подписанный научным руководителем краткий отзыв о рекомендации статьи к опубликованию.

1.6. Статьи, направляемые в редакцию, подлежат рецензированию, и в случае положительной рецензии – научному и контрольному редактированию.

1.7. Решение о публикации статьи принимается редакционной коллегией журнала.

1.8. Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

2. ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ, НАПРАВЛЯЕМЫХ В РЕДАКЦИОННУЮ КОЛЛЕГИЮ ЖУРНАЛА ДЛЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ

2.1. Текст печатается в текстовом редакторе WinWord шрифтом Times New Roman 14-го кегля (размера) через 1,5 интервала.

2.2. Все поля на листе составляют по 2 сантиметра.

2.3. Объем статьи должен составлять 15–20 страниц (1 п.л., или около 40 тыс. знаков). По согласованию с редакцией журнала к публикации могут быть приняты статьи большего объема.

2.4. Сноски оформляются постранично. Нумерация – сквозная. Текст сносок печатается шрифтом Times New Roman 12-го кегля (размера) через 1,5 интервала.

2.5. В конце статьи приводится библиографический список в алфавитном порядке. Библиографический список подлежит переводу на английский язык по следующему образцу:

Библиографический список

Алекси Р. Понятие и действительность права (ответ юридическому позитивизму) / Р. Алекси. – М. : Инфотропик Медиа, 2011. – 192 с.

Радбрух Г. Философия права / Г. Радбрух. – М. : Международные отношения, 2004. – 238 с.

Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns, Bd. 1–2 / J. Habermas. – Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1981. – 1216 p.

.....

References

Aleksi R. The concept and validity of law (the answer to legal positivism) / R. Aleksi. – М. : Infotropik Media, 2011. – 192 p. (In Rus)

Radbruch G. Legal philosophy / G. Radbruch. – М. : International relationships, 2004. – 238 p. (In Rus)

Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns, Bd. 1–2 / J. Habermas. – Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1981. – 1216 p.

.....

2.6. Правила оформления сносок – в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Во избежание ошибок редакционная коллегия рекомендует авторам самостоятельно не сокращать сноски, всякий раз приводя полные сведения о цитируемом источнике.

2.7. Все страницы рукописи следует пронумеровать.

2.8. Наименования организаций, органов государственной власти, учреждений, международных организаций не сокращаются. Все аббревиатуры и сокращения, за исключением общеизвестных, должны быть расшифрованы при первом употреблении в тексте.

2.9. Все таблицы должны быть упомянуты в тексте. Каждая таблица печатается на отдельной странице и нумеруется соответственно первому упоминанию ее в тексте. Каждый столбец (колонка) должен иметь короткий заголовок (в нем могут быть использованы сокращения, аббревиатуры). Разъяснения терминов, аббревиатур помещаются в сноске (примечаниях), а не в названии таблиц. Для сноски применяется символ – *. Если используются данные из другого опубликованного или неопубликованного источника, должно быть полностью приведено его название.

2.10. Схемы и диаграммы должны быть пронумерованы и представлены в виде отдельных файлов.

2.11. Наличие иллюстраций в публикациях приветствуется. Иллюстрации (фотографии) могут быть черно-белыми и цветными, отсканированы с разрешением 300 точек на дюйм и сохранены в отдельном файле в формате tif или jpg. Для каждой иллюстрации в обязательном порядке должен быть указан источник ее получения.

3. РЕШЕНИЕ О ПУБЛИКАЦИИ И ОТКАЗ В ПУБЛИКАЦИИ

3.1. Автор, направляя в журнал текст статьи, обязуется до принятия решения о публикации не представлять идентичный материал другим печатным изданиям.

3.2. В случае, если для принятия решения о публикации необходимы познания в узкой области юриспруденции, редакционная коллегия направляет статью для заключения специалистам или экспертам.

3.3. В отдельных случаях возможна доработка (улучшение качества) статьи автором по рекомендации редакционной коллегии. Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде вместе с ее первоначальным вариантом в максимально короткие сроки.

3.4. Редакция журнала направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ.

3.5. Отказ в публикации возможен в случаях:

- несоответствия статьи профилю и специфике журнала;
- грубых нарушений, допущенных при цитировании, в том числе при ссылках на законодательство;
- несоответствия статьи критериям научного уровня и практической полезности;
- отрицательного заключения редакционной коллегии;
- опубликования идентичной статьи в иных изданиях или представления статьи для опубликования идентичных материалов в другие издания.

3.6. Рукописи, представленные для публикации, не возвращаются.

3.7. Мнение редакционной коллегии не всегда может совпадать с точкой зрения автора.

Corrige praetertum Praesens rege Cerne futurum
Praesens rege Corrigere praetertum Praesens rege
Cerne futurum Praesens rege Praesens rege
Praesens rege Cerne futurum Corrigere praetertum Cerne futurum